**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026 – 3

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, г. н.с.), *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, с. н.с. отд. языкознания), *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, в. н.с. отд. языкознания), *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, акад. РАН (Институт языкознания РАН, г. н.с.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. Пушкина, РГГУ, проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.), *Е.А. Казак* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, н. с.), *В.И. Карасик* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, проф.), *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, в. н.с.), *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ, проф.), *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук (МГЛУ, дир. Института прикладной и математической лингвистики), *В.В. Потапов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, с. н.с.), *М.М. Раевская* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *И.А. Шаронов* – д-р филол. наук (РГГУ, зав. кафедрой), *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук (МГТУ им. Н.Э. Баумана, проф.).

Ответственный секретарь – *М.Б. Раренко*
Ответственные за выпуск – *Е.О. Опарина*, *М.Б. Раренко*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776
DOI: 10.31249/ling/2026.03.00

© ИНИОН РАН, 2026

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INION RAN

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2026 – 3

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the “Linguistics” Series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, Chief Researcher), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology, Deputy Editor-in-Chief (INION RAN, Senior Researcher), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology, Deputy Editor-in-Chief (INION RAN, Leading Researcher), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, Chief Researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, Prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, Prof.), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, Researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, Prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, Leading Researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, Prof.), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher), *M.M. Raevskaya* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Prof.), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary Translators' Guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Prof.), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU), *E.B. Jakovleva* – Doctor of Philology (Bauman Moscow State Technical University, Prof.).

Executive Secretary – *M.B. Rarenko*
Responsible for the Issue – *E.O. Oparina*, *M.B. Rarenko*

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is included into the Index of Peer-reviewed Academic Journals and Publications that must publish academic results of doctorial and candidate degrees, recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and is indexed in the Russian Science Citation Index.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФС 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776
DOI: 10.31249/ling/2026.03.00

© INION RAN, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Алпатов В.М. Традиции и новаторство в отечественной лингвистике 9

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Германова Н.Н. Сопоставительная лингвопрагматика в эпоху глобализации: прагматика кросс-культурная, интеръязыковая и интеркультурная 24

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Карасик В.И. Осмысление власти и начальников в языковом сознании 42

Орлова О.С. Эвфемистические номинации животных в русских традиционных загадках 60

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Языковая политика и вопросы этнической дискриминации в Венгрии и сопредельных государствах на современном этапе / Молнар А.А., Белякова И.Г., Кургузенкова Ж.В., Амерханова О.О. 77

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Русакова И.Б. Лексико-семантический уровень репрезентации концепта «пьянство» в русском и английском языках 98

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Потапов В.В. Некоторые концептуальные подходы к автоматизированному обучению иноязычному произношению (на примере немецкого языка) 109

РЕЦЕНЗИИ

Гусейнова И.А. Рецензия на монографию: Бондарчук Г.Г., Горожанов А.И., Грачев Г.В. Английская предметная лексика (лингвистический, лингвосемиотический и лингводидактические аспекты изучения): монография. – Казань: Бук, 2025. – 156 с. 123
Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Иноязычное образование в условиях современных политических, экономических и культурных реалий развития России: социологический анализ: монография / под ред. И.В. Образцова; ФГБОУ ВО МГЛУ. – М.: Прометей, 2025. – 766 с. 130

CONTENTS

HISTORY OF LINGUISTICS

Alpatov V.M. Traditions and Innovation in Russian Linguistics 9

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

Guermanova N.N. Comparative Pragmatics and Globalization: Cross-cultural, Interlanguage and Intercultural Pragmatics 24

LINGUOCULTUROLOGY

Karasik V.I. Understanding Power and Chiefs in Language Consciousness 42

Orlova O.S. Euphemistic Nominations of Animals in Russian Traditional Riddles 60

SOCIOLINGUISTICS

Language Policy and Issues of Ethnic Discrimination in Hungary and Neighboring States at the Present Stage / Molnar A.A., Belyakova I.G., Kurguzenkova Zh. V., Amerkhanova O.O. 77

COGNITIVE LINGUISTICS

Rusakova I.B. Lexico-Semantic Representation of the Concept "Hard Drinking" in the Russian and English Languages 98

APPLIED LINGUISTICS

Potapov V.V. Conceptual Approaches to Automated Teaching of Foreign Language Pronunciation (Using the Example of the German Language) 109

REVIEWS

Guseynova I.A. Book Review: Bondarchuk G.G., Gorozhanov A.I., Grachev G.V. English Subject-Related Vocabulary (Linguistic, Semiotic, And Linguodidactic Aspects Of Study): Monograph. – Kazan': Buk, 2025. – 156 p. 123
Rarenko M.B. Book Review: Foreign Language Education in the Context of Modern Political, Economic and Cultural Realities of Russia's Development: Sociological Analysis: Monograph / Ed. by I.V. Obraztsov; Moscow: Prometheus. 2025. 766 p. 130

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
HISTORY OF LINGUISTICS

УДК 81–112.2 DOI: 10.31249/ling/2026.03/01

Алпатов В.М.[1]

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается историческая динамика развития российского языкознания XIX–XXI вв. сквозь призму взаимодействия традиций и новаторства. Эволюция научного знания не носит линейно-поступательного характера, а описывается образом спирали, на каждом витке которой прежние идеи возвращаются в обогащенном виде. Прослеживается смена основных парадигм: от сравнительно-исторического метода и позитивизма младограмматиков с их культом наблюдаемого факта – к зарождению структурализма в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского, его расцвету в виде формальных моделей типа «Смысл ↔ Текст» и, наконец, к современной функционально-когнитивной парадигме, возвращающей в центр исследования человека говорящего. Особое внимание уделено драматическим эпизодам борьбы идей: неприятию и последующей реабилитации концепций В.Н. Волошинова и В.И. Абаева, конфликту «старой школы» с теоретиками структурализма, а также возрождению экспериментальной фонетики на новой технологической основе. Традиция и новаторство выступают не как антагонисты, а как диалектически связанные стороны единого процесса, в котором хаос новых фактов постоянно требует нового порядка, а границы лин-

[1] © Алпатов В.М., 2026

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН; v-alpatov@iling-ran.ru

гвистики остаются подвижными и определяются живым исследовательским поиском.

Ключевые слова: история языкознания; отечественная лингвистика; структурализм; функциональная лингвистика; когнитивная лингвистика; дегуманизация языкознания; антропоцентризм; спираль науки.

Для цитирования: Алпатов В.М. Традиции и новаторство в отечественной лингвистике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 9–23. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/01

Поступила в редакцию: 30.04.2026.
Принята в печать: 02.06. 2026.

Alpatov V.M.*

TRADITIONS AND INNOVATION IN RUSSIAN LINGUISTICS

Abstract. The article examines the historical dynamics of the Russian linguistics in the 19 th–21 st centuries through the interaction of tradition and innovation. The evolution of scientific knowledge is not linear, but is described as a spiral one, with previous ideas returning in an enriched form at each turn. The author traces the shift in key paradigms: from the comparative-historical method and the positivism of the early grammarians with their cult of observable fact to the emergence of structuralism in the works of I.A. Baudouin de Courtenay and N.V. Krushevsky, its flourishing in the form of formal models such as "Meaning ↔ Text", and, finally, to the modern functional-cognitive paradigm, which returns the human speaker to the center of research. Particular attention is given to dramatic episodes in the struggle of ideas: the rejection and subsequent rehabilitation of the concepts of V.N. Voloshinov and V.I. Abaev, the conflict between the "old school" and the theorists of structuralism, and the revival of experimental phonetics on a new technological basis. Tradition and innovation act not as antagonists, but as dialectically interconnected aspects of a single process in which the chaos of new facts constantly demands a new order, while the boundaries of linguistics remain fluid and are defined by vibrant research.

* Alpatov V.M. – Full Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Languages of East and Southeast Asia, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; v-alpatov@iling-ran.ru

Keywords: history of linguistics; Russian linguistics; structuralism; functional linguistics; cognitive linguistics; dehumanization of linguistics; anthropocentrism; the spiral of science.

For citation: Alpatov V.M. Traditions and Innovation in Russian Linguistics // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 3. – Pp. 9–23. DOI: 10.31249/ling/2026.03/01

Received: 30.04.2026.
Accepted: 02.06.2026.

Введение

Процесс развития мировой науки не является прямолинейным поступательным движением. Ему в полной мере соответствует образ спирали: идеи, некогда отвергнутые или забытые, способны возрождаться на качественно новом уровне, обогатившись выработанными к этому времени методами, которые первоначально возникли в рамках совсем иных теоретических принципов. Развитие лингвистического знания движется неравномерно: спокойные периоды накопления сведений внутри устоявшихся парадигм сменяются их частичной или полной ломкой, революционными скачками. Такое движение можно представить как вечное противоборство хаоса и его упорядочения. Открытие все новых фактов неизбежно увеличивает энтропию описания, а создание обобщающих теорий позволяет вновь преодолеть хаос, выстроив новую систему.

Отечественная лингвистика прошла в этом смысле драматичный и поучительный путь, в котором самобытные традиции многократно скрещивались с новаторскими течениями, порождая как гениальные предвидения, так и тупиковые альтернативы.

Основная часть

В середине XIX в. в России закладываются основы научного языкознания. С одной стороны, трудами А.Х. Востокова закрепляется сравнительно-исторический метод, открывающий родство языков и законы их эволюции. С другой – почти сразу же появляется мощная фигура А.А. Потебни, который, не отрицая историзма, выдвигает множество оригинальных идей, касающихся связи языка с мышлением, внутренней формы слова, поэтического творчества. Многие из его догадок оказались настолько глубоки, что

обсуждаются до сих пор. Однако магистральная линия тогдашнего мирового языкознания была иной. Натуралистическое направление А. Шлейхера, с его уподоблением языка живому организму, довольно быстро было отвергнуто младограмматиками – причиной тому стали априорность и недоказуемость натуралистических построений. В России это течение заметного развития не получило, хотя отдельные его отголоски можно найти у И.И. Срезневского.

Победивший младограмматизм нес с собой новую философию исследования – позитивизм. Принципиально важно, что на первый план здесь выходит уже не сам по себе историзм, а требование сосредоточиться исключительно на том, что доступно непосредственному наблюдению, или же на том, что может быть выведено из наблюдаемого по строго определенным правилам. В этом заключался радикальный разрыв с предшествующей традицией, охотно рассуждавшей о «духе» языка и его «органической» жизни. Воцарилось то, что В.Н. Волошинов позже назовет «преклонением перед фактом», и столь же последовательное изгнание «метафизики» – любой спекулятивной проблематики, которая не укладывалась в рамки эмпирической верификации. Лингвистика сознательно ограничивала свой горизонт, чтобы обрести строгость естественной науки [Волошинов, 1995, с. 218].

Суть этого поворота была почти одновременно и очень точно сформулирована современниками. Э. Кассирер, анализируя общенаучные сдвиги той эпохи, заметил: «познать какой-либо процесс... значило теперь не что иное, как разложить его на элементарные процессы» [Кассирер, 2002, с. 96]. За этим стояла глубокая переориентация: объяснительная амбиция науки решительно отодвигалась в сторону. Э. Кассирер разъяснял это с предельной четкостью: «требование объяснения природных процессов по общим законам механизма оказывается, по мере того как чисто позитивистский идеал в науке действует все более и более строго, оттесненным; его место занимает более скромная задача описания процессов, происходящих по этим законам» [там же, с. 97]. В. Брёндаль, в свою очередь, добавлял, что позитивистский подход «интересуется почти исключительно явлениями, доступными непосредственному наблюдению.... Всюду исходят из конкретного и чаще всего этим и ограничиваются» [Брёндаль, 1960, с. 40]. Тем самым утверждалась программа минимализма: наука не должна искать скрытых сущностей, ей достаточно кропотливой фиксации фактов и их ближайших регулярностей.

Наиболее наглядной и яркой манифестацией данной позитивистской установки стало возникновение экспериментальной фонетики. В отличие от господствовавшей прежде исторической фонетики, новая дисциплина была синхронной и по самому своему определению неисторической – она имела дело с тем, что можно измерить и зарегистрировать здесь и сейчас. Экспериментальная фонетика расцвела именно в эпоху младограмматизма и развивалась прежде всего усилиями ученых, разделявших эмпирический пафос этого направления; среди них заметную роль сыграл А.И. Томсон (см. подробнее: [Робинсон, 2004]). В этой среде безоговорочно признавался приоритет фонетики, опирающейся на эксперимент с применением точных приборов. Вся деятельность исследователя оказывалась сосредоточенной на регистрации наблюдаемых фактов – перед нами был чистый позитивизм, хотя и лишенный исторической перспективы. Показательно, что полученные таким образом данные долгое время не нуждались в какой-либо содержательной интерпретации: они воспринимались как самодостаточный вклад в науку, как кирпичики, из которых позже должна была сложиться стройная картина языка. Именно в этой атмосфере абсолютного доверия к факту и складывалась та почва, на которой через несколько десятилетий вырастет и структурная фонология, – но это уже движение от чистого хаоса наблюдений к новому порядку системы. Аналогичную тенденцию демонстрировало и бурное развитие описательной диалектологии. Любопытно, что даже крупнейший компаративист Ф.Ф. Фортунатов помимо реконструкций занимался типологией и синхронной теорией грамматики, что по тем временам было редкостью и свидетельствовало об открытости эмпиризму. Авторитетный языковед С.К. Булич в энциклопедии Брокгауза и Ефрона утверждал, что каждый серьезный лингвист владеет методами работы с приборами [Булич, 1902].

На рубеже XIX–XX вв. младограмматизм, накопив колоссальный эмпирический материал, начал испытывать теоретический кризис. С 1920-х годов он, разумеется, не исчез и продолжал давать ценные результаты, особенно в исследованиях исторического и сравнительно-исторического цикла, но перестал определять магистральные пути науки. Более того, сами эти области языкознания стали в какой-то мере восприниматься как маргинальные на фоне новых синхронных увлечений.

Нарастала потребность в теоретических альтернативах. Одной из самых громких, но в итоге оказавшейся тупиковой, стало

«новое учение о языке» Н.Я. Марра. Исследователь пытался охватить языковой материал во всей его полноте, категорически отвергал существовавшие правила, но не смог предложить взамен ничего убедительного. Н.Я. Марр претендовал на объяснение всех известных ему языковых явлений сразу, однако не владел строгим методом и придумывал разнородные объяснения, часто откровенно фантастические и не основанные на фактах. В результате колоссальная энергия поиска, сама по себе заслуживавшая бы восхищения, ушла у него не в построение верифицируемой теории, а в создание ненаучного мифа [Марр, 1933–1937].

Позже самую точную и взвешенную оценку этого явления дал В.И. Абаев – ученый, который в молодости испытал влияние марризма и сумел его преодолеть. Он отмечал и положительные качества Н.Я. Марра – «способность всякий частный вопрос… ставить широко, комплексно, в контексте всей культурной истории народа» [Абаев, 2006, с. 94], выдвижение на первый план значения. Однако трагедия Н.Я. Марра, по В.И. Абаеву, коренилась в разбалансировке самого механизма научного мышления. Как отмечалось впоследствии, трагедия Н.Я. Марра состояла в том, что «творческий центр работал у него с силой постоянно действовавшего вулкана, а центр торможения все больше ослабевал»; в результате путь, на который он встал, «мог привести только к научной катастрофе» [там же]. Эта формула важна не только как характеристика конкретной фигуры: она высвечивает опасность всякой теоретической альтернативы, которая, восставая против эмпирической узости, теряет связь с фактом.

На этом фоне становится особенно ясным, почему подлинный прорыв к новой парадигме был подготовлен не в размашистом фантазировании, а в совсем иной научной среде – в Казанской лингвистической школе, делавшей ставку на расширение самого понятия закона и пересмотр отношений между статикой и динамикой. Н.В. Крушевский спорил не только с исторической направленностью современной ему лингвистики, но и с ее плоским эмпиризмом. Законы он понимал не как формулы конкретных звуковых переходов в конкретных языках, а много шире – как универсальные принципы, управляющие языковой системой. В этом он решительно расходился с младограмматиками, для которых законом было лишь статистическое обобщение наблюдаемых соответствий [Крушевский, 1964].

Еще дальше пошел И.А. Бодуэн де Куртенэ. Уже в 1870 г. – задолго до того, как синхронный анализ стал общим местом, – он

писал: «Для того, чтобы представить внутреннюю историю языка в полном его развитии» необходимо «рассмотрение строя и состава теперешнего языка во всем его разнообразии». За этой формулировкой стояло принципиально новое понимание соотношения динамики и статики. И.А. Бодуэн подчеркивал, что науке о языке важно не только «движение языка», но и его «равновесие», а «статика» – отнюдь не чисто описательная дисциплина, какой ее представляли эмпирики, но полноправный уровень теоретического анализа [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 110]. Именно эта мысль – о теоретической значимости синхронного среза – стала впоследствии одной из несущих опор структурализма. Так на смену марровскому вулкану идей, погребенному под собственной лавой, приходила стройная и строгая система.

Самым значимым вкладом Бодуэна И.А. стало введение понятия фонемы. Именно оно позволило преодолеть хаос, порожденный экспериментальной фонетикой с ее бесконечным многообразием физических звучаний: фонема, как психический эквивалент и функциональная единица, выделила общие закономерности в море акустических фактов. Дальнейшее развитие лингвистики проходило под знаком соединения идей И.А. Бодуэна, Ф. де Соссюра и их последователей. В СССР после революции это приобрело еще и практическую направленность: создание алфавитов для бесписьменных народов потребовало прикладной фонологии. Огромную роль здесь сыграл Н.Ф. Яковлев (впоследствии почти забытый). Сложились московская и ленинградская фонологические школы, в разной степени отходившие от эмпиризма экспериментальной фонетики и диалектологии. Диалект перестали трактовать просто как список особенностей – его научились видеть как языковую систему. Фонология решительно повернулась от «машинной» (приборной) регистрации к «бумажной», которая не столько открывала новые факты, сколько вводила уже известные в стройную систему отношений. Для своего времени это было подлинным новаторством.

Сложилась целостная парадигма, получившая название структурализма. Сам этот термин вошел в отечественный научный обиход лишь с конца 1950-х годов, однако стоящая за ним исследовательская программа кристаллизовалась значительно раньше – прежде всего в фонологии, где на сравнительно простом и обозримом материале было легче всего выработать новые принципы анализа. Показательно, что в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» В.А. Виноградов дает структурализму предельно обоб-

щенную характеристику, подчеркивая именно его программное единство: «Совокупность воззрений на язык и методов его исследования, в основе к-рых лежит понимание языка как знаковой системы... с четко выделимыми структурными элементами (единицами языка, их классами и пр.) и стремление к строгому (приближающемуся к точным наукам) формальному описанию языка» [Виноградов, 1990, с. 496–497]. Обратим внимание на последнюю часть этой формулировки: речь идет не просто об описании, а о формальном описании, которое сознательно ориентировано на идеал точных наук. В этом пункте структурализм наследовал позитивистский пафос младограмматиков, но переносил его с регистрации фактов на моделирование отношений.

Что же составляло главный предмет этого моделирования? Ответ также зафиксирован в словарной статье В.А. Виноградова, и он чрезвычайно важен для понимания сути направления. Особое внимание в структурализме уделяется структуре языка, которая понимается как «сеть отношений (противопоставлений) между элементами языковой системы..., упорядоченных и находящихся в иерархич. зависимости в пределах определ. уровней» [там же]. Единицы языка, таким образом, получали значимость не сами по себе, а исключительно через свое место в этой сети – старый атомизм, унаследованный от младограмматиков, уступал место реляционному взгляду. Иерархичность уровней указывала на то, что система не является плоским набором оппозиций, но организована по строгим ярусам – от фонем к морфемам, от морфем к синтаксису, – и переход между уровнями подчиняется определенным правилам.

Наконец, В.А. Виноградов фиксирует и конкретную исследовательскую процедуру, в которой эта программа находит свое практическое воплощение. Приёмы такого анализа, указывает он, сводятся к «такому анализу реального текста, к-рый позволяет выделить обобщенные инвариантные единицы (схемы предложений, морфемы, фонемы) и соотнести их с конкретными речевыми сегментами на основе строгих правил реализации» [там же]. Идея инварианта здесь является ключевой: за бесконечно варьирующимися материальными оболочками языковых выражений исследователь должен увидеть ограниченный набор абстрактных образцов и сформулировать алгоритм, связывающий одно с другим. В сущности, именно этот ход – от наблюдаемой речи к скрытой за ней системе – и конституировал структурализм как научную парадигму,

отделяя его как от чисто эмпирического собирательства фактов, так и от спекулятивных построений прежних эпох.

Всем направлениям структурализма, хотя и в разной степени, был свойствен отказ от антропоцентризма. Язык начали рассматривать по образцу естественных наук – с позиции извне, как автономный объект. На первом плане оказалось устройство языка, а его изменения трактовались прежде всего как диахронические преобразования систем, а не как живая история носителей. В советском контексте любопытным противовесом стало насаждавшееся сверху «сталинское учение о языке». Попытки говорить о функционировании языка были единичны; среди них можно назвать Г.О. Винокура, близкого к пражским структуралистам, и ранние работы Л.П. Якубинского.

Наиболее радикальное крыло этой формализующей парадигмы связано с машинной лингвистикой и с работами И.А. Мельчука. Свою задачу он формулировал предельно четко: «Описать конкретный язык (или его фрагмент) значит построить для него (для его фрагмента) модель типа “Смысл ↔ Текст”» [Мельчук, 1974, с. 5]. При этом, как писал И.А. Мельчук, «Модель “Смысл ↔ Текст” должна быть задана совершенно формально – посредством однозначных и логически последовательных формулировок, не требующих привлечения какой-либо добавочной информации. В качестве контрольного критерия выдвигается принципиальная осуществимость модели или любого ее фрагмента на вычислительной машине». Он настаивал на том, что «язык моделируется только в плане преобразования “Смысл ↔ Текст” без учета других функций языка и его исторических, социальных и т.п. связей» [Мельчук, 1974, с. 20]. Здесь позитивистски понятая строгость доведена до предела, за которым исчезают и человек, и история.

Параллельно с этими теоретическими бурями существовала и продолжает существовать так называемая традиционная лингвистика, в рамках которой изучали конкретные языки; она по сей день господствует в учебной литературе. Традиционная грамматика обладает нестрогим понятийным аппаратом и ориентируется на категории «своих» языков, восходя во многом к античной науке начиная с Дионисия Фракийского. Если языковед специально не рефлексирует над теорией, в его рассуждениях все равно проявляется влияние какой-либо, часто – теории школьного учебника, усвоенного в студенчестве.

Здесь кроется и психологическая подоплека многолетней вражды. Ученые старой школы, привыкшие годами самостоятельно собирать материал по истории языков и прошедшие через черновую работу с конкретными фактами, видели в новых веяниях прежде всего умозрительное теоретизирование, оторванное от реального знания. С их точки зрения, структуралисты, включая Н.С. Трубецкого, проявляли «слабосилие», занимались «игрой – рассуждениями без истории» и не умели «преодолевать подготовительную работу по изучению накопившихся данных по истории языков» (цит. по: [Робинсон, 2004, с. 175]). Это был не просто спор о методе, но и конфликт научных биографий: одни десятилетиями осваивали ремесло, другие предлагали пересмотреть само понятие ремесла. А.И. Томсон и Г.А. Ильинский выражали это кредо с афористичной прямотой: «Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами барахтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту, не с чужих слов» (цит. по: [Робинсон, 2004, с. 153]). В такой формулировке структуралисты автоматически лишались права голоса.

Однако в России были и более глубокие попытки противостоять структурализму – не с позиции эмпирического традиционализма, а с иных философских оснований. Уже в 1920-е годы В.Н. Волошинов (книга которого «Марксизм и философия языка» теперь активно изучается и переиздается во многих странах) и Л.П. Якубинский предлагали взглянуть на язык как на социальное и диалогическое явление. Для них язык существовал не в виде абстрактной системы, а в реальном речевом взаимодействии, в конкретных актах коммуникации. Однако это направление не получило развития. Показательно свидетельство А.А. Реформатского: «книжка Волошинова “Марксизм и философия языка”... в то время нас мало затронула, потому что явно в ней так отчетливо сквозило фосслерианское, так называемое направление. А это нам было чуждо»[1]. Иными словами, альтернатива, предложенная В.Н. Волошиновым и Л.П. Якубинским, была отвергнута даже не в ходе полемики, а просто потому, что не вписывалась в господствовавшие представления о научности. Книгу надолго забыли на родине, и лишь спустя десятилетия она была заново открыта.

Спустя несколько десятилетий, в 1965 г., В.И. Абаев опубликовал статью о «дегуманизации» языкознания, вызвавшую целую бурю. Он продолжил ту же линию критики, но адресовал ее

[1] https://oralhistory.ru/talks/orh-347

уже непосредственно структуралистскому мейнстриму. Он находил в структурализме «тенденцию к изоляции языкознания от гуманитарного круга», «бегство от человеческого фактора» [Абаев, 2006, с. 122]. В.И. Абаев не отрицал структурализм целиком – он признавал его достижения в фонологии и вообще в изучении «знаковой системы» языка. Но он отказывался распространять структурные методы на семантику, полагая, что здесь они бесплодны, а стремление во что бы то ни стало сохранить формальную строгость ведет к утрате самого предмета. Его сомнения в применимости структурных методов к изучению семантики и во всесильности математических моделей для языка были объявлены сторонниками структурализма «мракобесием». В организованной тогда в «Вопросах языкознания» дискуссии В.И. Абаева не поддержал никто. Тем не менее историческая оптика со временем изменилась: идеи В.И. Абаева, когда-то воспринимавшиеся как крайне отсталые, теперь уже выглядят как предвосхищавшие современные подходы функционализма. И не случайно японский языковед К. Танака, как отмечалось, оценивал ранние работы В.И. Абаева, особенно «Язык как идеология и язык как техника», в качестве лучшего из созданного в советской лингвистике. В этом драматическом эпизоде как в капле воды, отразилась вся логика спирали: то, что на одном витке кажется маргинальным, на следующем может оказаться магистральным.

Диалектика традиций проявилась и в частных дисциплинах. Экспериментальная фонетика, бывшая когда-то знаменем позитивизма, сегодня переживает подлинное возрождение – уже на совершенно иной, компьютерной основе. Классическая же фонология времен Н.С. Трубецкого, та самая, что усилиями своего создателя и его последователей превратилась в образец строгой науки и на несколько десятилетий оттеснила «машинную» фонетику на периферию, теперь сама выглядит в известной мере маргинальной, уступив центральные позиции более динамичным и прикладным направлениям.

Во второй половине XX в. сложилась иная, так называемая функциональная, парадигма, включившая в себя когнитивные исследования. В России, где генеративизм Н. Хомского долгое время не получал значительного распространения, функциональное направление заметно преобладает. С ним связаны имена Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, В.Г. Гака и многих других. На первый план выходит функционирование языка, когнитивные и коммуникативные процессы в их живом взаимодействии. Функ-

циональная лингвистика вообще стремится максимально снять всякие ограничения, наложенные структуралистскими канонами.

Если для структурализма, особенно в его наиболее радикальных версиях, образцом научности служили математика и естественные науки с их формальной строгостью и установкой на «черный ящик», то функционализм избирает принципиально иную стратегию. Ему свойственно значительное расширение тематики, при котором в сферу внимания лингвиста попадают не только формальные структуры, но и когнитивные, социальные, коммуникативные аспекты языка и стремление к установлению связей со многими науками о человеке – психологией, нейронаукой, социологией, культурной антропологией, а не только с математикой. Однако эта открытость имеет свою цену: заметно снизился уровень формальной строгости. Границы самой лингвистики размываются, и этот процесс был осознанно сформулирован как программа. А.Е. Кибрик и его соавторы выдвинули постклассические постулаты: «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, 1992, с. 19–20]; «то, что считается “не лингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем» [Кибрик, 1992, с. 20]; проблематика когнитивной лингвистики понимается максимально широко, включая любые вопросы взаимодействия языка, ума и мозга человека.

Для структуралиста классической выучки такая экспансия была немыслимой. Считалось, что об уме серьезным ученым вообще говорить не следует, а проблема взаимодействия языка и мозга не относится к лингвистике. Теперь же эти темы, разрабатываемые Т.В. Черниговской и ее коллегами (включая покойного В.Л. Деглина), стали передним краем науки.

Любопытно, что при всем расхождении позиций здесь просматривается определенная перекличка идей. А.Е. Кибрик, в свое время принадлежавший к числу советских структуралистов, писал, что «форма, в конечном итоге, всегда мотивируется смыслом», а когда эта связь стерта, «надо искать исходное мотивированное состояние» [Кибрик, 1992, с. 25]. Чем это не «технизация» по Абаеву? Или другой пример. В.И. Абаев называл математическую лингвистику как отдельную дисциплину скрещением «псевдолингвистики с псевдоматематикой»; А.Е. Кибрик же, не отвергая формализации вовсе, осуждал такую, «которая создается исключительно ради самой себя... лишь переписывая другим способом давно известные неформализованные истины» [Кибрик, 1992, с. 42]. В сущности,

оба говорили о необходимости думать о содержании, а не только о форме.

Заключение

Отечественная лингвистика проделала огромный путь от сравнительно-исторических штудий Востокова до современных когнитивных исследований. Традиция и новаторство выступают не как антагонисты, а как диалектически связанные стороны единого процесса. Идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ сначала казались чужеродными, чтобы потом лечь в основу структурализма. Критические аргументы В.И. Абаева, осмеянные в 1965 г., позднее оказались созвучны целому поколению функционалистов. А модель «Смысл ↔ Текст», доведшая формализацию до логического предела, сама стала и памятником структурализму, и отправной точкой для компьютерной лингвистики.

Как представляется, в лингвистике уже не первое столетие соперничают два подхода, которые можно было бы, вслед за В.Н. Волошиновым, назвать объективистским и субъективистским, хотя сегодня эти ярлыки уже не передают всей сложности картины. Один подход – тот, что последовательно реализовывался в младограмматизме, а затем в структурализме, – стремится к упорядочению, к строгости, к сознательному ограничению круга задач, без которого невозможно достичь доказательности. Другой – тот, что восходит еще к В. фон Гумбольдту и всегда присутствовал в науке на правах оппозиции, – напротив, нацелен на расширение рамок лингвистики, на постановку глобальных вопросов, даже если это достигается ценой снижения формальной строгости. В первом случае мы имеем дело с установкой на борьбу с хаосом через его методичное вытеснение, во втором – с готовностью хаос впустить, чтобы увидеть в нем контуры новых связей. Отечественная лингвистика наших дней, по-видимому, движется именно по второму вектору, и это некоторым образом увеличивает хаос. А как удастся с ним справиться, покажет будущее.

Можно с уверенностью предположить лишь одно: нынешняя когнитивная парадигма со временем будет включена в новые, еще более широкие синтезы, а «нелингвистические» вопросы ума и мозга обретут стройную научную форму. Спираль продолжает раскручиваться.

Список литературы

Абаев В.И. Статьи по теории и истории языкознания. – Москва : Наука, 2006. – 147 с. – (Памятники отечественной науки, XX век).

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Москва : АН СССР, 1963. – Т. 2. – 383 с.

Брёндаль В. Структурная лингвистика // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – Москва : Учпедгиз, 1960. – Ч. 2. – С. 40–46.

Булич С. Фонетика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1902. – Т. 71. – С. 240–249.

Виноградов В.А. Структурная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 496–497. – URL: https://tapemark.narod.ru/les/496a.html (дата обращения: 10.04.2026).

Волошинов В. Марксизм и философия языка // Философия и социология гуманитарных наук. – Санкт-Петербург : Аста-Пресс, 1995. – С. 216–380.

Кассирер Э. Философия символических форм. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. – Т. 1: Язык. – 272 с.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.

Крушевский Н.В. Предмет, деление и методы науки о языке // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – Москва : Учпедгиз, 1964. – Ч. 1. – С. 284–289.

Марр Н.Я. Избранные труды: в 5 т. – Москва; Ленинград : АН СССР, 1933–1937. – URL: http://apsnyteka.org/489-marr_izbrannye_raboty.html (дата обращения: 01.04.2026).

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Семантика, синтаксис. – Москва, 1974. – 316 с.

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). – Москва : Индрик, 2004. – 432 с.

References

Abaev V.I. *Articles on the Theory and History of Linguistics.* Moscow: Nauka, 2006. 147 p. *Series "Monuments of Russian Science, 20 th Century".* (In Russian)

Baudouin de Courtenay I.A. *Selected Works on General Linguistics.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963. Vol. 2. 383 p. (In Russian)

Brøndal V. *Structural Linguistics.* In: Zvegintsev V.A. *History of 19 th and 20 th Century Linguistics in Essays and Extracts.* Moscow: Uchpedgiz, 1960. Pt 2. Pp. 40–46. (In Russian)

Bulich S. *Phonetics*. In: *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary.* St. Petersburg, 1902. Vol. 71. Pp. 240–249. (In Russian)

Vinogradov V.A. *Structural Linguistics.* In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary* / ed. by V.N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. Pp. 496–497. URL: https://tapemark.narod.ru/les/496a.html (accessed 10.04.2026). (In Russian)

Voloshinov V. Marxism and the Philosophy of Language. In: *Philosophy and Sociology of the Humanities.* St. Petersburg: Asta-Press, 1995. Pp. 216–380. (In Russian)

Cassirer E. *The Philosophy of Symbolic Forms.* Vol. 1: Language. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2002. 272 p. (In Russian)

Kibrik A.E. *Essays on General and Applied Linguistics.* Moscow: Moscow State University Press, 1992. 336 p. (In Russian)

Kruszewski M.H. *The Object, Subdivision and Methods of the Science of Language.* In: Zvegintsev V.A. *History of 19 th and 20 th Century Linguistics in Essays and Extracts*. Moscow: Uchpedgiz, 1964. Pt 1. Pp. 284–289. (In Russian)

Marr N.Ya. *Selected Works: in 5 vols.* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1933–1937. URL: http://apsnyteka.org/489-marr_izbrannye_raboty.html (accessed 01.04.2026). (In Russian)

Mel'chuk I.A. *An Essay on the Theory of "Meaning ⇔ Text" Linguistic Models. Semantics, Syntax*. Moscow, 1974. 316 p. (In Russian)

Robinson M.A. *The Fate of the Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – Early 1930 s).* Moscow: Indrik, 2004. 432 p. (In Russian)

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

УДК 81:001.12/.18; 81`271 DOI: 10.31249/ling/2026.03/02

Германова Н.Н.[1]

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВОПРАГМАТИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРАГМАТИКА КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ, ИНТЕРЪЯЗЫКОВАЯ И ИНТЕРКУЛЬТУРНАЯ

Аннотация. В статье анализируются проблематика, исследовательские методы и концептуальный аппарат трех важнейших направлений современной западной сопоставительной лингвистики: кросс-культурной, интеръязыковой и интеркультурной прагматики. Показано, что хотя объектом этих направлений является межкультурная коммуникация, их трактовка этого явления существенно различается. В статье рассматриваются понятия прагматической компетенции, интеркультуры и способов ее конструирования, роль культурных норм и коммуникативных ценностей в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: кросс-культурная прагматика; интеръязыковая прагматика; интеркультурная прагматика; межкультурная коммуникация; прагматическая компетенция, интеркультура.

Для цитирования: Германова Н.Н. Сопоставительная прагматика в эпоху глобализации: прагматика кросс-культурная, интеръязыковая и интеркультурная // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

[1] © Германова Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; nata-germanova@yandex.ru

зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 24–41. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/02

Поступила в редакцию: 30.03.2026.
Принята в печать: 02.06.2026.

Guermanova N.N.*

COMPARATIVE PRAGMATICS AND GLOBALIZATION: CROSS-CULTURAL, INTERLANGUAGE AND INTERCULTURAL PRAGMATICS

Abstract. The article is an analytical review of the problematics, research methods and conceptual framework of the three leading branches of modern Western pragmatics: cross-cultural, interlanguage and intercultural pragmatics. The author shows that though the three of them have intercultural communication as the object of research, their treatment of this phenomenon differs considerably. The concept of pragmatic competence, intercultures and the ways of their construction, as well as the role of cultural norms and communicative values in intercultural communication are analysed.

Keywords: cross-cultural pragmatics; interlanguage pragmatics; intercultural pragmatics; intercultural communication; pragmatic competence, interculture.

For citation: Guermanova N.N. Comparative pragmatics and globalization: cross-cultural, interlanguage and intercultural pragmatics // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 3. – Pp. 24–41. DOI: 10.31249/ling/2026.03/02

Received: 30.03.2026.
Accepted: 2.06.2026.

Введение

В современном мире процессы глобализации приводят к активизации международных контактов в сфере дипломатии, политики, бизнеса, образования, туризма, интернет-коммуникации и т.п. Миграционные процессы приобрели такие масштабы, что ученые говорят о транснациональной мобильности как важнейшей

* Guermanova Natalia Nikolaevna – Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; nata-germanova@yandex.ru

характеристике современных экономических, социальных, культурных, демографических процессов.

Актуальной задачей языкознания эпохи глобализации становится изучение языковых идиомов, отражающих новые коммуникативные реалии. К таким языковым феноменам относятся территориально-этнические варианты мажоритарных языков. В некоторых из них языковые и функционально-прагматические особенности, складывающиеся в результате процесса нативизации, начинают восприниматься как местная эндонорма. Так проявляется обратная сторона глобализации – глокализация.

Весьма любопытными идиомами, порожденными глобализацией, являются городские мультикультурные диалекты, на которых говорят иммигранты разного этнического происхождения. В Лондоне таким диалектом, объединяющим выходцев из Ямайки, Западной Африки, Индии, Пакистана и других азиатских стран, является *Multicultural London English (MLE)*. В Берлине аналогичным явлением стал *Kiez*, на котором общаются друг с другом молодые люди, родными языками которых являются турецкий, арабский, курдский, русский, немецкий.

Но влияние глобализации на лингвистику не ограничивается введением в круг ее внимания новых объектов. Коммуникативные практики эпохи глобализации приводят к изменению контуров лингвистических дисциплин. Внутри ряда лингвистических дисциплин происходит смещение фокуса внимания, переоценка прежних взглядов, формирование новых направлений или перестроктурирование уже существующих. Изменения такого рода отчетливо проявились в лингвопрагматике.

Так, если в XX в. основатели прагматики (Дж.Л. Остин, Г.П. Грайс, Дж. Серль, П. Браун, С. Левинсон) были заняты поиском универсальных принципов человеческой коммуникации, то уже в конце 90-х годов XX в. на первый план выходит сопоставление коммуникативных этностилей различных культур. Изучение эмпирического материала подводит ученых к выводу, что в разных лингвокультурах базовые понятия лингвопрагматики, такие как «вежливость», «лицо», «импозиция», «социальная дистанция» и другие существенно варьируют [Matsumoto, 1989; Gu Yueguo, 1990; Mao, 1994] и др. Непонимание различий в коммуникативных ценностях различных лингвокультур приводит не только к методологическим просчетам, но и к коммуникативным неудачам. Это обстоятельство настоятельно диктует необходимость развития сопоставительной лингвопрагматики.

В настоящее время сопоставительная лингвопрагматика представлена широчайшим спектром исследований, применяющих разнообразные методы сбора и интерпретации эмпирического материала. Это обстоятельство делает актуальной задачу систематизации сопоставительных лингвопрагматических исследований. По мере развития сопоставительной лингвопрагматики лингвисты, изучающие межкультурную коммуникацию, использовали разнообразные термины для обозначения своих исследований: этнография речи, этнография коммуникации, этнопрагматика, кросс-культурная прагматика, контрастивная прагматика, вариационистская прагматика, интеръязыковая (межъязыковая) прагматика, интеркультурная (межкультурная) прагматика, культурная лингвистика. Неупорядоченное употребление этих терминов может привести к терминологической и концептуальной путанице, что делает актуальной задачу их дифференциации. Именно это является задачей настоящей статьи.

Кросс-культурная прагматика и близкие к ней направления исследования

Обороты «этнография речи» (*ethnography of speaking*) и «этнография коммуникации» (*ethnography of communication*) принадлежит Д. Хаймсу и возникли за пределами лингвопрагматики как таковой в рамках американской лингвистической антропологии. Д. Хаймс, которого справедливо называют предтечей социолингвистики, но который с тем же успехом может считаться предшественником лингвопрагматики, акцентировал необходимость изучения языка как системы паттернов культурного поведения в конкретном социальном контексте. Его знаменитый акроним *SPEAKING*[1] фиксировал параметры, по которым можно сравнивать коммуникативные события как в рамках одного речевого сообщества, так и в ходе межкультурных исследований. Контуры этнографических исследований речевой деятельности были намечены Хаймсом в 1962 г. в программной статье «Этнография речи» [Хаймс, 1975]; после выхода в 1964 г. специального выпуска жур-

[1] *Setting and scene, participants, ends, act sequence, key, instrumentalities, norms, genre* (место и время коммуникативного акта, участники, их цели, последовательность речевых действий, тональность коммуникации, используемые «инструменты», т.е. канал коммуникации, нормы, которыми руководствуются участники коммуникации, и жанр).

нала *American Anthropologist* под названием «Этнография коммуникации» этот оборот стал названием нового направления исследований [Saville-Troike, 2008, p. 1; Duranti, 2009, p. 1–2]. В практику лингвистических исследований вошел термин «коммуникативная компетенция», в то время звучавший весьма новаторски, особенно на фоне принципиально другой трактовки понятия «компетенция» в работах Н. Хомского. Идеи Д. Хаймса подхватили в первую очередь социолингвисты, о чем свидетельствует выпуск программной монографии «Направления в социолингвистике. Этнография коммуникации» (1972), в которой были опубликованы статьи Д. Хаймса, Дж. Гамперца, У. Лабова, Дж. Фишмана, Б. Бернстайна, С. Эрвин-Трипп, Г. Гарфингеля, Г. Сакса [Directions in Sociolinguistics, 1972).

В рамках самой лингвопрагматики лидирующими терминами на настоящий момент являются кросс-культурная прагматика, интеръязыковая (межъязыковая) прагматика и интеркультурная (межкультурная) прагматика [Kecskes, 2020], хотя полного единодушия в том, как оценивать предмет и границы этих дисциплин, у лингвистов нет [Trosborg, 2010, p. 2].

Одним из первых исследований, которые относятся к кросс-культурной прагматике, стал проект *Cross-Cultural Speech Act Realisation Project (CCSARP)*. В рамках этого проекта Ш. Блум-Кулка, Дж. Хаус и Дж. Каспер анализировали речевые акты «просьба» и «извинение» с применением разработанной ими методики «тест на завершение дискурса» (*discourse completion test*, или *DCT*) по трем направлениям: различия в реализации этих речевых актов на разных языках; их варьирование в различных социальных контекстах, прежде всего в связи с переменными «социальная дистанция» и «доминирование»; сравнение данных речевых актов в речевой практике носителей языка и тех говорящих, для кого язык не является родным [Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies, 1989].

Если одни авторы [House, Kádár, 2021] связывают формирование кросс-культурной прагматики с проектом CCSARP, то другие лингвисты [Trosborg, 2010; Goddard, Zhengdao, 2014; Kecskes, 2020] акцентирует роль работы А. Вежбицкой «Кросс-культурная прагматика: Семантика человеческой интеракции» [Wierzbicka, 1991]. Особенностью исследований этого направления было не столько использование предложенного Вежбицкой универсального метаязыка (*NSL*) для описания культурных скриптов, – он был принят не всеми исследователями – сколько изучение коммуника-

тивного поведения в связи с культурными нормами и коммуникативными ценностями. Хорошим примером подобного подхода является объяснение, предложенное А. Вежбицкой тому любопытному факту, что в японском языке для выражения благодарности и извинения используется одно и то же слово. Суть рассуждений Вежбицкой сводится к следующему: японцы всячески избегают причинения окружающим хлопот, беспокойства, огорчения, а если они вольно или невольно стали для них источником затруднений, то выражают по этому поводу свое сожаление [Wierzbicka, 1996].

Еще одним названием для сопоставительных исследований коммуникативного поведения представителей разных лингвокультур является «этнопрагматика» [Ethnopragmatics, 2011; Goddard, Zhengdao, 2014; Studies in Ethnopragmatics, 2019]. Этот термин активно употреблял К. Годдард, пояснявший, что этнопрагматика «описывает и объясняет, как люди говорят…в терминах местных ценностей, убеждений и аттитюдов, социальных категорий, эмоций и т.д.» [Goddard, Zhengdao, 2014, p. 66]. Таким образом, этнопрагматику отличает эмическая перспектива: исследователю важно выяснить, какие категории имеют значение для носителей языка, а не привносятся в описание лингвистами (как, например, понятие негативной вежливости, которым не пользуются рядовые носители языков мира). Очевидное сходство с идеями А. Вежбицкой вполне объяснимо: К. Годдард разделял ее взгляды, выступал ее соавтором и соиздателем. Характерной чертой большой части работ в рамках этнопрагматики является использование «естественного семантического метаязыка» А. Вежбицкой для борьбы с англоцентризмом. К. Годдард полагал, что термин «этнопрагматика» предпочтительнее «кросс-культурной прагматики», поскольку указывает на связь языка и этноса [там же]. Тем не менее, в настоящее время термин «кросс-культурная прагматика» доминирует.

С 1980-х годов на фоне формирования контрастивной лингвистики также получил распространение оборот «контрастивная прагматика» [Contrastive Pragmatics, 1989; Developing Contrastive Pragmatics, 2008; Contrastive Pragmatics, 2011]. Как признает Н. Баумгартен, границы между кросс-культурной прагматикой и контрастивной прагматикой остаются неопределенными [Baumgarten, 2022]. Иногда последняя выступает синонимом «кросс-культурной прагматики», но иногда противопоставляется ей. В последнем случае она включает в себя сравнение различных параметров использования языка носителями различных языков (функционирование дейктических средств, дискурсивных марке-

ров, грамматических категорий, паралингвистических средств и т.п.) без обязательного обращения к культурным ценностям и аттитюдам. Как и контрастивная лингвистика в целом, контрастивная прагматика может ориентироваться на проблемы перевода [Kranich, 2016; The Routledge Handbook of Translation and Methodology, 2022] и преподавания иностранных языков (последнее обстоятельство сближает ее с интеръязыковой прагматикой, о которой пойдет речь ниже), хотя прикладная ориентация не является обязательной [Baumgarten, 2022].

К этому кругу исследований также близка вариационистская прагматика, изучающая прагматические аспекты употребления языка носителями различных вариантов этого языка, например, французского во Франции и Канаде, немецкого в Германии и Австрии и т.п. [Variational Pragmatics, 2008].

Еще одно направление, близкое к кросс-культурной прагматике, носит название «культурная лингвистика». Оно было предложено Ф. Шарифианом. Его центральными понятиями являются «культурная концептуализация», «культурная когниция», «культурная метафора» «культурная схема», демонстрирующие акцент на когнитивной составляющей [Sharifian, 2017; Advances in Cultural Linguistics, 2017; The Handbook of Cultural Linguistics. 2024]. С лингвопрагматикой его сближает интерес к культурным ценностям, коммуникативным актам и коммуникативным стратегиям. В терминологии культурной лингвистики ценности получают название «культурной схемы», которая в коммуникации порождает «прагматическую схему» (например, скромность, соблюдение почтительной дистанции и т.п.); коммуникативные стратегии, реализующие эти схемы в речевых актах, называются прагмемами, а конкретные высказывания, реализующие эти прагмемы, – практами [Sharifian, 2017].

Все направления, упомянутые выше, отличает монолингвальная перспектива: каждая лингвокультура описывается отдельно, и затем выявляются различия между ними. Эти различия, как полагают исследователи, могут стать источником коммуникативных неудач и должны учитываться в межкультурной коммуникации.

Интеръязыковая (межъязыковая) прагматика

Интеръязыковая прагматика (в англоязычных текстах часто обозначается аббревиатурой *ILP*) занимается проблемами овладе-

ния учащимися способностью выполнять социокультурные функции при использовании изучаемого языка (приносить извинения, формулировать отказ, выдвигать предложение, участвовать в дискуссии и т.п.) в различных социальных контекстах, а также правильно интерпретировать речевое поведение окружающих, включая косвенные речевые акты и импликатуры. В контексте изучения иностранного языка особое значение приобретает понятие прагматической интерференции, т.е. перенесение прагматических норм родного языка на коммуникацию на иностранном языке-посреднике. Прагматический перенос (*pragmatic transfer*) рассматривается в лингводидактике как недостаток, который требуется преодолеть.

У истоков интеръязыковой прагматики находятся работы Ш. Блум-Кулка, Дж. Хауса и Г. Каспер [Cross-cultural Pragmatics, 1989; Interlanguage pragmatics, 1993]. В предисловии к коллективной монографии «Интеръязыковая прагматика» Г. Каспер и Ш. Блум-Кулка подчеркивают междисциплинарный характер исследований в этом направлении: интеръязыковая прагматика находится на стыке лингвопрагматики и теории изучения иностранного языка (*Second Language Acquisition Research*, далее *SLA*), которые и сами по себе являются междисциплинарными.

Методологической базой современной интеръязыковой прагматики служат теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, теория коммуникативной импликатуры Г.П. Грайса, теории вежливости (прежде всего теория П. Браун и С. Левинсона), дискурсивный анализ, конверсационный анализ, контрастивная лингвистика, кросс-культурная и интеркультурная прагматика. В задачи интеръязыковой прагматики входит широкий круг вопросов, связанных с производством и пониманием речи на иностранном языке, включая такие явления, как речевые акты, дейксис, очередность реплик в интеракции, импликатура, управление дискурсом, (не)вежливость, социолингвистические аспекты употребления языка и др. Выделяют два исследовательских подхода: от формы к функции и от функции к форме. В первом случае исследуется процесс формирования у учащихся умения употреблять определенную языковую форму в нужной функции, во втором изучается постепенное расширение репертуара форм, употребляемых учащимися в определенной функции [Barron, 2003]. К проблемам, находящимся в фокусе исследования, относится вопрос о роли различных факторов в овладении прагматической компетенцией (например вопрос о том, что́ играет большую роль в развитии умения правильно

понимать косвенные речевые акты или отличать вежливые высказывания от невежливых – индивидуальные особенности, уровень владения языком или длительность пребывания в стране изучаемого языка; что́ развивается раньше – знание грамматики или прагматическая компетенция и т.п.). Проблема стадий овладения прагматической компетенцией и факторов, влияющих на ее развитие, требует проведения лонгитюдных исследований, в ходе которых исследователь наблюдает за формированием различных аспектов прагматической компетенции у групп учащихся, осваивающих иностранный язык в разных условиях [Taguchi, 2017]. С лингводидактической точки зрения дискуссионным вопросом остаются оптимальные методы обучения прагматической компетенции: нуждаются ли учащиеся в эксплицитных метапрагматических комментариях или они должны делать самостоятельные выводы из подобранных преподавателем текстов и аудио- / видеозаписей; эта альтернатива получила название *'explicit vs implicit teaching'* [там же]. Отдельную проблему представляет сравнение развития прагматической компетенции учащихся, находящихся в среде изучаемого языка (например, во время стажировки за рубежом), и тех, кто изучает иностранный язык в учебных заведениях, и разработка эффективных педагогических методов для развития прагматической компетенции у этих групп учащихся.

Методы сбора материала включают наблюдения над коммуникативным поведением учащихся на разных стадиях обучения (как над их спонтанным поведением, так и над поведением в ролевых играх); различные виды анкетирования (тест на завершение дискурса, тест с несколькими вариантами ответов, шкалирование); самоотчеты учащихся (дневники, интервью) [Kasper, Roever, 2005].

В центре внимания интеръязыковой прагматики оказывается понятие прагматической компетенции. Это понятие и статус данной компетенции со временем уточнялись: если поначалу она рассматривалась в рамках социопрагматической компетенции, то со временем приобрела самостоятельный статус как часть коммуникативной компетенции.

Изменения претерпевало и содержание коммуникативной компетенции: по мере углубления «интеракционистского поворота» в лингвопрагматике [Германова, 2025] исследователи стали акцентировать «интеракционистскую компетенцию», которая формируется в процессе коммуникации. Лингвисты подчеркивали, что для успешной реализации иллокутивного акта недостаточно усвоения

традиционных этикетных формул: значение может иметь знание допустимых в данной лингвокультуре тем разговора, предпочтительных стратегий и тактик реализации различных речевых актов (не обязательно с помощью этикетных формул), очередность реплик в диалоге (*turn-taking system*), дискурсивные маркеры, а также невербальные и паравербальные средства – паузы, выражение лица, интонация [Kasper, 2006; Young, 2011].

Важным последствием такого подхода стало привлечение в качестве методологической базы теории дискурса, что привело к формированию дискурсивной SLA. Дискурсивный подход акцентирует когнитивные и психолингвистические аспекты изучения иностранного языка, а также социальный контекст, в котором происходит интеракция [Taguchi, 2017; Boxer, Zhu, 2017]. Это обстоятельство не могло не отразиться на понятии прагматической компетенции: в нее были также включены данные дискурсивного и конверсационного анализа. В результате в проблемное поле интеръязыковой прагматики вошли такие вопросы, как очередность реплик в диалоге (*turn-taking*), смежные диалогические пары (*adjacent pairs*), самокоррекция, перебивания, задержки и т.п.

В итоге прагматическая компетенция стала рассматриваться как сложное образование, включающее различные аспекты знаний о языковых практиках. Ее структуру представляют по-разному. Часто различают два типа лингвопрагматической компетенции: прагмалингвистическая компетенция и социопрагматическая компетенция. Первая предполагает знание лингвистических ресурсов и коммуникативных стратегий для передачи нужной иллокуции. Вторая включает знание о том, в каких социокультурных контекстах их уместно применять. А. Баррон выделяет три компонента прагматической компетенции: это знание лингвистических ресурсов для реализации той или иной иллокуции; знание последовательности элементов речевого акта и знание подходящих контекстов для использования языковых ресурсов [Barron, 2003, p. 10]. С. Феликс-Брасдеф упоминает пять измерений прагматической компетенции: это социокультурные знания; прагматические функциональные знания; грамматические знания, дискурсивные знания и стратегические знания [Félix-Brasdefe, 2017].

В последнее время исследователи отмечают сближение интеръязыковой прагматики с прагматикой интеркультурной, изучающей межкультурную интеракцию с акцентом на понятие интеркультуры [Taguchi, 2017]. Это означает существенные сдвиги в концептуализации прагматической компетенции и прагматическо-

го переноса. Лингвисты все чаще признают, что овладение иностранным языком на уровне носителя этого языка для большинства учащихся недостижимо, тем более что нередко языки-посредники не являются родными ни для одного из участников межкультурной коммуникации и выполняют роль лингва-франка. Языковые контакты порождают интеркультуры и интеркультурные стили: используя язык-посредник, говорящие могут отступать от норм как родной лингвокультуры, так и лингвокультуры языка-посредника, создавая новые стандарты коммуникации, отвечающие текущим нуждам коммуникативного процесса (см. подробнее раздел 3).

Интеркультурная прагматика

Интеркультурная прагматика оформилась как отдельное направление сопоставительной прагматики в начале 2000-х годов, т.е. несколько позже, чем прагматика кросс-культурная и интеръязыковая. Об интересе исследователей к этой проблематике свидетельствует издание ряда коллективных монографий [Research Trends in Intercultural Pragmatics, 2013; Current Issues in Intercultural Pragmatics, 2017; The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics, 2022].

Большую роль в формировании интеркультурной прагматики как отдельной дисциплины сыграл американский лингвист венгерского происхождения И. Кечкеш, разработавший социокогнитивный подход к изучению межкультурной коммуникации. Под последней понимается общение на языке-посреднике, который является неродным для всех или нескольких участников коммуникации. С точки зрения сторонников интеркультурной прагматики, кросс-культурная и интеръязыковая прагматика демонстрируют монолингвальный подход, трактуя прагматический перенос как отрицательное явление. По мнению сторонников интеркультурной прагматики, такой подход неверен. Центральным для них является понятие «интеркультуры» – своего рода синергетического сплава норм исходных лингвокультур участников коммуникации, возникающего в результате их взаимного приспособления друг к другу в ходе текущего коммуникативного акта.

Заметим, что еще до формирования интеркультурной прагматики внимание европейских лингвистов привлек английский язык в функции посредника (*ELF – English as a lingua franca*). *ELF* получил освещение в трудах ряда европейских лингвистов

(Б. Зайдльхофер, Дж. Дженкинс, А. Мауранен, С. Моллин, М. Модиано и др.). Многие из них предлагали рассматривать ошибки в речи учащихся как проявление креативности и формирование новых норм.

Акцент интеркультурной прагматики на понятии интеркультуры, динамично формируемой в процессе коммуникации, хорошо согласуется с «интеракционистским поворотом» в лингвопрагматике, в результате которого в центре исследований оказались значения, идентичности, представления о социальной дистанции и социальном контексте, интерсубъективно конструируемые коммуникантами в дискурсивном пространстве в процессе текущей интеракции. Интеракция понимается как динамический процесс, в ходе которого коммуниканты формируют, развивают, пересматривают отношения с собеседником, свои позиции и взгляды, переоценивают характер контекста и социальной дистанции и т.п. Именно это происходит при межкультурной коммуникации, участники которой путем проб и ошибок в отсутствии общих фоновых знаний и общих культурных (в том числе и коммуникативных) ценностей ищут путь к взаимопониманию.

Однако, в отличие от наиболее рьяных сторонников интерактивного подхода, И. Кечкеш подчеркивает, что интерактивный компонент коммуникации не следует переоценивать*:* коммуниканты ориентируются как на нормы, динамично складывающиеся в ходе текущего коммуникативного акта, так и на нормы своих родных лингвокультур, частично ими усвоенные и присвоенные. Он дает такое определение «интеркультурности» (*interculturality*): «это ситуативно формируемое и взаимно конструируемое явление, которое опирается как на относительно определенные культурные нормы и модели, так и на ситуативно возникающие черты» [Kecskes, 2012].

Более того, по Кечкешу, исследование должно учитывать не только когнитивную общую базу, складывающуюся у коммуникантов в ходе данной интеракции и усвоенные ими (всегда неполно и частично) культурные нормы и паттерны, но и индивидуальную когнитивную базу, которая сложилась у каждого из участников коммуникации на основе прежнего жизненного опыта [Kecskes, Zhang, 2009]. Как отмечает ученый, введение в модель интеркультурной коммуникации прежнего индивидуального опыта (*prior experience*) является принципиально важным для его концепции – это та составляющая, которая определяет ее когнитивную сторону и отличает ее от моделей других исследователей.

Интеркультуры динамичны, они конструируются в ходе коммуникации и могут исчезнуть по ее завершении: так, окказиональная номинация, созданная коммуникантом в силу несовершенного знания языка-посредника, может быть принята другими участниками интеракции и использоваться до конца коммуникативного акта. Однако, если коммуниканты входят в относительно устойчивую группу (например в сообщество совместной практики), подобные инновации могут быть более устойчивыми. Это обстоятельство делает актуальным использование «микро-диахронического подхода», позволяющего изучать изменения в относительно устойчивых интеркультурах на протяжении небольших отрезков времени. Именно такой подход является в полной мере мультилингвальным и мультикультурным.

Такой подход отражает новый взгляд на отклонения от норм языка-посредника: в том случае, если коммуникация состоялась, они трактуются не как ошибки, а как проявление своего рода креативности. И. Кечкеш отмечает, что, используя язык-посредник, говорящие употребляют гораздо меньше разного рода устойчивых выражений (фразеологизмов, фразовых глаголов, формул этикета и т.п.), заменяя их свободными словосочетаниями. По его мнению, это свидетельствует об их креативном подходе к использованию доступных им языковых ресурсов: если носители языка пользуются готовыми языковыми единицами, участники межкультурной коммуникации вынуждены проявлять изобретательность, создавая новые сочетания языковых единиц и новые смыслы (подробнее о взглядах Кечкеша см.: [Германова, 2026]).

Заключение

Современная лингвопрагматика относится к тем научным дисциплинам, в которых ярко проявляется «экспансионистский» характер современной лингвистики. Это делает актуальной задачу систематизации ее направлений и разделов. В целом сопоставительная лингвопрагматика вписывается в социопрагматику, изучающую прагматические особенности коммуникации в разных культурах, языковых сообществах, социальных контекстах и социальных группах (двумя другими разделами прагматики западные ученые считают общую прагматику, изучающую общие правила коммуникации, и прагмалингвистику, исследующую прагматический потенциал языковых средств). Внутри самой сопоставительной прагматики в последние десятилетия отчетливо наметились

три раздела: кросс-культурная, интеръязыковая и интеркультурная прагматика. Несмотря на сходство названий, между этими направлениями существует принципиальное различие. Кросс-культурная прагматика акцентирует тот факт, что в основе этнокультурных различий в коммуникативных процессах лежат разные культурные ценности, которые говорящие невольно переносят в межкультультурное общение, что создает почву для коммуникативных неудач. К кросс-культурной прагматике близки такие направления, как контрастивная прагматика, этнопрагматика, вариационистская прагматика и культурная лингвистика. В центре внимания интеръязыковой прагматики находится овладение прагматическими компетенциями учащимися, изучающими иностранный язык. Интеркультурная прагматика опирается на понятие «интеркультуры», динамично складывающейся между участниками межкультурной коммуникации; сторонники этого подхода полагают, что в ходе межкультурной коммуникации говорящие лишь отчасти следуют нормам своих культур, творчески приспосабливая эти нормы и свой индивидуальный опыт к потребностям межкультурного общения.

Список литературы

Германова Н.Н. Англоязычная межличностная лингвопрагматика: новые тенденции в изучении коммуникативного поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 8 (902). – С. 41–50.

Германова Н.Н. Социокогнитивная теория И. Кечкеша и межкультурная лингвопрагматика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2026. – № 909 (3). – С. 58–66.

Хаймс Д. Этнография речи // Новое в зарубежной лингвистке. – Москва : Прогресс, 1975. – Вып. 7: Социолингвистика. – С. 42–95.

Advances in Cultural Linguistics / ed. by F. Sharifian. – Singapore : Springer, 2017. – 745 p.

Barron A. Acquisition in Interlanguage Pragmatics. Learning How to Do Things with Words in a Study Abroad Context. – Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2003. – 398 p.

Baumgarten N. Contrastive pragmatics // The Routledge Handbook of Translation and Methodology / ed. by F. Zanettin, Ch. Rundle. – Oxon; New York : Routledge, 2022. – P. 172–189.

Boxer D., Zhu W. Discourse and Second Language Learning // Discourse and Education / ed. by S. Wortham, D. Kim, S. May. – 3 rd. ed. – Cham (Switzerland): Springer International Publishing, 2017. – P. 297–309. – DOI: 10.1007/978–3-319–02243–7_30

Contrastive Pragmatics / ed. by W. Oleksy. – Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 1989. – 282 p.

Contrastive Pragmatics / ed. by K. Aijmer. – Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2011. – 182 p.

Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies / ed. by Sh. Blum-Kulka, J. House, G. Kasper. – Norwood : Albex, 1989. – 300 p.

Current Issues in Intercultural Pragmatics / ed. by I. Kecskes, S. Assimakopoulos. – Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2017. – 369 p.

Developing Contrastive Pragmatics: Interlanguage and Cross-Cultural Perspectives / ed. by M. Pütz, J.-A. Neff-van Aertselaer. – Berlin : De Gruyter, 2008. – 454 p.

Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication / ed. by J. Gumperz, D. Hymes. – New York : Holt, Rinehart and Winston, 1972. – 598 p.

Duranti A. Linguistic Anthropology: History, Ideas, and Issues // Linguistic Anthropology: A Reader / ed. by A. Duranti. – Chichester : John Wiley and Sons, 2009. – P. 1–60.

Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context / ed. by C. Goddard. – Berlin : de Gruyter, 2011. – 278 p.

Félix-Brasdefe J.C. Interlanguage Pragmatics // The Oxford Handbook of Pragmatics / ed. by Y. Huang. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – P. 416–434.

Goddard C., Zhengdao J. Ethnopragmatics // The Routledge Handbook of Language and Culture / ed. by F. Sharifian. – Oxon : Routledge, 2014. – P. 65–83.

Gu Yueguo. Politeness Phenomena in Modern Chinese // Journal of Pragmatics. – 1990. – N 14 (2). – P. 237–257.

House J., Kádár D.Z. Cross-Cultural Pragmatics. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 286 p.

Interlanguage pragmatics / ed. by Kasper G., Blum-Kulka Sh. – New York; Oxford : Oxford University Press, 1993. – 264 p.

Kasper G. Beyond Repair: Conversation Analysis as an Approach to SLA // AILA Review. – 2006. – N 19 (1). – P. 83–99. – DOI: https://doi.org/10.1075/aila.19.07kas

Kasper G., Roever C. Pragmatic in Second Language Learning // Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning / ed. by E. Hinkel. – New York; London : Routledge, 2005. – P. 317–334.

Kecskes I. Interculturality and Intercultural Pragmatics // The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication / ed. by J. Jackson. – 2nd ed. – New York : Routledge, 2020. – P. 138–155.

Kecskes I. Sociopragmatics and Cross-cultural and Intercultural Studies // The Cambridge Handbook of Pragmatics / ed. by K. Allan, K.M. Jaszczolt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – P. 599–516.

Kecskes I, Zhang F. Activating, Seeking and Creating Common Ground: Socio-cognitive Approach // Pragmatics and Cognition. – 2009. – N 172 (2). – P. 331–355.

Kranich S. Contrastive Pragmatics and Translation : Evaluation, Epistemic Modality and Communicative Styles in English and German. – Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2016. – 204 p.

Mao L. Beyond Politeness Theory: 'Face' Revisited and Renewed // Journal of Pragmatics. – 1994. – N 21 (5). – P. 45 l–486.

Matsumoto Y. Politeness and Conversational Universals – Observations from Japanese // Multilingua. – 1989. – N 8. –P. 207–221.

Research Trends in Intercultural Pragmatics / ed. by I. Kecskes, J. Romero-Trillo. – Boston; Berlin: De Gruyter, 2013. – 521 p.

Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: An Introduction. – Melbourne; Berlin : John Wiley & Sons, 2008. – 336 p.

Sharifian F. Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2017. – 238 p.

Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Meaning and Culture / ed. by B. Peeters, K. Mullan, L. Sadow. – Singapore : Springer Nature, 2019. – 225 p.

Taguchi N. Interlanguage Pragmatics // The Routledge Handbook of Pragmatics / ed. by A. Barron, P. Grundy, G. Yueguo. – Oxford; New York : Routledge, 2017. – P. 153–167.

The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics / ed. by I. Kecskes. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – 894 p.

The Routledge Handbook of Translation and Methodology / ed. by F. Zanettin, Ch. Rundle. – Oxon; New York : Routledge, 2022. – 524 p.

The Handbook of Cultural Linguistics / ed. by A. Korangy. – Singapore : Springer Nature, 2024. – 877 p.

Trosborg A. Introduction // Pragmatics Across Languages and Cultures / ed. by A. Trosborg. – Berlin; New York : De Gruyter, 2010. – P. 1–43.

Variational Pragmatics. A Focus on Regional Varieties in Pluricentric Languages / ed. by K.P. Schneider, A. Barron. – Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2008. – 371 p.

Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin; New York : De Gruyter, 1991.–502 p.

Wierzbicka A. Japanese Cultural Scripts: Cultural Psychology and "Cultural Grammar" // Ethos. – 1996. – N 24 (3). – P. 527–555.

Young R. Interactional Competence in Language Learning, Teaching, and Testing // Handbook of Research in Language Learning and Teaching / ed. by H. Hinkel. – New York : Routledge, 2011. – P. 426–443.

References

Guermanova N.N. *Interpersonal Pragmatics: New Tendencies in Studies of Communicative Behaviour*. In: *Vestnik of Moscow State University. Humanities*. 2025. Iss. 8 (902). Pp. 41–50. (In Russian)

Guermanova N.N. *Socio-Cognitive Theory by I. Kecskes and Intercultural Pragmatics*. In: *Vestnik of Moscow State University. Humanities*. 2026. Iss. 3 909. Pp. 58–66. (In Russian)

Hajms D. *The Ethnography of Communication*. In: *New Issues in Western Linguistics. Sociolinguistics*. Moscow : Progress, 1975. Iss. 7. Pp. 42–95. (In Russian)

Advances in Cultural Linguistics / ed. by F. Sharifian. Singapore: Springer, 2017. 745 p.

Barron A. *Acquisition in Interlanguage Pragmatics. Learning How to Do Things with Words in a Study Abroad Context*. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2003. 398 p.

Baumgarten N. *Contrastive Pragmatics*. In: *The Routledge Handbook of Translation and Methodology* / ed. by F. Zanettin, Ch. Rundle. Oxon; New York : Routledge, 2022. Pp. 172–189.

Boxer D., Zhu W. *Discourse and Second Language Learning*. In: *Discourse and Education* / ed. by S. Wortham, D. Kim, S. May. 3 rd. ed. Cham (Switzerland) : Springer International Publishing, 2017. Pp 297–309.

Contrastive Pragmatics / ed. by W. Oleksy. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 1989. 282 p.

Contrastive Pragmatics / ed. by K. Aijmer. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2011. 182 p.

Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies / ed. by Blum-Kulka Sh., House J, Kasper G. Norwood : Albex, 1989. 300 p.

Current Issues in Intercultural Pragmatics / ed. by I. Kecskes, S. Assimakopoulos. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2017. 369 p.

Developing Contrastive Pragmatics: Interlanguage and Cross-Cultural Perspectives / ed. by M. Pütz, J.-A. Neff-van Aertselaer. Berlin : De Gruyter, 2008. 454 p.

Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication / ed. by J. Gumperz, D. Hymes. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1972. 598 p.

Duranti A. *Linguistic anthropology: History, Ideas, and Issues*. In: *Linguistic Anthropology: A Reader* / ed. by A. Duranti. Chichester : John Wiley and Sons, 2009. Pp. 1–60.

Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context / ed. by C. Goddard. Berlin : De Gruyter, 2011. 278 p.

Goddard C., Zhengdao J. *Ethnopragmatics*. In: *The Routledge Handbook of Language and Culture* / ed. by Sharifian F. Oxon : Routledge, 2014. Pp. 65–83.

Gu Yueguo. *Politeness Phenomena in Modern Chinese*. In: *Journal of Pragmatics*. 1990. N 14 (2). Pp. 237–257.

Félix-Brasdefe J.C. *Interlanguage Pragmatics*. In: *The Oxford Handbook of Pragmatics* / ed. by Y. Huang. Oxford : Oxford University Press, 2017. Pp. 416–434.

House J., Kádár D.Z. *Cross-Cultural Pragmatics*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 286 p.

Interlanguage pragmatics / ed. by G. Kasper, Sh. Blum-Kulka. New York, Oxford : Oxford University Press, 1993. 264 p.

Kasper G. *Beyond Repair: Conversation Analysis as an Approach to SLA*. In: *AILA Review*. 2006.19 (1). Pp. 83–99.

Kasper G., Roever C. *Pragmatic in Second Language Learning.* In: *Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning* / ed. by E. Hinkel. New York; London : Routledge, 2005. Pp. 317–334.

Kecskes, I. *Interculturality and Intercultural Pragmatics*. In: *The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication*. 2 nd ed. / ed. by J. Jackson. New York : Routledge, 2020. Pp. 138–155.

Kecskes, I. *Sociopragmatics and Cross-Cultural and Intercultural Studies*. In: *The Cambridge Handbook of Pragmatics* / ed. by K. Allan, K.M. Jaszczolt. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. Pp. 599–516.

Kecskes I, Zhang F. *Activating, Seeking and Creating Common Ground: Socio-Cognitive Approach.* In: *Pragmatics and Cognition*. 2009. N 172 (2). Pp. 331–355.

Kranich S. *Contrastive Pragmatics and Translation: Evaluation, Epistemic Modality and Communicative Styles in English and German*. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2016. 204 p.

Mao L. *Beyond Politeness Theory: 'Face' Revisited And Renewed*. In: *Journal of Pragmatics*. 1994. N 21 (5). Pp. 45 l–486.

Matsumoto Y. *Politeness and Conversational Universals – Observations From Japanese*. In: *Multilingua*. 1989. N 8. Pp. 207–221.

Research Trends in Intercultural Pragmatics / ed. by I. Kecskes, J. Romero-Trillo. Boston; Berlin : De Gruyter, 2013. 521 p.

Saville-Troike M. *The Ethnography of Communication: An Introduction*. Melbourne; Berlin : John Wiley & Sons, 2008. 336 p.

Sharifian F. *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2017. 238 p.

Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Meaning and Culture / ed. by B. Peeters, K. Mullan, L. Sadow. Singapore : Springer Nature, 2019. 225 p.

Taguchi, N. *Interlanguage Pragmatic.* In: *The Routledge Handbook of Pragmatics* / ed. by A. Barron, P. Grundy, G. Yueguo. Oxford; New York : Routledge, 2017. Pp. 153–167.

The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics / ed. by I. Kecskes. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 894 p.

The Routledge Handbook of Translation and Methodology / ed. by F. Zanettin, Ch. Rundle. Oxon; New York : Routledge, 2022. 524 p.

The Handbook of Cultural Linguistics / ed. by A. Korangy. Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. 877 p.

Trosborg A. *Introduction.* In: *Pragmatics Across Languages and Cultures* / ed. by A. Trosborg. Berlin; New York : De Gruyter, 2010. Pp. 1–43.

Variational Pragmatics. A Focus on Regional Varieties in Pluricentric Languages / ed. by K.P. Schneider, A. Barron. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2008. 371 p.

Wierzbicka A. *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction.* Berlin; New York : De Gruyter, 1991. 502 p.

Wierzbicka A. *Japanese Cultural Scripts: Cultural Psychology and "Cultural Grammar"*. In: *Ethos.* 1996. 24 (3). Pp. 527–555.

Young R. *Interactional Competence in Language Learning, Teaching, and Testing*. In: *Handbook of Research in Language Learning and Teaching* / ed. by H. Hinkel. New York : Routledge, 2011. Pp. 426–443.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LINGUOCULTUROLOGY

УДК 81’27 DOI: 10.31249/ling/2026.03/03

Карасик В.И.[1]

ОСМЫСЛЕНИЕ ВЛАСТИ И НАЧАЛЬНИКОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Рассматриваются лингвокультурные характеристики власти и начальников. Выделены понятийные, образные и ценностные признаки этих концептов на материале русского языка. Понятийные характеристики власти и начальников сводятся к праву и возможности должностного лица определять поведение подчиненных ему людей. Описание проявления власти уточняет типы властных субъектов, манеры их поведения, процедуры получения и передачи власти, мотивы стремления к власти. Описание начальников включает их должность, функциональные действия, полномочия, стереотипные представления об их поведении (строгость, категоричность, уверенность в себе, т.е. демонстрацию силы). Ценностные характеристики власти, отраженные в пословицах, акцентируют идеи принуждения, определенных бонусов власти для ее обладателей и ответственности за принимаемые решения. В афористике выражены мысли о том, что борьба за власть бывает очень жестокой, власть развращает людей и должна иметь ограничения, подчиненные склонны критически оценивать начальников. В шутках и анекдотах о начальниках говорится об их интеллектуальной несостоятельности, о желании подчиненных унизить начальника, а также критикуется подхалимское поведение подчиненных.

[1] © Карасик В.И., 2026

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; vkarasik@yandex.ru

Ключевые слова: концепт; понятие; образ; ценность; власть; начальник.

Для цитирования: Карасик В.И. Осмысление власти и начальников в языковом сознании // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 42–59. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/03

Поступила в редакцию: 20.04.2026.
Принята в печать: 02.06.2026.

Karasik V.I.*

UNDERSTANDING POWER AND CHIEFS IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Abstract. The paper deals with language and cultural characteristics of power and chiefs. The conceptual, figurative, and value-based features of these concepts are identified using the Russian language as a case study. The conceptual characteristics of power and chiefs are reduced to the right and ability of an official to determine the behavior of their subordinates. The description of the manifestation of power clarifies the types of power-holding entities, their behavior patterns, the procedures for obtaining and transferring power, and the motivations for seeking power. The description of chiefs includes their position, functional actions, authority, and stereotypical ideas about their behavior (strictness, categoricalness, self-confidence, i.e., demonstration of power). The value characteristics of power reflected in proverbs emphasize the ideas of coercion, certain benefits of power for its holders, and responsibility for decisions made. The aphorisms express the idea that the struggle for power can be very cruel, that power corrupts people and should have limits, and that subordinates tend to criticize their superiors. The jokes and anecdotes about chiefs highlight their intellectual incompetence, the desire of subordinates to humiliate their superiors, and the criticism of their sycophantic behavior.

Keywords: concept; notion; image; value; power; superiors.

For citation: Karasik V.I. Understanding Power and Chiefs in Language Consciousness // Social Sciences and Humanities. Domestic and For-

* V.I. Karasik

Karasik Vladimir Ilich – Doktor of Philologi, Professor, Dean of Philological Fakulty, Push kin Russian Language Institute; vkarasik@yandex.ru

eign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 3. – Pp. 42–59. DOI: 10.31249/ling/2026.03/03

Received: 20.04.2026.
Accepted: 02.06.2026.

Языковая картина мира представляет собой сложную динамичную систему актуальных для людей разнородных квантов переживаемого опыта. Эти ментальные образования во многих работах рассматриваются как концепты, включающие понятийное, образное и ценностное содержание [Воркачев, 2014; Карасик, 2002; Красавский, 2008; Куссе, 2022; Пименова, 2012; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008]. Классификация концептов строится на разных основаниях и в целом соответствует принципам членения реальности, на которых основаны идеографические словари. Аксиоматическими постулатами такого построения являются тезисы о многомерности и многопричинности реальности. Важнейшей характеристикой картины мира является система ценностей, определяющих приоритеты понимания реальности в сознании индивидов и общества [Абушенко, 2002; Дементьев, 2013; Ковшова, 2016; Маркелова, 2013; Шаклеин, 2012; Шмелёв, 2002; Rokeach, 1973; Schwartz, 1992].

К числу важных концептов, фиксирующих социальную организацию общества, относится осмысление власти. Эта тема неоднократно привлекала к себе внимание исследователей [Аничкова, 2018; Астафурова, Олянич, 2015; Балашова, 2010; Васильев, 2015; Гогенко, 2015; Демидова, 2021; Ерофеева, 2009; Карасик, Китанина, 2023; Кипенко, 2010; Серио, 1993; Черватюк, 2006; Шабанова, 2011; Шейгал, 1999; Harris, 2003; Holtgraves, Lasky, 1999; Morand, 2000; Victoria, 2009]. Власть представляет собой многомерное социальное и психологическое явление, организующее отношения между людьми. Одной из возможных рабочих моделей лингвистически релевантного описания власти может быть схема, в которой раскрываются отношения между концептами «власть» и «начальник», т.е. явление и его ключевой субъект.

Понятийные характеристики власти определяются в толковых словарях следующим образом.

Власть – право, сила и воля над чем-то, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; начальство, начальник или начальники [СД, 1994].

Власть – 1. Право управления государством; права и полномочия правительства, правительственных органов (полит.). 2. Органы государственного управления; правительство. 3. Форма управления страной, государственный строй. 4. Право и возможность повелевать, управлять, распоряжаться действиями, поведением кого-либо [ССРЛЯ, 1950–1965].

Власть – 1. Право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле. 2. Могущество, господство, сила. 3. Должностные лица, начальство, администрация. 4. Политическое господство; право управления государством или регионом; органы, наделенные таким правом. 5. Орган государственного управления, правительство [БТС, 1998].

Начальник – тот и те, кому поверена власть [СД, 1994].

Начальник – Должностное лицо, руководящее, заведующее чем-нибудь [ССРЛЯ, 1950–1965; БТС, 1998].

Содержание концепта «власть» сводится, как можно видеть, к следующим признакам: 1) возможность оказывать воздействие на поведение кого-либо; 2) возможность управлять кем-, чем-либо (руководить, определять поступки кого-либо); 3) возможность осуществлять действия, обусловленная силой и сложившимся порядком; 4) возможность для определенных людей или органов управления осуществлять действия.

Содержательный минимум концепта «начальник» включает следующие признаки: 1) человек, имеющий право (должностное лицо); 2) осуществление руководства.

Социально-политическое толкование понятия «власть» уточняется в специальном лексикографическом издании так: «способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность, нравы и традиции людей с помощью различного рода средств – закона, права, авторитета, воли, суда, принуждения» [Халипов, 1997, с. 70]. Содержательный минимум этого концепта в его категориальном осмыслении уточняется в двух направлениях: объектном (различные стороны жизни людей) и инструментальном (средства власти). Сущность власти выражена в формуле: «А имеет власть над В, если А определяет поведение В».

Для определения понятийного содержания рассматриваемого концепта необходимо обратиться к выявлению внутренней формы его вербального воплощения. В этимологическом словаре сказано: И.-е. **ual-d (h)-*; корень **ual* «иметь силу», «быть сильным» [ИЭСРЯ, 1999]. Сравним: англ. *Authority* – лат. *Augere* – *to*

create; англ. Power – лат. *Potere – to be able*. Греческий корень – *krat-* этимологически означает понятие «сила».

Обратимся к образно-ситуативным характеристикам рассматриваемых концептов*.

Важной характеристикой власти является ее важнейшая функция – быть воздействующей силой на индивидов и общество:

Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов (А. Ослон).

Огрызкову не понравился и командир, эта штабная крыса, который стремится командовать, подчинить их себе, но делает это без необходимой власти и твердости (В. Быков).

Инициальной фазой проявления власти является ее завоевание:

Партия – это не клуб по интересам, а инструмент завоевания власти (А. Андреев).

Где есть власть, есть и борьба за власть (А. Филиппов).

Актуальной является идея передачи власти:

Передача власти кончилась тем, что в 1989 году отец уволил сына, но было поздно (Л. Черняк).

Есть оппозиция, но перспектив прийти к власти у нее нет (Е. Костюк).

В 1990 году Пиночет был вынужден отдать власть законно избранному президенту, оставшись главнокомандующим вооруженными силами страны (О. Поляковский).

Уточняются типы властных субъектов:

Анты создали раннегосударственное образование, во главе которого стоял вождь, возможно, с наследственной властью (В. Седов).

Более четко установлены границы компетенции местной власти в сферах образования и здравоохранения (С. Бабаева).

Реформами местного самоуправления (земская и городская реформы) была заметно урезана власть чиновников, к управлению допущены широкие слои общества (А. Афанасьев).

Охарактеризованы действия представителей власти:

Когда к власти пришли большевики, почти всех известных милиции колдунов расстреляли (М. Хуторной).

Какие именно действия властей могут способствовать ускорению экономического роста? (Н. Вардуль).

* В качестве языкового материала взяты примеры из «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru).

Если власть не будет мало-мальски фильтровать потоки информационного товара, то «желтая жижа» затопит все общество (В. Плотников).

Значимы для понимания власти способы ее получения и осуществления:

Вся полнота власти в городе была передана Революционному комитету, руководителей которого назначили военные (С. Артюхов).

Они уверены, что с помощью тех газет они снова окажутся у власти при очередных выборах (Д. Волков).

По его мнению, правилами честной игры в бизнесе могут стать «только правильное законодательное регулирование и полное устранение власти от ведения бизнеса» (А. Шарипова).

Осмысление власти предполагает ее понимание в жизни общества:

В последние годы Марк Аврелий стал записывать свои размышления о жизни и судьбе человека перед лицом Власти и Войны, Смерти и Вечности (С. Смирнов).

Политик не готов предложить населению свою концепцию власти (А. Рыклин).

В психологическом плане значимым является осмысление стремления к власти:

В нем было все – и яростное ощущение собственной силы, и жажда власти над этими людьми, которую можно было в тот миг утолить разве что их же кровью (О. Павлов).

Уточняются объекты власти:

В каждом народе есть люди, готовые приспособиться к власти (Ю. Кантор).

Таким образом, описание ситуаций, в которых раскрывается проявление власти, включает борьбу за нее, сохранение и передачу власти, характеристику субъектов и объектов власти, а также понимание ее роли в жизни общества.

В текстовых примерах уточняется должность и функционал начальников:

Через два года он стал начальником цеха (Е. Толстых).

Про Лидию Тимофеевну она говорила с большим уважением. Оказалось, что та теперь начальник. Руководит чуть ли не всей системой образования (А. Геласимов).

Вероятно, расстреляли и Павла Цоя (имел прозвище «Скандалевский»), дослужившегося до начальника артиллерии линкора «Марат» Балтийского флота (В. Авченко).

Начальник критикует подчиненных:

На первый взгляд не произошло ничего экстраординарного. Ну, покритиковал начальник подчиненных. Так он вроде бы на то и начальник (А. Рыклин).

У матери странные были представления о мужской работе – мужчины должны были водить трактора, бить по железу молотом, таскать тяжести или быть начальниками, орущими на подчиненных, а вот если мужчина копался в бумажках, то это было для нее странно, таких мужчин она считала инвалидами (А. Сальников).

У начальника есть определенные полномочия:

Я не начальник, назначить вас не могу и рекомендовать не могу, мы тут с вами люди новые (А. Рыбаков).

Тогда Иван Спиридонович отправился к начальнику вокзала, подал ему рапорт о случившемся и попросил уволить его по состоянию здоровья (М. Сергеев).

Начальник почтового отделения ей отказала в просьбе, заявив, что отпуск надо еще заработать (Е. Мосина).

Стереотипные представления о типаже «начальник» включают установки: начальник обычно строг, категоричен и уверен в себе:

«Я думаю, что для начальника я слишком мягок, хотя бывают моменты, когда могу быть очень строгим», – делится Аверин (Э. Савкина).

В 95% случаев это самодурство, помноженное на желание быстро закрыть отдельные пункты задач, которые ставит перед тобой начальник (Д. Марич).

Например, если мужчина занимал пост начальника, а в семье был опорой, то, заболев, он неизбежно начинает чувствовать себя беспомощным и бессильным (Д. Рощеня).

Начальник занимает определенное место в организации:

Дизайнер подчиняется непосредственно генеральному директору, заместителю генерального директора, начальнику службы рекламы, старшему копирайтеру (Должностная инструкция).

У начальника обычно есть свой кабинет:

Не совсем понимая, для чего его зовут на ковер, Дима встал и направился в кабинет начальника (А. Ромашин).

Результаты работы начальников фиксируются в отчетах:

Мой начальник любил говорить: «Твой отчет – это твоя работа» (Р. Земцов).

Принято считать, что сотрудники организации и другие граждане могут обратиться к начальнику с жалобами и вопросами:

И вот возмущенные жители стали звонить начальнику местных электросетей Александру Николаевичу Забродину и требовать ответа (Ю. Лепский).

Начальник управления информации МЧС России Алексей Вагутович заявил, что москвичей достаточно проинформировали про ураган в Москве (И. Якушева).

В России есть такое ошибочное мнение, что хороший начальник может прийти и сделать всем счастье и достаток (А. Шведов).

В приведенных примерах говорится о статусных характеристиках деятельности начальника, его должностных полномочиях и стереотипных представлениях о его поведении.

Ценностные признаки осмысления власти определяют отношение к ней со стороны разных индивидов и социальных групп, нормы и способы осуществления власти, принятые способы борьбы за власть, а также ритуалы получения и передачи власти. В качестве материала взяты словари пословиц и афоризмов [Афоризмы..., 2006; Виндгольц, 2004; Душенко, 2001; Жуков, 1993] и размещенные в Интернете шутки и анекдоты на эту тему.

В пословицах и поговорках нормы поведения по отношению к власти неразрывно связаны с нормами отношения к закону как императивному ориентиру мировосприятия.

Следует знать, что сила дает власть:

У кого сила – у того и власть (бенгал.). Законы ловят мух, а шершней отпускают (англ.). Слабый всегда виноват (азер.).

Следует знать, что сила главнее закона:

Где сила владеет, там закон уступает (рус.). Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь (рус.). На барскую расправу не найдешь управу (рус.).

Следует знать, что власть дает привилегии:

Воеводою быть, без меду не жить (рус.). Кто у власти, тот и ест сласти (рус.).

Следует знать, что обладание властью – это благо:

Всякая власть – от Бога (рус.). Лучше быть головой собаки, чем хвостом льва (англ.).

Следует знать, что нужно себя контролировать:

Кто на свою страсть найдет власть, тот и будет владыка (рус.).

Следует знать, что власть предполагает ответственность:

Велика власть – велика ответственность (швед.).

Следует знать, что власть делает людей жестокими:

Получивший власть на день – у ста человек головы снял (груз.). Кто власть имеет, бедных не жалеет (рус.). Власть дается не любить, а давить (рус.).

Следует знать, что от власти не спрятаться:

Меч власти длинен (япон.).

Следует знать, что подчиненные примут власть над собой:

Была бы власть, сторонники найдутся (корейск.).

Следует знать, что власть нужно давать тем, кто способен с ней справиться:

Ребёнку не надо давать нож, дураку не надо давать власть (монг.). Лучше уж гнет кошки, чем справедливость мышей (инд.). Легче за стадом ходить, чем стадо водить (рус.).

Следует знать, что суть человека проявляется в том, как он проявляет власть:

Хочешь узнать человека – дай ему власть (инд.).

Следует знать, что не каждому нужно вручать власть:

Что беснующемуся нож в руки, то лукавому власть (рус.).

Следует знать, что ближайшая власть бывает суровее отдаленной:

Жалует царь, да не жалует псарь (рус.).

Следует знать, что власть связана с подчинением:

Кто сам не подчинялся, не может повелевать (япон.). Тот, кого назовешь господином, назовет тебя своим рабом (афр.). Кто не может скрывать свои мысли, тому не бывать властителем (груз.).

Таким образом, ценностные характеристики власти, отраженные в пословицах, свидетельствуют о различном отношении к ней со стороны подчиненных и со стороны сторонних наблюдателей: в первом случае акцентируются идеи принуждения и жестокости, во втором случае – идеи плюсов для обладателей власти и ответственности, которая должна быть у ее субъектов.

Осмысление власти **в афористике** выражено в следующих наблюдениях.

Сильным свойственно стремиться к власти:

Цель власти – власть (Дж. Оруэлл). Стремление к власти так же присуще человеку, как и преклонение перед властью над собой. Первое свойство делает из нас тиранов, второе – рабов (У. Гэзлитт). Начальниками становятся сильные, подчиненными – слабые, а заместителями – умные (К. Мелихан).

Власть предполагает ответственность за нее:

Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность и которые возлагают на себя великие обязанности (Н. Бердяев). Ответственность – это та цена, которую мы платим за власть (У. Черчилль).

Человек должен контролировать свои стремления и страсти:

Власть над собой – самая высшая власть, порабощение своими страстями – самое страшное рабство (Сенека).

Власть не терпит возражений:

Начальники любят, чтобы подчиненные высказывали им свое мнение, не открывая рта (М. Генин). Солдат должен бояться своего начальника больше, чем врагов (Клеарх). Недостаток энтузиазма у начальника делает жизнь подчиненных скучной, а избыток – невыносимой (Д. Карвин).

Обладание властью неизбежно развращает людей:

Нет зверя свирепее человека, если к страстям его присоединяется власть (Плутарх). Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно (Дж. Актон). Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею (Ш. Монтескье). Власть одного человека над другим губит прежде всего властвующего (Л.Н. Толстой). Всякая власть открыто и прикрыто заключает в себе яд (Н. Бердяев).

Вместе с тем опасна не власть, а недостаток интеллекта у тех, кто к ней стремится:

Власть не развращает людей; но дураки, забравшиеся на вершины власти, развращают власть (Дж. Б. Шоу). Даже самая незначительная доля власти легко кружит неразвитые головы (Л. Андреев). Власть в виде пирамиды устойчива, но имеет маленькую голову (В. Голобородько). Чем меньше власть, тем сильнее желание пустить ее в ход (Б. Левин).

Есть свои плюсы в том, чтобы отказаться от власти:

Люди самолюбивые любят власть, люди честолюбивые – влияние, люди надменные ищут того и другого, люди размышляющие презирают и то и другое (В.О. Ключевский). Взойти на трон – значит продаться в рабство (Д. Джебран). Нет никаких сомнений, что власть гораздо приятней отдавать, чем брать (У. Черчилль). Власть приобретается в обмен на независимость (Б. Окуджава). Если усердно работать 8 часов в день, можно выйти в начальники и работать 12 часов в день (Р. Фрост).

Отказ от власти порой приносит огорчения:

Самое великое наказание – это быть под властью человека худшего, чем ты, когда сам ты не согласился управлять (Платон). Власть развращает, а отсутствие власти развращает абсолютно (Э. Стивенсон).

Власть нужно ограничивать:

Законы для того и даны, чтобы урезать власть сильнейшего (Овидий). Плохим императорам нравится неограниченная власть, хорошим – умеренная свобода (Тацит). Чтобы власть стала сильнее, следует ее ограничить (К. Бёрне). Всякая власть – от Бога, я это признаю; но и всякая болезнь от Него же: значит ли это, что запрещено звать врача? (Ж.-Ж. Руссо).

Борьба за власть ведется без соблюдения правил и жалости к слабым:

Великое дело – завладеть властью, но еще более трудное – однажды захватив, сохранить ее за собой (Ксенофонт). Мир тесен. Особенно в коридорах власти (Б. Крутиер). Сующий нос в механизм власти рискует не только носом (Б. Лесняк). Начальник, как паровоз: отступишь – пройдет мимо, встанешь на пути – задавит (В. Георгиев).

Многие, добиваясь власти, используют ее в корыстных целях:

Покупающие власть за деньги привыкают извлекать из нее прибыль (Аристотель). Коль скоро богатство – это власть, всякая власть неизбежно, тем или иным способом, прибирает к рукам богатство (Э. Бёрк).

Власть политиков весьма эфемерна:

Притязающие на власть над народом способны ее завоевать, лишь рабски следуя за толпой (О. Уайльд). Школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министрам остается только мечтать (У. Черчилль).

Подчиненным свойственно критически оценивать своих начальников:

Есть люди, которые о своем начальнике отзываются хорошо, но только о предыдущем начальнике (И. Ветё). Высказал начальнику прямо в глаза все, что думал о нем хорошего (Е. Тарасов).

Приведенные суждения свидетельствуют о том, что в целом оценка власти является амбивалентной: признается ее необходимость и естественность, но вместе с тем констатируются органически присущие ей жестокость и ее переход в тиранию. Отсюда вытекает вывод о необходимости ограничения власти.

К аксиогенным текстам относятся **шутки и анекдоты.** Значительную часть анекдотов о власти составляют шутки о начальниках*.

Главный признак власти начальника – его право на принуждение подчиненных к выполнению тех или иных заданий:

Как говорил мой начальник: «Это хорошо, что вы согласны, потому что все равно придется».

Нет сил бороться с собственной ленью? Стань начальником, и борись с чужой.

Актуальной является идея интеллектуальной несостоятельности начальника:

Не думай, что ты умнее начальника. Будешь думать – не станешь начальником.

Дураки и начальники свои решения не меняют.

Начальники, в свою очередь, считают дураками своих подчиненных:

Тяжело быть начальником среднего звена: и выше тебя придурки, и ниже тебя придурки.

Принято считать, что начальник чрезмерно загружает работой своих подчиненных:

Обычная награда за хорошо выполненную работу – это еще больше работы.

Не буди в себе начальника – проснется и замучает указаниями.

Критическую оценку получает подхалимаж в адрес начальника:

Каждый работник должен обладать собственным мнением, совпадающим с мнением начальника.

Публичное цитирование слов начальника – это скрытая форма взятки.

Если подчиненные перестали смеяться над шутками начальника – значит, прошел слух, что его скоро снимут.

Вместе с тем показано, что критика начальника обычно завершается печально для подчиненного:

Сегодня узнал, что пять минут смеха над начальником заменяют премию.

Коррумпированность власти является традиционной темой анекдотов:

* В качестве источника текстов были взяты примеры, размещенные на сайте https://nekdo.ru/nachalnik

Большой начальник, чиновник приходит к гадалке посоветоваться:

– Мне вчера приснилась картошка, к чему это?

Гадалка:

– Это, сынок, значит: или к весне посадят, или к осени уберут.

Распространены шутки, в которых говорится о желании подчиненных унизить своего начальника:

Коврик у двери, на нем вышито: «Представь, что я твой начальник».

Начальника, когда он в хорошем настроении, можно запросто перепутать с человеком.

Шеф, у Вас красивая рубашка… моего деда в такой же хоронили.

Приведенные примеры показывают, что власть в ее конкретном воплощении в виде начальника получает критическую оценку, поскольку считается, что эта власть принуждает людей выполнять слишком много ненужной работы. Соответственно, начальников считают неумными людьми, стремятся их унизить. Но при этом осуждается подхалимское поведение подчиненных.

Выводы

Понятийные характеристики власти и начальников сводятся к праву и возможности должностного лица определять поведение подчиненных ему людей. Описание проявления власти уточняет типы властных субъектов, манеры их поведения, процедуры получения и передачи власти, мотивы стремления к власти. Описание начальников включает их должность, функциональные действия, полномочия, стереотипные представления об их поведении (строгость, категоричность, уверенность в себе, т.е. демонстрацию силы). Ценностные характеристики власти, отраженные в пословицах, акцентируют идеи принуждения, определенных бонусов власти для ее обладателей и ответственности за принимаемые решения. В афористике выражены мысли о том, что борьба за власть бывает очень жестокой, власть развращает людей и должна иметь ограничения, подчиненные склонны критически оценивать начальников. В шутках и анекдотах о начальниках говорится об их интеллектуальной несостоятельности, о желании подчиненных унизить начальника, а также критикуется подхалимское поведение подчиненных.

Список литературы

Абушенко В.Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Москва: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. – С. 21–23.

Аничкова О.М. Власть и властвующие в русских пословицах и поговорках // Новые российские гуманитарные исследования. – 2018. – № 13. – С. 103.

Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика властного ритуала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание.– 2015. – № 2 (26). – С. 41–49.

Афоризмы. Золотой фонд мудрости / сост. О.Т. Ермишин. – Москва: Просвещение, 2006. – 1695 с.

Балашова Л.В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2 (32). – С. 9–14.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.

Васильев А.Д. Вербализация концепта власть в языковом сознании красноярцев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2015. – № 2 (32). – С. 207–213.

Виндгольц А. К слову сказать… Словарь афоризмов, литературных, публицистических и фольклорных контекстов. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2004. – 688 с.

Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 331 с.

Гогенко В.В. Концепт «власть» как фрагмент древнеанглийской языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4, ч. 2. – С. 70–74.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. – Москва: Глобал ком, 2013. – 336 с.

Демидова Е.Е. Генезис символического макроконцепта ВЛАСТЬ // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 92–96.

Душенко К.В. Большая книга афоризмов. – 5-е изд., испр. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 1056 с.

Ерофеева И.В. Концепт власть в медиадискурсе: дихотомия репрезентации // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – № 1 (52). – С. 167–171.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – Москва: Русский язык, 1993. – 537 с.

ИЭСРЯ – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Москва: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 623 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Карасик В.И., Китанина Э.А. Аксиология власти в русской лингвокультуре // Русистика. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 97–110.

Кипенко М.В. Лексическая объективация концепта «власть» в языке газеты «Комсомольская правда» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 4 (84). – С. 238–245.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – 3-е изд. – Москва: URSS, 2016. – 456 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Москва: Гнозис, 2008. – 374 с.

Куссе Х. Культуроведческая лингвистика: пер. с нем. – Москва: Гнозис, 2022. – 536 с.

Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. – Москва: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. – 300 с.

Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2012. – № 17. – С. 147–153.

Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков: Око, 1993. – Т. 1. – С. 83–100.

СД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва: Терра, 1994.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 1. – С. 8–20.

Халипов В.Ф. Власть: кратологический словарь. – Москва: Республика, 1997. – 431 с.

Черватюк И.С. Дискурсивные маркеры власти // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2006. – С. 58–66.

Шабанова А.А. Репрезентация концепта «власть» в современной русской языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 17 (232). – С. 181–185.

Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 301 с.

Шейгал Е.И. Язык и власть // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 138–142.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

Harris S. Politeness and Power: Making and Responding to ‘Requests’ in Institutional Settings // Text.–2003. – N 23. – P. 27–52.

Holtgraves T., Lasky B. Linguistic Power and Persuasion // Journal of Language and Social Psychology. – 1999. – Vol. 18, N 2. – P. 196–205.

Morand D.A. Language and Power: an Empirical Analysis of Linguistic Strategies Used in Superior-subordinate Communication // Journal of Organizational Behavior. – 2000. – N 21. – P. 235–248.

Rokeach M. The Nature of Human Values. – New York: The Free Press, 1973. – 438 p.

Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. – 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.

Victoria M. Power and Politeness: a Study of Social Interaction in Business Meetings with Multicultural Participation // ESP across Cultures. – 2009. – N 6. – P. 129–140.

References

Abushenko V.L. *Axiology.* In: *World Encyclopedia: 20 th Century Philosophy* / ed. by A.A. Gritsanov. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, Sovremennyy literator, 2002. Pp. 21–23. (In Russian)

Anichkova O.M. *Power and Ruling in Russian Proverbs and Sayings*. In: *New Russian Humanitarian Studies*. 2018. N 13. P. 103. (In Russian)

Astafurova T.N., Olyanich A.V. *Linguosemiotics of Power Ritual*. In: *Bulletin of Volgograd State University.* Series 2, Linguistics. 2015. N 2 (26). Pp. 41–49. (In Russian)

Aphorisms. The Golden Treasury of Wisdom / comp. by O.T. Ermishin. Moscow: Prosveshchenie, 2006. 1695 p. (In Russian)

Balashova L.V. *Conceptualization of Power in Sociomorphic Literary and Slang Metaphor (Comparative Aspect)*. In: *Political Linguistics*. 2010. N 2 (32). Pp. 9–14. (In Russian)

Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. 1536 p. (In Russian)

Vasiliev A.D. *Verbalization of the Concept 'Power' in the Linguistic Consciousness of Krasnoyarsk Residents*. In: *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*. 2015. N 2 (32). Pp. 207–213. (In Russian)

Vindgolts A. *So to Speak… Dictionary of Aphorisms, Literary, Journalistic and Folklore Contexts*. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2004. 688 p. (In Russian)

Vorkachev S.G. *Embodiment of Meaning: conceptualia selecta*. Volgograd: Paradigma, 2014. 331 p. (In Russian)

Gogenko V.V. *The Concept 'Power' as a Fragment of the Old English Linguistic Worldview*. In: *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015. N 4, Pt 2. Pp. 70–74. (In Russian)

Dementiev V.V. *Communicative Values of Russian Culture: Category of Personhood in Lexis and Pragmatics*. Moscow: Global kom, 2013. 336 p. (In Russian)

Demidova E.E. *Genesis of the Symbolic Macroconcept POWER*. In: *Bulletin of Pyatigorsk State University*. 2021. N 2. Pp. 92–96. (In Russian)

Dushenko K.V. *The Big Book of Aphorisms*. 5 th ed. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 1056 p. (In Russian)

Erofeeva I.V. *The Concept of Power in Media Discourse: Dichotomy of Representation*. In: *Bulletin of Chita State University*. 2009. N 1 (52). Pp. 167–171. (In Russian)

Zhukov V.P. *Dictionary of Russian Proverbs and Sayings*. Moscow: Russkiy yazyk, 1993. 537 p. (In Russian)

Chernykh P.Ya. *Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language.* Vol. 1. Moscow: Russky Yazyk, 1999. 623 p. (In Russian)

Karasik V.I. *The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russian)

Karasik V.I., Kitanina E.A. *Axiology of Power in Russian Linguoculture*. In: *Russian Studies*. 2023. Vol. 21, N 1. Pp. 97–110. (In Russian)

Kipenko M.V. *Lexical Objectivation of the Concept 'Power' in the Language of the Newspaper Komsomolskaya Pravda*. In: *Bulletin of Tambov University*. *Series 'Humanities'*. 2010. Iss. 4 (84). Pp. 238–245. (In Russian)

Kovshova M.L. *Linguoculturological Method in Phraseology: Codes of Culture*. 3 rd ed. Moscow: URSS, 2016. 456 p. (In Russian)

Krasavsky N.A. *Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures*. Moscow: Gnozis, 2008. 374 p. (In Russian)

Kusse H. *Cultural Linguistics* / transl. from German. Moscow: Gnozis, 2022. 536 p. (In Russian)

Markelova T.V. *Pragmatics and Semantics of Evaluative Means in the Russian Language*. Moscow: MGUP im. Ivana Fedorova, 2013. 300 p. (In Russian)

Pimenova M.V. *Power and Politics: Metaphors in Media Discourse*. In: *Linguorhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*. 2012. N 17. Pp. 147–153. (In Russian)

Serio P. *On the Language of Power: A Critical Analysis*. In: *Philosophy of Language: Within and Beyond Borders.* Khar'kiv: Oko, 1993. Vol. 1. Pp. 83–100. (In Russian)

Dal' V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. Moscow: Terra, 1994. (In Russian)

Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 vols. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950–1965. (In Russian)

Slyshkin G.G. *Linguocultural Concepts and Metaconcepts*. Volgograd: Peremena, 2004. 340 p. (In Russian)

Stepanov Yu.S. *Constants. Dictionary of Russian Culture. An Essay in Research*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kultury», 1997. 824 p. (In Russian)

Sternin I.A. *Description of a Concept in Linguoconceptology*. In: *Linguoconceptology* / ed. by I.A. Sternin. Voronezh: Istoki, 2008. Iss. 1. Pp. 8–20. (In Russian)

Khalipov V.F. *Power: Cratological Dictionary*. Moscow: Respublika, 1997. 431 p. (In Russian)

Chervatyuk I.S. *Discursive Markers of Power*. In: *Man in Communication: Concept, Genre, Discourse*. Volgograd: Peremena, 2006. Pp. 58–66. (In Russian)

Shabanova A.A. *Representation of the Concept 'Power' in the Modern Russian Linguistic Worldview*. In: *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art History.* 2011. N 17 (232). Pp. 181–185. (In Russian)

Shaklein V.M. *Linguoculturology: Traditions and Innovations*. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 301 p. (In Russian)

Sheigal E.I. *Language and Power.* In: *Linguistic Personality: Problems of Linguoculturology and Functional Semantics*. Volgograd: Peremena, 1999. Pp. 138–142. (In Russian)

Shmelev A.D. *The Russian Linguistic Model of the World: Materials for a Dictionary*. Moscow: Yazyki slavianskoy kul'tury, 2002. 224 p. (In Russian)

Harris S. *Politeness and Power: Making and Responding to 'Requests' in Institutional Settings.* In: *Text*. 2003. N 23. Pp. 27–52.

Holtgraves T., Lasky B. *Linguistic Power and Persuasion.* In: *Journal of Language and Social Psychology*. 1999. Vol. 18, N 2. Pp. 196–205.

Morand D.A. *Language and Power: An Empirical Analysis of Linguistic Strategies Used in Superior-Subordinate Communication*. In: *Journal of Organizational Behavior*. 2000. N 21. Pp. 235–248.

Rokeach M. *The Nature of Human Values.* New York: The Free Press, 1973. 438 p.

Schwartz S.H. *Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries.* In: *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25. Pp. 1–65.

Victoria M. *Power and Politeness: A Study of Social Interaction in Business Meetings with Multicultural Participation.* In: *ESP across Cultures*. 2009. N 6. Pp. 129–140.

УДК: 81`1 DOI: 10.31249/ling/2026.03/04

Орлова О.С.[1]

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ЗАГАДКАХ[2]

Аннотация. Статья посвящена эвфемистическим номинациям животных в загадках русской традиционной культуры. Под эвфемистическими номинациями в загадках понимаются непрямые номинации в загадочных текстах, возникшие на почве суеверных запретов на прямое именование тех или иных объектов действительности. Эвфемизм и загадка с помощью лингвокультурологического анализа исследуются как знаки с насыщенной культурной коннотацией, в основе которых лежит единый принцип непрямой номинации, и которые восходят к одному из проявлений мифологического мышления – табу. Исследование проводится на материале русских народных загадок о животных, зафиксированных в сборниках В.В. Митрофановой и Д.Н. Садовникова. На широком материале показано, что в загадках русского народа запечатлены следы табу на именование животных; описаны основные способы непрямого именования животных в загадках русской традиционной культуры. Анализ материала позволяет предположить, что непрямые номинации животных в русских традиционных загадках изначально выполняли роль табу-эвфемизмов, хотя со временем эвфемистическая функция была ими утрачена. Исследование эвфемистических номинаций животных в русских народных загадках позволяет эксплицировать связь между языковым табу как проявлением архаичной формы мышления и принципом непрямой

[1] © Орлова О.С., 2026

Орлова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН, отдел теории и практики коммуникации имени Юрия Сергеевича Степанова; OrlovaOlgaS@list.ru

[2] Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0001, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

номинации, лежащим в основе загадки, а также дает возможность проследить диахроническую трансформацию эвфемистической функции и выявить способы непрямых именований в загадках, что вносит вклад в развитие этнолингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: знаки непрямой номинации; культурная коннотация; эвфемизм; табу; загадка; эвфемистическая номинация.

Для цитирования: Орлова О.С. Эвфемистические номинации животных в русских традиционных загадках // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 60–76. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/04

Поступила в редакцию: 21.04.2026.
Принята в печать: 02.06.2026.

Orlova O.S.[*]

EUPHEMISTIC NOMINATIONS OF ANIMALS IN RUSSIAN TRADITIONAL RIDDLES[1]

Abstract. The article deals with euphemistic nominations of animals in the riddles of Russian traditional culture. Euphemistic nominations in riddles are understood as indirect nominations in riddle texts which appeared due to superstitious prohibition on direct nomination of certain objects in particular circumstances. Euphemisms and riddles are studied by means of linguocultural analysis as signs with rich cultural connotation which are based on the principle of indirect nomination and can be traced back to one of the manifestations of mythological thinking – taboo. The research is conducted as applied to Russian folk riddles about animals presented in the collections of riddles compiled by V.V. Mitrofanova and D.N. Sadovnikov. Riddles under consideration are used to demonstrate that the riddles of Russian traditional culture contain taboo imprints. A wide range of examples under review is used to provide a description of the ways of indirect nominations of animals in the riddles of Russian traditional culture. The research material makes it possible to suggest that indirect nominations of animals in Russian folk riddles primarily used to perform a euphemistic function

[*] Orlova Olga Sergeevna – Candidate of Philology, researcher, Department of Theory and Practice of Communication named after Yuri Sergeevich Stepanov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; OrlovaOlgaS@list.ru

[1] The study was conducted within the framework of project FMNE-2025-0001, supported by the Ministry of Edication and Science of the Russian Federation.

based on taboo, which was later lost. The study of euphemistic nominations of animals in Russian folk riddles allows us to explicate the connection between linguistic taboo as a manifestation of archaic thought and the principle of indirect nomination underlying the riddle. It also provides an opportunity to trace the diachronic transformation of the euphemistic function and identify the means of indirect nomination in riddles, thus contributing to the development of ethnolinguistics and linguocultural studies.

Keywords: indirect nomination signs; cultural connotation; euphemism; taboo; riddle; euphemistic nomination.

For citation: Orlova O.S. Euphemistic Nominations of Animals in Russian Traditional Riddles // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. 2026. N 3. Pp. 60–76. Moscow, 2026. DOI: 10.31249/ling/2026.03/04

Received: 21.04.2026.
Accepted: 02.06.2026.

Под эвфемизмами понимаются «слова или выражения, употребляемые взамен других, которые по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [СРЯ, 1988, с. 746]. Возникновение эвфемизмов связано с необходимостью замены запретных слов, вызванной магическими практиками и суеверными представлениями в мире древних культур; однако в современном обществе их функционирование обусловлено не мистическими запретами, а социальными конвенциями, политической корректностью, этикетом и стремлением избежать коммуникативного дискомфорта при обсуждении деликатных или неприятных тем. Ср. устаревшие табу-эвфемизмы, возникшие под действием архаичных запретов, продиктованных боязнью навлечь беду или призвать хищных зверей, – *серый* вместо «волк» [Сеничкина, 2008, с. 390], *кумушка* вместо «лиса» [там же, с. 170], *ломака* вместо «медведь» [там же, с. 179] – и современные эвфемизмы, употребляющиеся в бытовом общении: *насекомое* вместо «вошь», «блоха», «клоп» [там же, с. 210]; *тарасик* вместо «таракан» [там же, с. 416] и др. Эвфемизмы употребляются для смягчения высказывания и вуалирования негативных коннотаций, связанных с исходной номинацией, а их использование во многом обусловлено фактором адресата. При этом эвфемистический потенциал того или иного слова или выражения реализуется в зависимости от контекстуальных условий коммуникации, а одно и то же слово или выражение в

различных высказываниях может обладать или не обладать эвфемистической функцией. Так, в комментарии интернет-пользователя: *Ух ты ж, ешкин кот! Что-то, мне кажется, кто-то выпустил змейку погулять? Вряд ли у нас в лесах таких размеров могут водиться* [ura.news], который был оставлен в сети в ответ на новость о том, что «В уральских лесах завелась гигантская черная змея» [ura.news], диминутивная форма *змейка* является эвфемизмом, так как в данном контексте используется для смягчения речи, вуалирования негативной коннотации и преуменьшения потенциальной опасности, которая ассоциируется со змеей. Употребление слова *змейка* снижает градус тревожности в восприятии описанной ситуации. В приведенном комментарии эвфемистическим также является выражение е*шкин кот*, которое употреблено пользователем в рамках самоцензуры вместо более грубого выражения. В тексте статьи одного из онлайн-изданий, посвященной змеям, – *Яйца змеи не высиживают, но могут отложить до 100 штук. Маленькие змейки появятся на свет примерно через 5 недель* [upravavernadskogo.ru] – слово *змейки* не является эвфемизмом, так как не употребляется для смягчения высказывания и не служит цели вуалирования негативной или табуированной сущности объекта, а является прямой, диминутивной, номинацией, которая используется для указания на малый размер пресмыкающихся. Таким образом, идентификация эвфемизма осуществляется не на уровне отдельно взятого слова или выражения, а на основе комплексной интерпретации его прагматической интенции, фактора адресата и ситуации общения, что делает контекст доминирующим идентифицирующим параметром. Важным также представляется временно́й фактор, поскольку с течением времени под влиянием частотности употребления или изменения культурных норм эвфемизм может утрачивать свою смягчающую функцию. Так, слова *змея* («земной, ползающий по земле» [Фасмер, 1986, т. 1, с. 100]) и *медведь* («поедатель меда» [Фасмер, т. 2, с. 589]) изначально являются табуистическими заменами исчезнувших именований [Фасмер, 1986, т. 2, с. 589; Фасмер, т. 1, с. 100], но в настоящее время не воспринимаются носителями языка как таковые.

Загадки представляют собой словесные образные выражения, данные в виде вопроса или утверждения, которые содержат иносказательные описания предметов или явлений, предлагаемые для разгадывания и изначально созданные для хранения и передачи сакрального знания из поколения в поколение. Ср.: *Серовато, зубовато по полю рыщет, телят, ягнят ищет (волк)* [Митрофано-

ва, 1968, с. 51]; *Жёлтая хозяюшка из лесу пришла, / Всех кур пересчитала и с собой унесла (лисица)* [там же]; *Зло в зле лежит, злом изогнуло (змея в муравейнике)* [там же, с. 33] и др. Загадка разделена на загадочную часть и отгадку; отгаданная загадка навсегда фиксируется в сознании носителя языка в виде целостного знака. Семантику загадки формируют денотативный компонент (исходный денотат) и мотивационный компонент (преобразованный денотат, образ); совокупность данных компонентов определяет семантическую организацию загадки и ее функционирование в качестве комплексного словесного образного игрового знака (об этом см. подробнее в: [Ковшова, Орлова, 2020]). В отличие от эвфемизмов, способных с течением времени переставать быть таковыми, загадки не перестают быть загадками, однако на разных этапах бытования загадок на первый план выходят их различные функции. Так, в настоящее время основными функциями загадки являются игровая и обучающая функции, однако в древние времена загадки были частью обрядов и ритуалов и выполняли магическую, религиозную, сакральную и обрядовую функции. У славянских народов существовали регламентации и запреты, связанные со временем и условиями загадывания [ЭС2, 1999, с. 234]. Способность отгадывать загадки рассматривалась как маркер причастности к тайному знанию, а неспособность дать правильный ответ на загадку влекла за собой различные наказания, в которых прослеживаются архаичные инициационные обряды [там же].

В эвфемизмах и загадках, в соответствии с их знаковой спецификой и назначением, создается замаскированное, вуалированное описание объектов кодирования. Эвфемизмы и загадки объединяет то, что в создание этих разных знаков положен единый принцип непрямой номинации – преднамеренно иносказательное обозначение объекта, сознательное употребление такого именования, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его вуалированно (об этом см. подробнее в: [Орлова, 2022]).

И эвфемизмы, и загадки относятся к коннотативным знакам языка, хранящим и передающим культурные смыслы. Это знаки языка и культуры, в которых отражается детерминированное культурными установками, стереотипами, концептами и др. видение мира. Ср.: устаревший эвфемизм *кум* – вместо «волк» [Сеничкина, 2008, с. 170]. Эвфемизм построен на метафоре, уподобляющей волка – куму, и интерпретируется в антропоморфном и семейно-родственном кодах культуры. В основе эвфемизма лежат древние

представления о магической связи между именем и его носителем: непрямая номинация волка выполняла функцию оберега, призванного защитить человека от опасности, которую могло навлечь прямое упоминание хищника. Кум – «крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 314], который на Руси считался самым близким некровным родственником. Суеверное переименование волка соотносится с архетипической оппозицией «свой» – «чужой». Называя опасного хищника кумом, человек как бы «переводил» его из разряда враждебных «чужих» в разряд безопасных «своих», надеясь на то, что это убережет его от угроз, связанных с диким зверем. В целом, эвфемизм отражает стереотипные представления о родстве как механизме обеспечения безопасности. Ср. тж.: эвфемизм, употребляющийся в современном русском языке: *аист принес* – вместо «мать родила» [Сеничкина, 2008, с. 54]. Эвфемизм построен на зооморфной (орнитологической) метафоре, уподобляющей рождение ребенка – прилету аиста, и интерпретируется в зооморфном и акциональном кодах культуры. В основе эвфемизма лежат древние анимистические и мифологические верования, согласно которым рождение объяснялось не биологически, а как акт мистического переноса души в семью через священное животное-посланника. В традиционной культуре славянских народов распространено поверье о том, что аист приносит детей, а сон об аисте для девушки предвещает беременность. Согласно народным представлениям, аист имеет человеческое происхождение, а встреча с ним расценивается как благое предзнаменование; [ЭС1, 1995, с. 96–100].

Образы, использующиеся в загадках для кодирования того или иного объекта, также являются, как правило, специфическими, культурно детерминированными и интерпретируются в контексте той культуры, в которой они функционируют. Ср.: *В избе ломтем; / Во дворе – калачем (кошка и собака)* [Садовников, 1995, с. 141]. Загадка построена на гастрономической метафоре, уподобляющей кошку и собаку – хлебу, и прочитывается в пространственном, архитектурном и пищевом кодах культуры. Кошка описывается в образе ломтя, а собака – калача на основании отдаленного внешнего сходства по форме: развалившаяся кошка и свернувшаяся собака напоминают выпечку определенной формы. Ср. с устойчивыми выражениями: *лежать ломтем; лечь (свернуться) калачиком*. Слова *в избе* и *во дворе* употреблены в прямом значении и являются подсказкой, которая отсылает к знаниям о том, что кошек пус-

кали в избу, чтобы те помогали справиться с грызунами, а собаки жили во дворе, охраняя дом от нежеланных гостей. Образ загадки восходит к архетипам «внутри» – «снаружи». Кошки –единственные животные, которым позволялось находится в деревенском доме, а собаки проводили время за пределами избы, стерегли дом. Ср. с поговоркой: *Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе* [Пословицы русского народа, 1989, т. 1, с. 325]. В целом, загадка передает стереотипные представления об обычном местонахождении деревенских кошек и собак, а также об их типичных позах для сна.

И эвфемизмы, и загадки являются своеобразными иносказаниями, восходящими к одному из проявлений мифологического мышления – табу. Табу представляет собой «запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имен» [Леонтьев, 1990]. Табуированию подлежит все, внушающее человеку страх или наделяемое статусом сакрального. То, что было табуировано, служило источником создания первых эвфемизмов и становилось объектом загадывания. У древних славян было распространено табу на прямое именование животных (об этом см. подробнее: [Зеленин, 2024]), чтобы уберечь от негативного воздействия результаты охоты и повседневный быт.

Согласно Д.К. Зеленину [Зеленин, 2024], у славянских народов существовали производственные запреты, касающиеся охоты и рыбной ловли (мужские) и внепроизводственные, связанные с домашней обстановкой (женские), которые привели к формированию отдельных профессиональных мужских и женских «бытовых» языков, которые позднее стали смешиваться. Ср.: табу-эвфемизмы (примеры приводятся по: [Зеленин, 2024]): *муха* – вместо «пчела», *запéченка* – вместо «кошка», *низкоглядая* – вместо «свинья», *рыкуша* – вместо «корова», *худая* – вместо «змея», *верховой / курица* – вместо «ворон», *лесной барашек* – вместо «заяц», *векша* – вместо «сорока», *миша стукалка* – вместо «медведь» и др. Ср. тж. загадки: *Брындя! Не лази в пенду, в пенде канда про хонда (Кот, не лезь в печку, в печке каша для гостя)* [Митрофанова, 1968, с. 48]; *Рында роет, / Сканда скачет, / Турман едет – / Съест тебя (свинья, заяц, волк)* [Садовников, 1995, с. 236]; *Тяв-тяв дулейка: «Выдь ко мне, улейка*! *Страх тащит тепличку» (собака, хозяйка, волк, овца)* [там же] и др.

В загадках русской традиционной культуры запечатлены следы табу на прямое именование животных. Так, иносказательные описания животных часто включают образы, закрепленные в табу-эвфемизмах. Ср. табу-эвфемизм *низкоглядая* вместо «свинья»

и загадки *По земле ходит, неба не видит (свинья)* [Митрофанова, 1968, с. 47], *Пришла темнота под наши ворота, пытал лепоту, чи дома понура (волк, собака, свинья)* [там же, с. 51] (*понура* – «кто ходит, повесив голову» [Даль, 2006, т. 3, с. 284]). И эвфемизм, и загадки отражают стереотипные представления о свинье как о животном, которое «не видит неба» и всегда смотрит вниз, роясь в земле. Ср. тж.: табу-эвфемизм *запе́ченка* вместо «кошка» и загадку о мыши, сверчке и коте – *Идёт Кикимора / Из-под Климова; / Говорит она, Кикимора, / Колокольному царю: – Де это, Колокольный царь, / Цари Курны живут? / – Цари Курны живут / На печах, на печорах (мышь, сверчок, кот)* [Садовников, 1995, с. 241]. И в эвфемизме *запе́ченка*, и в загадке указывается на типичное место кошек и котов, которые любят погреться возле печи, в деревенском доме.

Отголоски табу также проявляются в структурной организации русских народных загадок, а именно – в использовании безличных и бесподлежащных конструкций, позволяющих избежать именования загаданного объекта. Ср. загадки о животных, в которых опущен субъект: *Летом гуляет, зимой отдыхает (медведь)* [Митрофанова, 1968, с. 51]; *Зимой голоден, а летом сыт (волк)* [там же]; *Зимой белый, летом серый (заяц)* [там же] и др. Загаданные объекты никак не называются в загадочных текстах, а описываются с помощью указания на их типичные характеристики. Загадка о медведе построена на описании одной из наиболее известных особенностей его образа жизни: летом хищники бодрствуют, а зимой – впадают в спячку; загадка о волке передает стереотипные представления о том, что в зимнее время лесным обитателям труднее добывать себе пищу, чем в летнее; образ загадки о зайце построен на описании внешнего вида зайца в разные времена года: зимой заячий мех – белого цвета, а летом – серого. Антитеза зимы и лета в загадках отражает архаичное деление календарного времени на два сезона – теплый и холодный периоды [Толстая, 2019, с. 213].

Номинативные мини-загадки (термин Е.М. Хелимского) представляют собой замены табу-эвфемизмов. Такие загадки являются «лаконичными иносказательными (образными, описательными) обозначениями загаданного денотата, его возможными фразеологическими или даже монолексемными субститутами» [Хелимский, 1994, с. 261]. Ср.: *Из-под кустика хватыш (волк)* [Садовников, 1995, с. 236]; *Через путь прядыш (заяц)* [Садовников, 1995, с. 237] (*прядыш* – «прыгун» (о зайце) [СРНГ, вып. 33,

с. 79]); *Всем пригнетыш (медведь)* [Садовников, 1995, с. 237] (*пригнетыш* – от «пригнетать» – «прижимать, придавливать, <…> угнетать или обижать, гнать, теснить» [Даль, 2006, т. 3, с. 401]) и др. Приведённые загадки о волке, зайце и медведе восходят к древним табу в особом, охотничьем, языке и могут рассматриваться как лексические субституты и табу-эвфемизмы. Загадка о волке передает стереотипные представления о хищной природе зверя с помощью описания типичной ситуации: волк охотится на добычу, хватая ее из-под куста. В загадке о зайце описывается одна из известных способностей маленького зверька – высоко и далеко прыгать. Ср. с поговорками: *Как заяц, как козел прыгает* [Пословицы русского народа, 1989, т. 2, с. 400]; *В Романовщине <…> столько барских дворов, сколько у зайца ломов (т.е. прыжков)* [Пословицы русского народа, 1989, т. 1, с. 295]. В загадке о медведе обыгрываются типичные черты зверя – крупный размер и тяжелый вес, благодаря которым сильный одиночный хищник держит в страхе всех – и людей, и лесных обитателей. В целом, загадка передает стереотипные представления о внешности и повадках медведя. Для эвфемистических номинаций диких животных используются искусственные слова – отглагольные существительные мужского рода, образованные по моделям типичных признаков объектов кодирования, которые соотносятся с существовавшим в народной культуре табу на именование пугающих объектов, таких как лесные звери. Употребление форм мужского рода для именования волка, зайца и медведя является подсказкой, которая указывает на грамматические формы слов, являющихся отгадками. Ср. тж.: *Из куста шипуля, за ногу типуля (змея)* [Митрофанова, 1968, с. 33]. Загадка передает стереотипные представления о том, что змеи прячутся в кустах, шипят и кусают за ноги; для непрямого именования змеи в загадке используются искусственные слова *шипуля* – от «шипеть» – и *типуля* – от «тяпнуть», что также соотносится с табу на прямое именование пугающих объектов; а употребление форм женского рода для непрямого именования змеи является подсказкой, которая указывает на грамматическую форму табуированного слова.

Загадки русской традиционной культуры большей текстовой протяженности включают непрямые номинации животных или частей их тела, восходящие к табу на их прямое именование. Непрямые номинации в загадках обладают способностью обозначать некоторый фрагмент действительности, выполняя при этом функцию иносказательного описания, которое требует последующей расшифровки. Ср.: *Шило-мотовило / По поднебесью ходило, / По-*

немецки говорило, / По-турецки наводило (ласточка) [Садовников, 1995, с. 244]. В основе загадки лежит артефактная (прядильная) метафора, которая уподобляет острый клюв ласточки – шилу, а ее тело – мотовилу – старинному ткацкому инструменту для сматывания нити с веретена в мотки, состоящему из вала и двух ограничителей. Вал представляет собой длинную палку прямоугольной формы. Палка напоминает вытянутое туловище птицы, а ограничители на ее концах – голову и хвост. Таким образом, в загадке описывается строение тела ласточки. Стрекотание и щебетанье птицы уподобляется в загадке иностранной речи, поскольку звуки, которые издают птицы, недоступны для понимания простого деревенского жителя, как и иностранные слова из языков, которыми он не владеет. В целом, загадка передает стереотипные представления о внешнем облике и повадках ласточки.

В загадке *Рубль бежит, / Сто догоняют, / А как пятьсот споткнется – / Так неоцененный убьется (охота за зайцем)* [Садовников, 1995, с. 238] пытающийся скрыться от охотников заяц представлен в образе бегущего рубля; собаки, травящие зверя, – в образе ста рублей, а лошади, на которых скачут охотники, – пятисот рублей. Непрямые номинации животных восходят к табу на их прямое именование в охотничьем языке и соотносятся с реалиями старины: цены на зайчатину и заячий мех были низкими, в то время как породы собак, способные загонять зверя на охоте, и хорошие лошади стоили дорого. Ср. с пословицей: *Цена зайцу две деньги, а бежать – сто рублев* [Пословицы русского народа..., 1989, т. 2, с. 295]. Охотник, в силу суеверий и по законам жанра загадки, также получает непрямое именование – *неоцененный*, поскольку представляет собой самое ценное из описанного в загадке. Ср. с поговоркой: *Русы волосы сто рублей, буйна голова – тысяча, а всему молодцу и цены нет* [Пословицы русского народа..., 1989, т. 1, с. 274].

Представляется, что непрямые номинации животных в загадках русской традиционной культуры в контексте времени их создания можно отнести к эвфемистическими, поскольку их функционирование изначально обусловлено не столько игровой природой загадки как жанра, сколько табу на прямое обозначение потенциально опасных, промысловых, сакрализованных и наделенных символической значимостью представителей мира животных. В настоящее время эвфемистическая функция ими утрачена и непрямые именования животных в загадках русского народа служат для реализации игровой функции загадок, выступая как устойчи-

вый элемент фольклорной поэтики и традиционного способа миропредставления.

Для русских народных загадок характерно «развертывание номинаций в объемные описательные конструкции» [Арутюнова, 1977, с. 330], в которых создаются яркие, ассоциативные образы загаданных объектов. Основным средством создания непрямых номинаций животных в загадках русской традиционной культуры является метафора, как правило антропоморфная или зооморфная, реже – артефактная или гастрономическая. Ср.: в загадке *Сидит девица под полом и под павлиньим пером (мышь или крыса)* [Митрофанова, 1968, с. 48] мышь / крыса описывается в образе девицы; в загадке *Пегий конь гору бьет (сорока шевеш клюет)* [Садовников, 1995, с. 244] сорока уподобляется пегому коню; в загадке *Бежит корабль об двенадцати лап (рак)* [Митрофанова, 1968, с. 32] рак описывается в образе корабля; в загадке *У нас в подполье / Пирог с морковью (рыба)* [Садовников, 1995, с. 247] рыба представлена как пирог с морковью. В отдельных загадках находим примеры природной и архитектурной метафоры. Ср.: в загадке *Рой гору повалил (свинья и поросята)* [Митрофанова, 1968, с. 46] свинья описывается в образе горы, а в загадке *Попы церкву оборотили (свинья и поросята)* [там же] – в образе здания церкви.

Животные, которые, по суеверным представлениям, имеют связь с нечистой силой, в загадках получают непрямые именования, имеющие соответствующие отсылки. Так, в загадке *Косой бес поскакал в лес (заяц)* [Митрофанова, 1968, с. 51] заяц уподобляется демоническому существу. Выбор такой метафоры не случаен: в славянской мифологии распространены былички о черте, появляющемся в образе зайца [Гура, 1997, с. 188], а в народных представлениях древних славян заяц связан с миром нечистой силы и находится в подчинении у лешего [ЭС2, 1999, с. 286]. Ср.: в диалектах русского языка существуют «общие названия для зайца и черта (новг. *косой* ‘дьявол’)» [там же].

В загадках, которые построены на метафоре, уподобляющей животное – человеку, для непрямого именования животных часто используются человеческие имена, иногда – имена и отчества. Ср.: *Под берегом сидит Тарас – кричать горазд (лягушка)* [Митрофанова, 1968, с. 32]; *Дрон Дроныч, / Иван Иваныч / Сквозь воду проходит, / На себе огонь проносит (уж)* [Садовников, 1995, с. 247]. Животные в загадках также получают искусственные имена, которые служат подсказками, указывающими на те или иные их характеристики. Ср.: *Выскочила Пола / Из-под дедова хлева, / спрашива-*

ет Колоколина: / «*Колоколин! / Куда убежал / Сарапалин?» / «Сарапалин убежал на крутые горы, / а с крутой горы не знаю куды.» (мышь, петух и кошка)* [Митрофанова, 1968, с. 49]. В загадке мышь именуется *Пола*, поскольку, по стереотипным представлениям, грызуны заводятся в деревенских домах под полом; петух – *Колоколин*, так как его звонкое кукареканье отдаленно напоминает колокольный звон; кошка – *Сарапалин*, потому что царапается (Ср. тж.: *сапина* – «ссадина, царапина» [Даль, 2006, т. 4, с. 139]).

Значительная часть загадок русского народа о животных содержит непрямые номинации, в которых для обозначения загаданных объектов используется заумь. Ср.: *Услышали мякинники. / "Уставайте, гречишники! / Пришла жалта-балта, / Унисла шадру-бадру" (волк, овца, свиньи, мужик (и))* [Садовников, 1995, с. 236]. В загадке описывается привычная для деревенского жителя ситуация: волк утащил овцу, а свиньи, заметившие хищника, подняли визг и привлекли внимание мужиков. Примерами зауми в загадке являются непрямые номинации волка и овцы – *жалта-балта* и *шадра-бадра*. В основе их создания лежит ономатопея, которая используется при актуализации сложных звуковых ассоциаций ситуативного значения. Непрямая номинация свиней – *мякинники* – восходит к ассоциациям, связанным с крестьянским бытом – свиней в деревнях откармливали мякиной. Мужик (и) называе(ю)тся гречишниками («хлебенное из гречневой муки» [Даль, 2006, т. 1, с. 450]) также по ассоциациям. Хлеб – главная пища в крестьянской семье, а выращивание хлеба и уборка урожая – основная работа крестьянина.

Загадки русской традиционной культуры содержат непрямые номинации животных, в основе которых лежат метонимия и синекдоха. Так, в загадке *Маленький носок / Клюёт песок (бухало)* [Садовников, 1995, с. 242] с помощью синекдохи создается образ бухала («болотная птица выпь» [Даль, 2006, т. 1, с. 212]): часть – носок – репрезентирует целое – бухало / выпь, которая представлена как маленький носок, благодаря одной из наиболее примечательных своих характеристик – прямому и острому клюву. В загадке *Ходит спесь, надуваючись (индейка или индюк)* [Митрофанова, 1968, с. 43] надутый индюк, по метонимии, описывается в образе спеси, благодаря стереотипным представлениям о специфических повадках индюков, которые придают им важный вид.

Особое место занимают загадки, в которых для непрямого именования животных используются абстрактные понятия, как правило выражающие чувства или эмоции, которые ассоциируют-

ся с загаданными объектами, или указывающие на роль, которую они играют в жизни человека. Так, в загадке *Страх тепло волочет (волк и овца)* [Садовников, 1995, с. 236] волк представлен в образе страха, поскольку является диким зверем, который нападает на домашний скот и представляет опасность для людей, а овца – в образе тепла, так как дает шерсть для изготовления теплой одежды. Слово *волочет*, употребленное в прямом значении, является подсказкой, созвучной с отгадкой (ср.: волк – *волочет*).

Немногочисленны примеры загадок, в которых непрямые номинации животных создаются посредством расширения значения – с помощью замены видового наименования родовым. Ср.: *Сидит птица на белых горах, / Дожидается, когда мертвые воскреснут (курица на яйцах)* [Митрофанова, 1968, с. 41]; *Какой зверек крыльев не имеет, а летает? (белка)* [там же, с. 52] и др. Механизм генерализации, лежащий в основе кодирования денотата, отсылает адресата загадки к более широкой категории объектов и тем самым одновременно и усложняет процесс идентификации загаданного объекта, и содержит подсказку, которая указывает на то, что загадывается представитель мира животных.

Способы создания непрямых номинаций животных в загадках русской традиционной культуры во многом совпадают со способами, лежащими в основе устаревших табу-эвфемизмов. Ср. примеры метафоры, метонимии, синекдохи, расширения значения и человеческих имен в табу-эвфемизмах: *кумушка* вместо «лиса» [Сеничкина, 2008, с. 170]; *лесник* вместо «медведь» [там же, с. 174]; *длинное ухо* вместо «заяц» [Зеленин, 2024, т. 2, с. 161]; *зверь* вместо «медведь», «волк», «лось», «олень» [Сеничкина, 2008, с. 136]; *Мишка или Герасим Потапыч* вместо «медведь» [там же, с. 199] и др. Приведенные примеры показывают, что загадка сохраняет и транслирует древние модели иносказания, основанные на тех же принципах метафорического, метонимического и гиперонимического переосмысления действительности, которые лежат в основе языкового табу.

Заключение

Загадки и эвфемизмы рассматриваются как культурно-языковые феномены, в которых осуществляется иносказательное, вуалированное описание объекта кодирования. В основе эвфемизмов и загадок лежит единый принцип непрямой номинации, который отвечает предназначению эвфемизмов и загадок, их основным

знаковым функциям. Краткие по форме «мини-загадки» выступают как потенциальные номинативные средства и могут служить заменой табу-эвфемизмов. В загадках большей текстовой протяженности для иносказательного описания загаданного объекта используются непрямые номинации, в загадках о животных – как правило, восходящие к табу. В качестве непрямых номинаций животных в загадках русской традиционной культуры используются: метафорические именования; человеческие и искусственные имена / имена, отчества; заумь; искусственные слова; непрямые именования, в основе которых лежат метонимия и синекдоха; непрямые номинации, созданные посредством расширения значения. Непрямые номинации животных в загадках традиционной культуры, как и сами загадки, интерпретируются в контексте культуры, которой принадлежат, и с опорой на сложившиеся в данной культуре стереотипные представления об объекте номинации / загадывания, архетипы, эталоны и др. В традиционных русских загадках непрямые номинации животных изначально выполняли роль эвфемизмов; они использовались не просто с игровой целью, а в первую очередь из-за запрета напрямую называть животных, которые считались опасными, священными, важными для охоты или наделялись особым символическим значением, но со временем эвфемистическая функция была ими утрачена. В настоящее время непрямые именования животных в загадках служат другой цели – они способствуют реализации игровой функции загадок и участвуют в создании образа загадки, став неотъемлемой частью народного творчества, которое отражает традиционный взгляд на мир.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – С. 304–357.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – Москва: Индрик, 1997. – 912 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва: РИПОЛ классик, 2006. – Т. 1: А – З. – 752 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва: РИПОЛ классик, 2006. – Т. 2: И – О. – 784 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва: РИПОЛ классик, 2006. – Т. 3: П – Р. – 544 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва: РИПОЛ классик, 2006. – Т. 4: С – Я. – 672 с.

Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. – Москва: Вече, 2024. – 368 с.

Ковшова М.Л., Орлова О.С. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2020. – Т. 4. – С. 70–79.

Леонтьев А.А. Табу // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – URL: https://tapemark.narod.ru/les/501b.html (дата обращения: 01.01.2026).

Митрофанова В.В. Загадки. – Ленинград: Наука, 1968. – 256 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 944 с.

Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. – Москва: ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.

Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 2 т. – Москва: Художественная литература, 1989. – Т. 1. – 431 с.

Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 2 т. – Москва: Художественная литература, 1989. – Т. 2. – 447 с.

Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – Москва: Славянский мир, 1995. – 400 с.

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Сороколетова. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Вып. 33. – 362 с.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык, 1985–1988. – Т. 4: С – Я. – 1988. – 800 с.

Толстая С.М. Календарь народный // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Международные отношения, 2019. – С. 212–214.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. 1: А – Д. – 576 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. 2: Е – Муж. – 672 с.

Хелимский Е.А. Номинативная мини-загадка: на стыке загадки, метафоры и лексического субститута // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст 1. – Москва: Индрик, 1994. – С. 256–262.

ЭС1 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995. – Т. 1: А – Г. – 584 с.

ЭС2 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1999. – Т. 2: Д – К (Крошки). – 704 с.

Upravavernadskogo.ru – URL: https://upravavernadskogo.ru/uzh-ili-gadjuka-specialist-mosprirody-rasskazal-kak-vesti-sebja-pri-vstreche-so-zmejami-13 (дата обращения: 12.01.2026).
Ura.ru – URL: https://ura.news/news/1052254295 (дата обращения: 12.01.2026).

References

Arutyunova N.D. *Nomination and Text*. In: *Language Nomination. Types of Nomination* / ed. by B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimtseva. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 304–357. (In Russian)
Gura A.V. *Symbolism of Animals in Slavic Folk Tradition*. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russian)
Dal' V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. Vol. 1: A–Z. Moscow: RIPOL klassik, 2006. 752 p. (In Russian)
Dal' V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. Vol. 2: I–O. Moscow: RIPOL klassik, 2006. 784 p. (In Russian)
Dal' V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. Vol. 3: P–R. Moscow: RIPOL klassik, 2006. 544 p. (In Russian)
Dal' V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. Vol. 4: S–Ya. Moscow: RIPOL klassik, 2006. 672 p. (In Russian)
Zelenin D.K. *Word Taboos Among the Peoples of Eastern Europe and Northern Asia.* Moscow: Veche, 2024. 368 p. (In Russian)
Kovshova M.L., Orlova O.S. *On the Semantic Structure of Riddles. Cognitive and Cultural Commentary as a Research Principle*. In: *Tula Scientific Bulletin. Series History. Linguistics*. 2020. Vol. 4. Pp. 70–79. (In Russian)
Leontiev A.A. *Taboo*. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary* / ed. by V.N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. URL: https://tapemark.narod.ru/les/501b.html (accessed 01.01.2026). (In Russian)
Mitrofanova V.V. *Riddles*. Leningrad: Nauka, 1968. 256 p. (In Russian)
Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Units* / Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 4 th ed., enlarged. Moscow: A TEMP, 2006. 944 p. (In Russian)
Orlova O.S. *Euphemisms and Riddles about Birth and Death in Russian and English-Speaking Cultures: Principle of Indirect Nomination. Cognitive-Cultural Research.* Moscow: LENAND, 2022. 240 p. (In Russian)
Proverbs of the Russian People: Collection by V. Dal': in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 431 p. (In Russian)
Proverbs of the Russian People: Collection by V. Dal: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 447 p. (In Russian)
Sadovnikov D.N. *Riddles of the Russian People. A Collection of Riddles, Questions, Parables and Puzzles*. Moscow: Slavyanskiy mir, 1995. 400 p. (In Russian)
Senichkina E.P. *Dictionary of Russian Euphemisms*. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 464 p. (In Russian)
Dictionary of Russian Folk Dialects / ed. by F.P. Sorokoletov. Iss. 33. St. Petersburg: Nauka, 1999. 362 p. (In Russian)

Dictionary of the Russian Language: in 4 vols. / ed. by A.P. Evgenieva. 3 rd ed. Vol. 4: S–Ya. Moscow: Russkiy yazyk, 1988. 800 p. (In Russian)

Tolstaya S.M. *Folk Calendar*. In: *Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary*. 2 nd ed., rev. and enlarged. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. Pp. 212–214. (In Russian)

Fasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language*: in 4 vols. Vol. 1: A–D / transl. from German and supplemented by O.N. Trubachev; ed. by B.A. Larin. 2 nd ed. Moscow: Progress, 1986. 576 p. (In Russian)

Fasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language*: in 4 vols. Vol. 2: E–Muzh / transl. from German and supplemented by O.N. Trubachev. 2 nd ed. Moscow: Progress, 1986. 672 p. (In Russian)

Khelimskiy E.A. *The Nominative Mini-Riddle: at the Intersection of Riddle, Metaphor and Lexical Substitute*. In: *Researches in the Area of Balto-Slavic Non-Material Culture. Riddle as Text 1*. Moscow: Indrik, 1994. Pp. 256–262. (In Russian)

Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. Vol. 1: A–G / ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. 584 p. (In Russian)

Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. Vol. 2: D–K (Kroshki) / ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. 704 p. (In Russian)

Upravavernadskogo.ru. URL: https://upravavernadskogo.ru/uzh-ili-gadjuka-specialist-mosprirody-rasskazal-kak-vesti-sebja-pri-vstreche-so-zmejami-13 (accessed 12.01.2026). (In Russian)

Ura.ru. URL: https://ura.news/news/1052254295 (accessed 12.01.2026). (In Russian)

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGUISTICS

УДК: 81`272 DOI: 10.31249/ling/2026.03/05

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В ВЕНГРИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Молнар А.А.[1], Белякова И.Г.[2], Кургузенкова Ж.В.[3], Амерханова О.О.[4]

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь государственной языковой политики и проблем, связанных с дискриминацией национальных меньшинств, проживающих на территории Венгрии, а также венгерского национального меньшинства, проживающего в пограничных с Венгрией государствах. Предметом

[1] © Молнар А.А., 2026

Молнар Анна Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; lomnar@mail.ru

[2] © Белякова И.Г., 2026

Белякова Ирина Геннадиевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; belyakova-ig@ranepa.ru

[3] © Кургузенкова Ж.В., 2026

Кургузенкова Жанна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федераци; zhanna-rudn2005@rambler.ru

[4] © Амерханова О.О., 2026

Амерханова Оксана Олеговна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; amer_oks@mail.ru

исследования авторов стали основные направления и механизмы реализации языковой политики в Венгрии и соседних странах, влияние на положение этнических меньшинств и их права, а также законодательная база, направленная на урегулирование языковой практики и уменьшение этнической дискриминации.

Ключевые слова: языковая политика, национальное меньшинство, этническая дискриминация, защита прав языковых меньшинств, сохранение культуры, интеграция, инклюзия.

Для цитирования: Языковая политика и вопросы этнической дискриминации в Венгрии и сопредельных государствах на современном этапе / Молнар А.А., Белякова И.Г., Кургузенкова Ж.В., Амерханова О.О. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 77–97. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/05

Поступила в редакцию: 12.04.2026.
Принята в печать: 02.06.2026.

LANGUAGE POLICY AND ISSUES OF ETHNIC DISCRIMINATION IN HUNGARY AND NEIGHBORING STATES AT THE PRESENT STAGE

Molnar A. A.[1], Belyakova I.G.[2], Kurguzenkova Zh.V.[3], Amerkhanova O.O.[4]

Abstract. This article examines the relationship between state language policy and issues related to discrimination against national minorities living in Hungary, as well as the Hungarian national minor-

[1] Molnar Anna Albertovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Language Training in Public Administration Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; lomnar@mail.ru

[2] Belyakova Irina Gennadievna – Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor of the Department of Language Training of Public Administration Personnel, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; belyakova-ig@ranepa.ru

[3] Kurguzenkova Zhanna Vyacheslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Language Training in Public Administration Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; zhanna-rudn2005@rambler.ru

[4] Amerkhanova Oksana Olegovna – Candidate of Educational Sciences, Associate Professor of Language Training in Public Administration Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; amer_oks@mail.ru

ity living in countries bordering Hungary. The authors' research focused on the main directions of language policy in Hungary and neighboring countries, the mechanisms for its implementation, the impact on the situation of ethnic minorities and their rights, as well as the legislative framework aimed at regulating language practices and reducing ethnic discrimination.

Keywords: language policy, national minority, ethnic discrimination, protection of the rights of linguistic minorities, preservation of culture, integration.

For citation: Language Policy And Issues Of Ethnic Discrimination In Hungary And Neighboring States At The Present Stage / Molnar A.A., Belyakova I.G., Kurguzenkova Zh.V., Amerkhanova O.O. // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 3. – P. 77–97. DOI: 10.31249/ling/2026.03/05

Received: 12.04.2026.
Accepted: 02.06.2026.

Введение

В данной статье рассматривается языковая политика Венгрии и сопредельных государств по отношению к национальным меньшинствам и ее влияние на этнические меньшинства и вопросы этнической дискриминации.

Предметом исследования авторов стали основные направления языковой политики в Венгрии и соседних странах, механизмы ее реализации, влияние на положение этнических меньшинств и их права, а также законодательная база, направленная на урегулирование языковой практики и уменьшение этнической дискриминации.

В условиях глобализации и усиления межэтнических взаимодействий языковая политика становится одним из ключевых инструментов управления многонациональными обществами. Язык является не только средством коммуникации, но и носителем культуры, истории и национальной идентичности. В многонациональных государствах языковая политика призвана балансировать между двумя противоречащими друг другу задачами: обеспечением единства нации через общий язык и защитой прав языковых меньшинств. Актуальность этой политики возрастает в условиях роста этнической и культурной диверсификации.

Проблемы языковой и этнической дискриминации характерны не только для крупных стран, как Россия, где проживает множество представителей других культур и народностей, но и для стран с относительно небольшим количеством населения, например, таких, как Венгрия. Это небольшая страна Центральной Европы, население которой насчитывает менее 10 млн человек, 86% из которых являются венгры. Однако, страна населена и представителями других национальностей. По данным переписи населения 2022 г., опубликованным Центральным статистическим управлением Венгрии (*Hungarian Central Statistical Office – KSH*)[1] по этнической принадлежности, исходя из родного языка и языка, используемого в семье и с друзьями, наиболее многочисленной этнической миноритарной группой в Венгрии являются цыгане, к которым относятся 2,5% респондентов, или 210 000 человек. В 2022 году число людей с немецкой этнической принадлежностью составляло 143 тыс., словаков насчитывалось 30 тыс., румын – 28 тыс. и украинцев – 25 тыс.

С другой стороны, венгры и сами образуют этническое меньшинство в некоторых европейских государствах, главным образом, соседствующих с этой страной. По условиям мирных договоров, заключенных после завершения как Первой, так и Второй мировых войн, территория Венгрии значительно уменьшилась, а часть ее населения оказалась на территории сопредельных государств: Австрии, Чехословакии, Югославии и Румынии, а позже СССР (Украина). В ходе исторических трансформаций и преобразования части стран Восточной Европы венгры оказались этническим меньшинством на территории семи государств: Австрии, Словении, Хорватии, Сербии, Словакии, Румынии, Украины. Главным образом, венгерские этнические меньшинства проживают компактно на территориях, пограничных с Венгрией.

В Австрии венгры традиционно живут в Бургенленде и являются автохтонным венгерским населением на данной территории, в то время как за годы миграции сформировалась также крупная венгерская община в Вене. Численность автохтонных венгров в Бургенленде составляет около 6600 человек, при общей численности венгерского населения в Австрии свыше 40 000–50 000 человек. Положение венгроговорящих общин в стране различно: автохтонное население Бургенленда использует венгерский язык как официальный, тогда как венские венгры подобными правами не

[1] URL: https://nepszamlalas2022.ksh.hu/en/results/final-data/publication

обладают. В Словении венгров немного: 0,32% от общей численности населения, что составляет около 5,5 тыс. человек. Согласно переписи населения 2011 года, в Хорватии проживало 14 048 венгров**.** Они населяют главным образом северо-восточные регионы страны, граничащие с Венгрией. В Сербии насчитывается 253,899 этнических венгров, это около 3,5% от общей численности населения. Таковы результаты переписи населения 2011 г. Венгры в этой стране населяют в основном автономный край Воеводина. Перепись населения Словакии 2011 г. показала, что в стране насчитывается 458,467 венгров (или около 7,75% населения). Это очень высокий показатель, и венгерское национальное меньшинство является крупнейшим в данной стране. Проживают венгры преимущественно вдоль южной границы. По переписи населения в Румынии в 2011 г. этнические венгры составляли 1 227 623 человека**.** Это примерно 6% от общей численности населения. Большинство венгров населяют исторический регион Трансильвания. Их число постепенно сокращается из-за ассимиляции и эмиграции. На территории Украины за последние годы переписи населения не проводилось, поэтому последние доступные официальные данные относятся к 2001 г., когда была проведена последняя перепись. Согласно этим данным, в Украине находилось около 152 000 этнических венгров. Подавляющее большинство из них (более 150 тыс.) – жители Закарпатской области, где они составляют компактную группу [Kapitány, 2015.] Современные оценки указывают на значительное сокращение численности из-за эмиграции: к 2024 г. число по приблизительным оценкам составляло 70–90 тыс.

В последние годы, этнокультурная и этноязыковая ситуация как в Венгрии, так и в сопредельных странах, стала предметом активных дискуссий и политических споров.

Языковая политика и инклюзия миноритарных этнических групп в Венгрии

Венгерское правительство поддерживает политику национальной идентичности и активно пропагандирует венгерскую культуру и язык. Это вызывает опасения среди этнических меньшинств, которые беспокоятся о сохранении своей идентичности и прав на использование своего родного языка. Одним из спорных вопросов является вопрос обязательного изучения венгерского языка в школах, особенно для этнических меньшинств. Венгерское правительство считает, что это необходимо для обеспечения един-

ства страны и интеграции меньшинств, однако такая языковая политика вызывает опасения у миноритарных групп, поскольку это ограничивает их права на использование родного языка и подрывает их культурную идентичность.

Несмотря на основной фокус правительства на «мадьяризации», Венгрия предпринимает шаги для защиты и поддержки культурного и языкового разнообразия. Существуют программы и фонды, направленные на сохранение и развитие культуры и языков малых этносов, в рамках которых Венгрия предоставляет финансовую помощь для создания и поддержки культурных центров и организаций, например, в 2016 г. был создан Цыганский образовательный и культурный центр имени Дьердя Чиффры – всемирно известного пианиста цыганского происхождения, Арт-галерея цыганского искусства и др. Проводятся культурные мероприятия, фестивали, выставки и традиционные праздники сербских, немецких, словацких этнических меньшинств, где можно не только ознакомиться с национальной кухней, фольклором и одеждой, но и с достижениями в сфере искусства и творчества.

Решить проблемы меньшинств в Венгрии был призван закон от 1993 г. «Об этнических и национальных меньшинствах». Однако он оказался неэффективным, так как главным образом был направлен на развитие национального самоуправления и сохранение языковой и этнической самобытности, тогда как для меньшинств первостепенное значение имеют вопросы дискриминации в отношении их прав и проблемы интеграции в общество. Кроме того, закон стал источником коррупции, так как с целью использовать финансирование и привилегии, предоставляемые меньшинствам, на должностные позиции в органы самоуправления попадали люди, не имеющие отношения к меньшинствам и зачастую даже не знающие языка. Такие люди не были заинтересованы в реальном решении проблем малочисленных этносов. Таким образом, практика организации самоуправления меньшинств не достигла своей цели [Строгальщикова, 2015].

Одним из основных инструментов интеграции меньшинств в общество является языковая политика в сфере образования. Венгрия поддерживает образование на национальных языках. Она предоставляет субсидии для школ и учебных заведений, где преподаются языки меньшинств, и разрабатывает учебные программы, которые отражают культурные особенности и историю этнических меньшинств. Венгрия является лидером с точки зрения предостав-

ления образования цыганам. Три школы в Венгрии специализируются на обучении цыган:

1. Средняя школа-интернат и профучилище, основанные Фондом Доктора Андраша Хегедюша в г. Солнок.

2. Специализированная национальная школа «Кайи Яг» в г. Будапешт.

3. Гимназия-интернат им. Ганди г. Печь.

Среди основных трудностей интеграции цыганского населения можно назвать отсутствие достаточного количества учителей, владеющих цыганским языком, недостаток курсов, где готовились бы специалисты по воспитанию толерантности и приятия мультикультурализма, предубеждение коренного населения против цыган, т.к. школьные учебники содержат главным образом негативные факты из истории взаимоотношений двух этносов [Урасинова, 2011].

В самом менталитете носителей венгерского языка отражается предвзятое, снисходительное отношение к этническим меньшинствам. Наблюдается множество стереотипов, которые отражаются в пословицах, поговорках, фразеологизмах венгерского языка. «Этнический стереотип (от др. греч. *stereos* – твердый) – «отпечаток», «образ» – упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и весьма устойчивый образ какой-либо этнической группы, легко распространяемый на всех ее представителей» [Чеснокова, 2015, с. 1]. Наблюдая окружающий мир и поведение представителей других культур, люди отдают предпочтение тем фактам, которые отвечают их внутренней логике, формируют общепринятое в обществе мнение и вписываются в общую шкалу ценностей данного народа. Повторение одних и тех же сравнений, образных ситуаций приводит к тому, что они становятся устойчивыми, и даже утеряв исторический контекст, воспринимаются носителями языка на автоматическом уровне. Характерной чертой таких фразеологических единиц является генерализация, т.е. неосознанное приписывание каких-либо свойств всем представителям данного класса, и пейоративная оценочность, которая проистекала из конфликтных ситуаций между представителями других национальностей и самими венграми, и впоследствии «закреплялись» в языке как защитная функция своего этноса. Эти стереотипы отражаются во многих фразеологизмах: *Örül, mint az árvamegyei tót gyerek a szűr nadrágnak* (радуется, как словацкий сирота драным брюкам); *Örül, mint a tót a pogácsának* (радостный, как словак, съевший свою пышку); *Örül, mint az ablakos tót, mikor*

hanyatt esik (радуется, как словак, вставляющий окна, когда возвращается домой). Во всех фразеологизмах очевидно прослеживается как насмешливое отношение к соседнему этносу, так и пейоративная оценочность. Многие фразеологизмы связаны с презрительным отношением к цыганам: *Megszokta, mint czigány ló a korbácsot* (свыкся, как цыганская лошадь с хлыстом); *Megszokta, mint czigány a lopást* (свыкся, как цыган с воровством). Здесь мы видим постоянную негативно окрашенную отсылку к этносу, который исторически составляет значительную часть населения Венгрии.

Все вышеприведенные примеры иллюстрируют, как глубоко в ментальности народа и на языковом уровне закрепляется неприятие, недоброжелательность и высокомерное отношение к некоренным этносам страны. Такие стереотипы создают дополнительные сложности в решении проблемы интеграции меньшинств и их полноценного проживания в стране.

Однако за последние десятилетия в рамках государственных программ языковой политики наблюдается интересная практика решения вопроса интеграции детей самого крупного национального меньшинства – цыганского – в социум: в школах появляются ассистенты учителей цыганского происхождения, которые сами должны иметь среднее школьное образование и хорошо владеть государственным языком. В их задачу входит решение конфликтных ситуаций между венгерскими и цыганскими школьниками, их родителями и посредничество в трудных ситуациях между учеником-цыганом и учителем. Такая практика способствует скорейшей интеграции ребенка-цыгана в социум и его дальнейшую адаптацию к требованиям проживания в стране.

Основным препятствием интеграции цыган в общество является нежелание этой этнической группы адаптироваться к общепринятым в стране жизненным нормам. Среди представителей цыганского населения наблюдается самый высокий уровень безработицы: от 60 до 90% по некоторым регионам. Более 2/3 семей живут на государственные пособия. Более того, цыгане способствуют росту уровня преступности в стране, т.к. многие представители этой нации заняты криминальной деятельностью [Шаншиева, 2007].

С целью решения данной проблемы был разработан специальный проект «Десять лет интеграции цыган» (англ. Decade of Roma Inclusion) – проект восьми стран Центральной и Восточной Европы, направленный на повышение социально-экономического

статуса и интеграции в общество цыганского меньшинства данного региона. Мероприятия в рамках этого первого международного проекта по улучшению качества жизни цыган охватывали период с 2005 по 2015 г. В 2005 г. правительства Болгарии, Чехии, Венгрии, Хорватии, Словакии, Румынии, Македонии, Сербии и Черногории заявили о намерении принять меры по сокращению разницы в достатке и условиях жизни между цыганским и нецыганским населением, а также положить конец бедности и оторванности цыган от жизни общества.

В 2010–2012 гг. Европейская комиссия осуществила пилотный проект по интеграции рома (рома – это термин, который сами цыгане используют для обозначения своего народа) в объеме 5 млн евро. Проект был реализован по инициативе Европейского парламента и выражался в поддержке дошкольного образования, самозанятости через микрокредитование и информирование общественности, особенно в странах с высоким населением рома. После 2012 г. процесс финансового стимулирования интеграции цыганского населения лишь усиливался. На современном этапе Европейский союз финансирует проекты, которые способствуют укреплению интеграции рома по всей Европе. Он поддерживает работу стран ЕС, направленную на улучшение жизни всех уязвимых групп населения, включая рома, с помощью европейских структурных и инвестиционных фондов [Медушевский, 2016].

Финансирование осуществляется на основе конкурсов проектных предложений / тендеров.

Интеграционные меры проекта охватывали разные сферы жизни и включали множество мер, направленных и на языковую интеграцию, в том числе в сфере образования: программы, направленные на ликвидацию раздельного обучения цыганских детей, предоставление грантов для обучения в вузах, поддержка дошкольного образования для ранней социализации, повышение уровня знания государственного языка. Были также предприняты меры и в сфере здравоохранения: обучение цыганских медиаторов (посредников) для улучшения взаимодействия между цыганскими общинами и медицинскими учреждениями, кампании по вакцинации и профилактике заболеваний.

В целях укрепления европейской финансовой поддержки для интеграции рома, недавно был принят проект «Многолетние финансовые рамки 2014–2020» [Кузнецов, 2018], который призван упростить механизмы получения финансовой поддержки для стран ЕС и использовать фонды ЕС для интеграции рома. Важным мо-

ментом реализации финансовой поддержки является фактор интерактивности. Европейская комиссия рекомендует государствамчленам привлекать общины рома при планировании использования средств за счет практической реализации принципа партнерства, для того чтобы привлечь рома на каждом этапе процесса – от разработки программ до оценки, а также для поддержки потенциала инклюзии цыган в структуру гражданского общества.

Среди интересных инициатив в рамках проекта «Десять лет интеграции цыган» был проведен опыт создания первой независимой цыганской радиостанции, вещание которой было предусмотрено на языке рома. В рамках программы создавались курсы профессионального обучения и программы поддержки предпринимательства для ромских общин. Традиционно уровень безработицы среди ромского населения страны значительно выше, чем среди коренного населения. Трудоустройство рома стало одним из приоритетов проекта, направленного на инклюзию цыган, и во многом способствовало решению проблемы. Существенные инициативы были предприняты в жилищной сфере: программы по обеспечению доступа к коммунальным услугам, строительство нового социального жилья и реконструкция старых зданий с целью ликвидации трущоб и стихийных поселений.

Стоит отметить, что в Венгрии наблюдается рост националистических настроений, особенно в связи с приходом на политическую арену правоконсервативной партии «Фидес» Это вызывает беспокойство среди этнических меньшинств, которые опасаются усиления дискриминации и ограничения своих прав.

Нередко возникают напряженные ситуации, связанные с дискриминационной политикой сопредельных государств по отношению к венграм, проживающим на их территории. Так, например, громкий межэтнический конфликт разгорелся в 2017 г. в связи с закрытием римско-католического лицея в Тыргу-Муреше (Трансильвания), где обучение велось на венгерском языке. Венгерское национальное меньшинство и родители провели массовые уличные акции протеста в Тыргу-Муреше, а венгерское правительство выступило в защиту прав меньшинства и даже и временно заблокировало поддержку вступления Румынии в Организацию экономического сотрудничества и развития. Ответным шагом венгерского правительства стало закрытие румынской гимназии в городе Таркани в 2018 г., что вызвало протесты и возмущение румынского сообщества. Таким образом, этнические меньшинства

зачастую сталкиваются с ограничением доступа к образованию на своем родном языке.

Случаи дискриминации и нарушения прав этнических меньшинств свидетельствуют о необходимости более эффективных мер для защиты и поддержки прав и интересов меньшинств в Венгрии, разработки более продуманных законов и постановлений, защищающих в том числе и языковые интересы малых этносов.

Следует отметить, что как в Венгрии наблюдается стремление «мадьяризировать» национальные меньшинства, т.е. добиться ассимиляции меньшинств и принятия ими как языка, так и культуры основной группы населения, так и в некоторых сопредельных странах наблюдается аналогичная тенденция: например, германизировать этнические меньшинства в Австрии. Однако во всех странах такие попытки сталкиваются с сопротивлением национальных меньшинств, стремящихся к сохранению своей языковой и культурной идентичности.

Второй по численности населения миноритарной этнической группой в Венгрии является немецкий этнос. Согласно переписи населения 2022 г. в Венгрии проживают 143 000 человек, которые относят себя к немецкому этносу, что составляет 1,7% населения страны, однако лишь 28 473 человека выбрали немецкий в качестве родного языка.

Можно сказать, что языковая политика в сфере инклюзии немецкого населения является наиболее эффективной по сравнению с инклюзией других миноритарных образований. Во многих школах крупных немецких поселений обучение ведется на билингвальной основе. Существуют региональные образовательные центры для венгерских немцев, где многие предметы по выбору преподаются на немецком языке. Образовательный центр в Байе готовит выпускников к поступлению в немецкие вузы. В Сексарде есть немецкий театр. Существуют такие организации, как «Общество молодых венгерских немцев», объединения венгерских немецких католиков и лютеран. Для венгерских немцев в Будапеште еженедельно издается газета на немецком языке – «Нойе Цайтунг», СМИ на немецком языке включают также радиостанцию в г. Печ и немецкую версию венгерского телевидения.

В Венгрии насчитывается также четыре гимназии для обучения венгерских немцев, некоторые из них предоставляют возможность проживания в интернате. Однако следует отметить, что немецкоговорящее население использует в повседневной жизни различные немецкие диалекты, тогда как обучение в государст-

венных учебных заведениях ведется на стандартном немецком языке, что способствует быстрому исчезновению этих диалектов.

В целом, Венгрия признает важность сохранения и развития культур этнических меньшинств и предпринимает шаги для поддержки их прав и интересов. Правительство страны считает языки меньшинств важным фактором сплочения их сообществ, финансово и юридически поддерживает практику обучения их родным языкам в местных школах. Однако, языковая политика в отношении различных национальных меньшинств является неоднородной и во многом зависит от отношения доминирующей нации к малой народности, от исторически сложившихся взаимоотношений между нациями и ментальной репрезентации той или иной нации венграми [Литвинов, 2024].

21 марта 1995 г. была принята Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств, которая была подтверждена голосованием в Государственном собрании Венгрии. Целью Хартии является защита и развитие языков национальных меньшинств, борьба с дискриминацией, обеспечение равноправия граждан и улучшение взаимопонимания между этническим большинством и другими языковыми группами населения. Важным шагом языковой политики Венгрии стало принятие обязательства по защите языков шести миноритарных групп: хорватского, немецкого, румынского, сербского, словацкого и словенского.

Однако, дальнейшее улучшение в этой области может потребовать большего внимания к проблемам дискриминации и нарушения прав меньшинств, а также увеличения финансовой поддержки программ сохранения и развития их культурного наследия.

Языковая политика и инклюзия венгерского этнического меньшинства в сопредельных государствах

В целом языковая политика стран в XX в. была нацелена главным образом на одноязычие и всемерную поддержку государственного языка, в том числе и в странах, где проживает венгерское национальное меньшинство. Языковая политика семи государств, где венгры присутствуют в качестве нацменьшинства, не является единообразной и зависит от многих факторов. Сопредельные Венгрии страны по отношению к венгерскому этническому меньшинству могут быть разделены на две группы: страны, поддерживающие инклюзивную языковую политику (Сербия, Словения, Австрия и Хорватия), и страны с эксклюзивной языко-

вой политикой по отношению к венграм (Словакия, Румыния, Украина) [Алпатов, 2013].

Режим наибольшего благоприятствования развитию языка венгерского меньшинства оказывается в Сербии. В этой стране венгры проживают главным образом в Воеводине. Венгерский язык здесь является официальным, на нем ведется теле- и радиовещание, издаются газеты, проводятся различные мероприятия. Образование в школах и детских садах ведется на венгерском языке, в муниципалитетах вывески, документооборот и работа органов местного самоуправления ведется на двух языках [Molnár Csikós, 2003].

Сербские венгры соблюдают множество национальных традиций, чему немало способствует языковая политика государства, обеспечивающая подлинное равноправие между коренным населением и венгерским меньшинством. Венгры празднуют Рождество и Пасху по своему календарю, соблюдают адвент, организуются различные карнавалы, и один из самых популярных в венгерской культуре праздников – диснотор). Преимущественно здесь соблюдаются традиции католических народов стран Центральной Европы (например, словаков, поляков). Здесь до сих пор существует венгерская рождественская традиция - поверье о стульчике на день св. Люции. Стульчик начинают делать 13 декабря (день св. Люции) и мастерят 12 дней до Рождества из 9–13 видов дерева, не используя гвозди. В рождественскую ночь его берут в церковь: встав на него, можно увидеть, не владеют ли кем злые духи, так как стул обладает магической силой обнаруживать скрытое. В понедельник после Пасхи существует традиция поливания водой, и другие. Сохранение культурной традиции и языка являются для венгров важнейшим этнокультурным маркером, который отличает их от других этносов. Так, традиция «поливания» существует только среди венгров, сербы такого обряда не соблюдают. Организация процессий для поливания в понедельник после Пасхи является событием, которое специально организуют культурные общества в Темерине. Существуют другие культурные общества, которые занимаются возрождением национальных традиций. Так, обходы села на Рождество в Скореновце после нескольких десятилетий вновь были возобновлены стараниями членов местного культурного общества [Пилипенко, 2017]. Общество Aranykapu в Аде также возродило многие традиции, в том числе – зажигание костров *(tűz)* на Святоивановскую ночь *(Szent Iván ejszakája)*, когда все собравшиеся перепрыгивают через костер в ночь с 23 на 24 июня. Стараниями

этого общества венгерские дети уходят на каникулы по другому графику, чем сербские: поскольку католическая Пасха отмечается раньше православной, дети получают возможность не ходить в школу начиная с Великого понедельника и до вторника Светлой седьмицы. И только потом наступает празднование Пасхи среди коренного сербского населения [Плотникова, 2004, с. 118].

Сегодняшняя политика Австрии по отношению к венграм, проживающим на ее территории, также направлена на интеграцию при сохранении культурного и языкового разнообразия в рамках европейских стандартов защиты меньшинств.

Языковая политика обеспечивает признание венгерского языка официальным языком автохтонной группы населения в основном в Бургенленде, гарантируя его использование в образовании и администрации. Здесь венгерский язык признан официальным региональным языком меньшинства. Как и в Сербии, на нем ведется обучение в образовательных учреждениях, он используется в администрации. Права венгерского меньшинства регулируются законами об этнических группах (*Volksgruppengesetz*), обеспечивающими сохранение языковой самобытности.

Венгерская культура оказала большое влияние на австрийскую еще в историческом контексте существования двух государств как единой Австро-Венгерской империи. Огромное влияние, например, прослеживается в австрийской кухне. Знаменитый «венский гуляш» *(Wiener Saftgulasch*) – это прямое влияние венгерской кухни, Венгерские пастухи (*gulyás*) готовили *gulyáshús* (мясо по-пастушьи) в котлах на огне из говядины, сала и лука. Позже в блюдо попала паприка, ставшая основой вкуса. В XIX в. блюдо попало в Вену, и стало готовиться в виде густого рагу. Популярны и другие венгерские блюда с использованием паприки. Этот пример иллюстрирует давние исторические связи между двумя этносами, взаимное влияние и равноправие, которое всемерно поддерживается современной языковой политикой страны [Суханов, 2021].

Еще одной страной, которая проводит очень благоприятную для венгерского меньшинства языковую политику, является Словения. Здесь миноритарный этнос также получает высокий уровень защиты и поддержки. Венгры в соответствии с конституцией Словении, относятся к автохтонному национальному меньшинству. Венгерский язык признан официальным в трех приграничных муниципалитетах: Лендава, Ходош, Добровник, где он широко используется в образовании, государственном управлении, дву-

язычных вывесках и СМИ. Всего в Прекмурье насчитывается четыре начальные двуязычные школы, одна средняя в Лендаве. Характерной особенностью венгерского языка в Словении является сильная языковая интерференция: словенский язык проникает в венгерский и оказывает влияние на него на всех уровнях, причем это явление прослеживается даже в официальном употреблении языка, например, в СМИ. Это лексические заимствования, калькирование конструкций, выражение предложно-падежных отношений, употребление множественного числа вместо единственного, и др. [Пилипенко, 2011]. Такая интерференция является следствием тесных контактов между словенским и венгерским населением, что указывает на отсутствие какой-либо враждебности между этими народностями [Строгальщикова, 2015].

Языковая политика современной Хорватии по отношению к венграм базируется на защите прав национальных меньшинств. 8 статья Конституции Хорватии, которая после множественных поправок приобрела свой окончательный вид в 2000 г., регулирует положения касательно языков национальных меньшинств, а закон «Об употреблении языка и алфавита национальных меньшинств в Республике Хорватия» подробно прописывает условия получения официального статуса миноритарными языками, а также сферы их применения. Хорватия также ратифицировала Европейскую хартию региональных языков, предоставив венгерскому языку официальный статус в местах компактного проживания (в основном в Осиек-Бараньской жупании). Язык официально используется в системе образования, в судах и госучреждениях. Использование языков национальных меньшинств в Хорватии разрешается также при проведении выборов и референдумов, организации культурных и других мероприятий, в топонимике [Катунин, 2010].

В Словакии, Румынии и Украине языковая политика правительств по отношению к венгерским миноритарным образованиям совсем иная. В данных странах венгерский язык не имеет статуса официального, не имеется четкой разработанной законодательной базы, регулирующей употребление родного языка национального меньшинства в сферах образования, делопроизводства, управления, культуры. Политику данных государств по отношению к венгерскому меньшинству можно характеризовать как эксклюзивную, поощряющую языковое неравенство, асимметрию и дискриминацию [Коптелова, 2018]. Так, например, в Словакии в 2009 г. был принят «Языковой закон», который предусматривает штрафы за использование негосударственного языка, ограничения в двуязыч-

ных названиях и административное давление на венгроязычные школы. По законодательству Словакии венгерский язык может употребляться как официальный наряду со словацким в тех регионах, где венгры составляют свыше 20% населения, однако положения закона соблюдаются не всегда.

Закон ограничивает написание вывесок, есть трудности с размещением двуязычных табличек (названия улиц, населенных пунктов) на венгерском языке. Штрафы также применяются к госслужащим или работникам сферы услуг, использующим венгерский язык в общении с гражданами даже в тех областях, где венгры составляют подавляющее большинство населения, например, в южных районах (Комарно, Дунайска Стреда). Таким образом, венгерское меньшинство в этих районах сталкивается с попытками насильственной ассимиляции через запреты на употребление родного языка.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Румынии. После Трианонского договора 1920 г., когда Трансильвания вошла в состав Румынии, венгры оказались в положении меньшинства, что создало напряженность в языковом вопросе, которая сохраняется и до сегодняшнего дня. Даже в районах с высокой долей венгерского населения имеются трудности в получении административных услуг на венгерском языке, ограничения на использование двуязычных табличек на указателях улиц и названиях городов, несмотря на наличие закона, который позволяет использовать венгерский язык в местной администрации и при написании вывесок и табличек в тех населенных пунктах, где доля венгерского населения превышает 20%. В Секейском крае, например (где венгры составляют большинство), регулярно инициируются судебные процессы с требованием убрать вывески на венгерском языке (например надписи "*Községháza*" – «Сельский совет»). Суды часто встают на сторону истцов, заставляя демонтировать таблички. Множественные исследования 2024 г. показывают, что, несмотря на расширение правовой базы, фактическое применение языковых прав местными властями за последние годы сократилось.

В учебных заведениях сокращаются классы с обучением на венгерском языке, и нехватка учебников на родном языке затрудняет получение образования. Венгерские студенты обязаны сдавать экзамен по румынскому языку на тех же условиях, что и носители, без учета того, что для них это не родной язык. Это приводит к высокому проценту провалов (до 33% в некоторых округах) и ограничению доступа к высшему образованию. В 2024 г.

внедрение цифровой проверки экзаменационных работ привело к жалобам: работы венгерских учеников попадали к учителям, которые не знали, что автор – представитель меньшинства, и могли занижать баллы за специфические языковые ошибки.

В рамках предвыборных кампаний (2024–2025) участились случаи использования крайне националистической риторики. Например, видео в TikTok с призывами к изгнанию венгров из Трансильвании прокуратура Тульчи отказалась классифицировать как разжигание ненависти, назвав их «сарказмом». Румыны часто используют термин *"bozgor"* (человек без родины) как в интернете, так и в политическом дискурсе [Пилипенко, 2011]. Отношения между Венгрией и Украиной осложнились в 2017 г., когда в Киеве приняли закон об обучении с пятого класса средней школы на украинском языке, а два года спустя ограничили употребление венгерского языка в стране. В настоящее время ситуация, связанная с ущемлением прав венгерского нацменьшинства в Закарпатье, является предметом серьезных переговоров между Венгрией и Украиной[1]. Венгерское правительство выдвинуло 11 требований, выполнение которых является необходимым условием для начала переговоров о вступлении Украины в ЕЭС. Суть этих требований сводится к следующему:

- Восстановление языковых прав: возврат полного объема использования венгерского языка в сфере образования, культуры, СМИ и государственного управления на тех территориях, где компактно проживает венгерское меньшинство.
- Отказ от русификации / украинизации образования: обеспечение возможности получения полноценного среднего и высшего образования на венгерском языке.
- Признание традиционно венгерских населенных пунктов: законодательное закрепление статуса территорий как традиционно венгерских, включая соответствующую двуязычную визуальную инфраструктуру (вывески, указатели).
- Право на политическое и общественное представительство: гарантия свободного использования национальной символики и полноценной деятельности культурных институтов без административных преград.

Таким образом, на примере языковой политики в странах, сопредельных с Венгрией, можно видеть, какой мощной регулирующей функцией она обладает и какое огромное влияние оказы-

[1] URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27452267

вает на менталитет всех национальностей, населяющих страну, либо способствуя миру и процветанию, либо разжигая рознь и ненависть. Отсутствие четкой стратегии в этой сфере может привести к маргинализации языковых меньшинств, ущемлению их прав, сокращению численности населения малых этносов, утере их самобытности и национальной культуры. Кроме того, это может вызывать конфликты между коренным населением страны и миноритарными образованиями, к росту социальной напряженности и даже сепаратистским настроениям. С другой стороны, чрезмерная централизация и навязывание одного языка угрожают культурному разнообразию и правам человека.

Заключение

В заключение можно сделать вывод, что языковая политика, обладая ключевой ролью в современном многонациональном мире и являясь мощнейшим инструментом решения проблем, связанных с этнической дискриминацией, должна быть эффективной. Основными признаками эффективной языковой политики можно считать инклюзивность (защита интересов всех языковых групп), прагматичность (обеспечение функциональной коммуникации в государственном управлении, образовании и экономике); гибкость (быстрая адаптация к демографическим и политическим изменениям); сбалансированность (гармония между употреблением государственного языка и языков меньшинств).

Языковая политика в многонациональных государствах является не просто вопросом лингвистики, а сложным социально-политическим инструментом, влияющим на национальное единство, культурное разнообразие и права человека. Примеры Венгрии и сопредельных государств показывают, что нет универсального рецепта: каждая страна вырабатывает собственную модель, исходя из исторического контекста, демографической структуры и политических приоритетов. Однако общим должно оставаться одно: уважение к языковому многообразию, и именно это уважение является залогом стабильного и справедливого общества.

Список литературы

Алпатов М.А. Языковая политика в современном мире: «Одноязычная» и «двуязычная» практика и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. – 2013. – № 2 (12). – С. 11–22.

Катунин Д.А. Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 2 (10). – С. 18–44.

Коптелова И.Е. Венгерский язык как миноритарный. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2018. – С. 94–108.

Кузнецов А.В. Об особенностях региональной политики ЕС после 2020 года // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 6. – С. 20–25.

Литвинов И.В. Дискриминация по национальному признаку – венгерский прецедент // Океанский менеджмент. – 2024. – № 1С. – С. 42–44.

Медушевский Н.А. Толерантность к представителям цыганских общин в Европейском союзе // Теория и философия политики, методология политологии. Аналитика Родис. – 2016. – № 5. – С. 69–80.

Пилипенко Г.П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». – Москва : Институт славяноведения РАН ; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. – 336 с.

Пилипенко Г.П. Некоторые аспекты словенского языка прекмурских венгров // Словеника. – 2011. – № 4. – С. 252–257.

Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. – Москва : Индрик, 2004. – 768 с.

Строгальщикова П.Б. Венгры за пределами Венгрии: национальные меньшинства, диаспора, часть венгерской нации // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vengry-za-predelami-vengrii-natsionalnye-menshinstva-diaspora-chast-vengerskoy-natsii (дата обращения: 12.02.2026).

Суханов К.А. Национальные меньшинства Австрии: эволюция конституционно-правового регулирования и защита их прав в конституционном суде // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-menshinstva-avstrii-evolyutsiya-konstitutsionno-pravovogo-regulirovaniya-i-zaschita-ih-prav-v-konstitutsionnom-sude (дата обращения: 14.02.2026).

Урасинова О.В. Анализ положения цыган в Венгрии на современном этапе // Психологические науки, Науки об образовании. – 2011. – № 5. – С. 45–60. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-polozheniya-tsygan-v-vengrii-na-sovremennom-etape/viewer (дата обращения: 24.09.2025).

Чеснокова Л.В. Стереотипы в межкультурной коммуникации // Концепт. – 2015. – № 4. – С. 1–7.

Шаншиева Л.Н. Особенности положения национальных меньшинств в Венгрии // Социологические науки. Политологические науки. – 2007. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-polozheniya-natsionalnyh-menshinstv-v-vengrii (дата обращения: 13.12.2025).

Kapitány B. Ethnic Hungarians in the neighbouring countries // Demographic Portrait of Hungary 2015. // HDRI, Budapest, 2015. – C. 225–239.

Molnár Csikós L. A vajdasági magyar nyelv rétegei // Hungarológiai Közlemények. – Újvidék, 2003. – N 2. – C. 82–88.

References

Alpatov M.A. *Language Policy in the Modern World: "Monolingual" and "Bilingual" Practice and the Problem of Language Assimilation*. In: *Comparative Politics*. 2013. N 2 (12). Pp. 11–22. (In Russian)

Katunin D.A. *Modern Language Legislation of Croatia: Formation and Trends. Article One*. In: *Bulletin of Tomsk State University*. 2010. N 2 (10). Pp. 18–44. (In Russian)

Koptelova I.E. *Hungarian as a Minority Language.* Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2018. Pp. 94–108. (In Russian)

Kuznetsov A.V. *On the Specifics of EU Regional Policy after 2020*. In: *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS.* 2018. N 6. Pp. 20–25. (In Russian)

Litvinov I.V. *Discrimination on the Basis of Nationality: The Hungarian Precedent*. In: *Ocean Management.* 2024. N 1C. Pp. 42–44. (In Russian)

Medushevsky N.A. *Tolerance towards Representatives of Roma Communities in the European Union.* In: *Theory and Philosophy of Politics, Methodology of Political Science. Analytics Rodis*. 2016. N 5. Pp. 69–80. (In Russian)

Pilipenko G.P. *The Linguistic and Ethnocultural Situation of the Vojvodina Hungarians: A View "from the Inside" and "from the Outside"*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 336 p. (In Russian)

Pilipenko G.P. *Some Aspects of the Slovene Language of the Prekmurje Hungarians.* In: *Slovenica.* 2011. N 4. Pp. 252–257. (In Russian)

Plotnikova A.A. *Ethnolinguistic Geography of South Slavia.* Moscow: Indrik, 2004. 768 p. (In Russian)

Strogalshchikova P.B. *Hungarians outside Hungary: National Minorities, Diaspora, Part of the Hungarian Nation.* In: *Yearbook of Finno-Ugric Studies.* 2015. N 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vengry-za-predelami-vengrii-natsionalnye-menshinstva-diaspora-chast-vengerskoy-natsii (accessed 12.02.2026). (In Russian)

Sukhanov K.A. *National Minorities of Austria: The Evolution of Constitutional and Legal Regulation and the Protection of Their Rights in the Constitutional Court.* In: *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence.* 2021. N 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-menshinstva-avstrii-evolyutsiya-konstitutsionno-pravovogo-regulirovaniya-i-zaschita-ih-prav-v-konstitutsionnom-sude (accessed 14.02.2026). (In Russian)

Urasinova O.V. *Analysis of the Situation of the Roma in Hungary at the Present Stage.* In: *Psychological Sciences, Sciences of Education*. 2011. N 5. Pp. 45–60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-polozheniya-tsygan-v-vengrii-na-sovremennom-etape/viewer (accessed 24.09.2025). (In Russian)

Chesnokova L.V. *Stereotypes in Intercultural Communication.* In: *Concept*. 2015. N 4. Pp. 1–7. (In Russian)

Shanshieva L.N. *Peculiarities of the Situation of National Minorities in Hungary*. In: *Sociological Sciences. Political Sciences*. 2007. N 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-polozheniya-natsionalnyh-menshinstv-v-vengrii (accessed 13.12.2025). (In Russian)

Kapitány B. Ethnic Hungarians in the neighbouring countries // Demographic Portrait of Hungary 2015. // HDRI, Budapest, 2015. – Pp. 225–239.

Molnár Csikós L. *A vajdasági magyar nyelv rétegei*. In: *Hungarológiai Közlemények.* Újvidék, 2003. N 2. Pp. 82–88.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
COGNITIVE LINGUISTICS

УДК 81–373; 811–111 DOI: 10.31249/ling/2026.03/06

Русакова И.Б.[1]

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПЬЯНСТВО» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной работе проводится анализ лексических средств, вербализирующих концепт «пьянство» в русском и английском языках. Чаще всего в языке концепт выражается словом, которое получает статус имени концепта. Вместе с тем концепт может соотносится более чем с одной лексической единицей и находить выражение с помощью разнородных единиц, описывающих его в языке. Данные этимологических словарей помогают проследить историю развития значений лексем, репрезентирующих концепт. Анализ толковых словарей выявляет сходства и различия лексико-семантических вариантов лексем-доминант, позволяет определить когнитивные признаки исследуемого концепта.

Ключевые слова: концепт; лексема; когнитивные признаки; пьянство.

Для цитирования: Русакова И.Б. Лексико-семантический уровень репрезентации концепта «пьянство» в русском и английском языках // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 98–108. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/06

[1] © Русакова И.Б., 2026

Русакова Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 ДА МГИМО МИД РФ; rusakovairina2007@yandex.ru

Поступила в редакцию: 12.04.2026.
Принята в печать: 02.06. 2026.

Rusakova I.B.*

LEXICO-SEMANTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT "HARD DRINKING" IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Abstract. The article examines the lexical means employed to verbalize the concept "hard drinking" in the Russian and English languages. Generally, a concept is represented by a lexical unit that acquires the status of its primary designation. However, a concept may be associated with more than one lexical unit and find expression through diverse linguistic descriptors. Etymological dictionaries reveal the semantic evolution of the words that represent a concept. The examination of explanatory dictionaries determines similarities and differences in the lexico-semantic variants of dominant lexemes, allowing for the identification of the cognitive features of the concept under consideration.

Keywords: concept; lexical unit; cognitive characteristics; hard drinking.

For citation: Rusakova I.B. Lexico-Semantic Representation of the Concept "Hard Drinking" in the Russian and English Languages // Social Sciences and Humanities Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 3. – Pp. 98–108. DOI: 10.31249/ling/2026.03/06

Received: 12.04.2026.
Accepted: 02.06.2026.

Введение

Национально-культурные представления и стереотипы, связанные с употреблением спиртных напитков, находят отражение во многих работах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Лингвисты изучают данное тематическое пространство языка в рамках полевого и концептуального подходов, используют методы этимологической и словообразовательной реконструкции,

* Rusakova Irina Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of the English language N 1, Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow; rusakovairina2007@yandex.ru

компонентный и сравнительный анализ, анализ словарных дефиниций, психолингвистические методы исследования, лингвистический анализ текста. Материалом таких научных работ служат как данные, полученные из лексикографических источников, так и произведения художественной литературы.

В статье «Исследования лексики употребления спиртного в лингвистике» М.Д. Уразаев делает обзор научных работ, посвященных исследованию «алкогольной» лексики в русском и английском языках [Уразаев, 2023]. Мы же только отметим те ядерные лексемы или слова-концепты, которые авторы предлагают для вербализации такого многогранного явления, как употребление спиртного. В русском языке: концепт «питие» [Бойченко, 2009], концепт «винопитие» [Глушкова, 2009], лингвокультурные антиномии «трезвость – пьянство» [Голембовская, 2014], «образ горячего», тематическое поле «употребление алкоголя» [Долгова, 2009]. В английском языке: концептосфера «спиртные напитки» [Козько, 2006], концепт *drinking* [Антонова, 2011]. В русском и английском языках: концепт «вино» [Лызов, 2012].

Объектом нашего исследования являются лексемы, репрезентирующие концепты «пьянство» – *hard drinking* в русском и английском языках. Лексико-семантический анализ лексем, репрезентирующих данные концепты, является предметом данной научной работы.

Цель работы – выявление концептуально значимых (когнитивных) признаков концептов «пьянство» – *hard drinking*.

Лексико-семантический уровень репрезентации концепта «пьянство»

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает следующее объяснение пьянству: «Пьянством называется неумеренное потребление возбуждающих и одурманивающих веществ и, в частности, спиртных напитков. Влияние пьянства на человека крайне разнообразно; затрагивает не только физическую и психическую его природу, но, в значительной степени, и моральные, и социальные условия, в которые он поставлен» [Энциклопедический словарь...].

В толковых словарях слово «пьянство» определяется как «постоянное и неумеренное употребление спиртных напитков» [Ожегов, 1997; Большой толковый словарь, 2000, с. 1052]; «постоянное чрезмерное употребление спиртных напитков, болезненное

пристрастие к спиртному» [Ефремова, 2000]; «винопийство, пропойство, неумеренное питие вина, хмельных напитков» [Толковый словарь живого великорусского языка, 1882]. «Пьяница – человек, пьющий много спиртного, часто напивающийся, алкоголик» [Ушаков, 2008]. Таким образом, пьянство – это употребление спиртных напитков, которое характеризуется регулярностью, длительностью, отклонением от нормы.

Этимологические словари указывают на сходство слов «пьянство», «пьяный», «пиво», «пир», которые образованы от глагола «пить» в значении «проглатывать воду или иную жидкость, употреблять хмельное, пьянствовать», т.е. от глагола «пити», восходящего к индоевропейскому глагольному корню *pi* – «пить» [Фасмер, 1986, с. 269; Этимологический словарь современного русского языка, 2010, с. 246]. В словаре русского языка XI–XVII вв. приводятся следующие значения глагола «пити»: 1) поглощать какую-либо жидкость для утоления жажды; 2) употреблять хмельные напитки, проводить время в питье хмельных напитков, пьянствовать [Словарь русского языка XI–XVII вв., 1989, вып. 15, с. 61]. В Толковом словаре живого великорусского языка: «пить» – «глотать влагу, жидкость», «утолять жажду», «принимать жидкую пищу глотками», «лить что-либо в себя, в желудок свой»; «напиваться», «упиваться по привычке», «страстно любить хмельные пьяные напитки», «пьянствовать» [Толковый словарь живого великорусского языка, 1882, том 3, с. 291]. Отметим также, что в современном русском языке значение глагола «пить» не изменилось: переходный глагол – «глотая, поглощать какую-либо жидкость»; непереходный глагол – «употреблять спиртные напитки часто, в большом количестве, пьянствовать» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 835].

Семантическое сходство существительного «пьянство», глагола «пьянствовать» и глагола «пить» подтверждается данными синонимического словаря. Лексема «пить» является лексемой-доминантой двух синонимических рядов: «утолять жажду» и «пьянствовать» [Александрова, 2001, с. 329]. Синонимический ряд лексемы «пьянствовать» включает лексему «пить» (*пить втемную, по-черному*), а также однокоренные слова «выпивать», «попивать». Лексемы «выпивала», «выпивоха» представлены в синонимическом ряду лексемы «пьяница», «пьянка», «попойка», являются синонимами лексемы «пьянство» [Александрова, 2001. с. 408]. Помимо этимологического родства и семантического сходства существительного «пьянство», глагола «пьянствовать» и глагола

«пить», следует сказать о возможном, хотя и спорном, по мнению П.Я. Черных, «этимологическом родстве» двух жидкостей, которые обычно пьют люди, а именно: воды и водки [Черных, 1999, т. 1, с. 160; Серкин, 2016]. «Водка» – собственно русское производное посредством суффикса «-ка» от «вода». Первоначальное значение «спиртной лекарственный настой». Значение «водка», возможно, возникло у этого слова под влиянием польского слова *wodka* – свободной кальки от латинского *aqua vitae-* «алкоголь», что означает «вода жизни» [Шанский, 1971, с. 87; Фасмер, 1986, т. 1, с. 330]. Примечательно, что подобное «родство» прослеживается также между водой и виски, одного из часто употребляемых алкогольных напитков в Великобритании: *whisky* от гэльского *uisge beatha-* – «вода жизни» [Шанский, 1971, с. 83]. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля в словарной статье «водка» дается ссылка на словарную статью лексемы «вода».

В словаре концептов Ю.С. Степанов указывает на тесную связь между употреблением водки и пьянством, отмечая национально-культурную особенность такой «связки»: «Водка – это крепкий алкогольный напиток, т.е. нечто, что потребляют, пьют ради алкогольного опьянения. Вот в таком виде это слово и предмет входят в русскую культуру и составляют в ней прискорбно тесную связку “водка – пьянство”. Именно в факте этой связки лежит ключ к пониманию их истории и места в русской культуре» [Степанов, 2001, с. 292].

Таким образом, анализ толковых словарей позволяет выделить следующие семантически (концептуально) значимые признаки «пьянства»: регулярность, длительность, интенсивность (отклонение от нормы). По данным этимологических словарей, глагол «пить» («пити») является этимологическим источником лексемы «пьянство». Кроме того, некоторые исследователи указывают на этимологическое сходство лексем «вода» и «водка». Содержание лексемы «пить» не изменилось: в толковых словарях разных лет вторым лексико-семантическим вариантом идет значение «пьянствовать».

Лексико-семантический уровень репрезентации концепта “hard drinking”

В новом Большом русско-английском словаре лексема «пьянство» имеет в английском языке эквивалент *hard drinking* (*drink hard-* – пьянствовать); лексема «пьяница» представлена эк-

вивалентами *drunkard, hard drinker, toper, tippler* [Ермолович, 2008, с. 753]. *Drink- take a liquid by the mouth*, глагол образован от древнеанглийского *drincan* («глотать», «впитывать»), восходит к прагерманскому *drengkan* [Oxford Dictionary of English Etymology, 1966, p. 290]. Также существует предположение, что этимологическим источником глагола *drink* является индоевропейский корень *dherg-* – «тянуть, втягивать» [Маковский, 2000, с. 110]. Таким образом, глагол *drink* обозначает проглатывание, впитывание, втягивание жидкости, движение жидкости вовнутрь.

В Словаре английского языка Сэмюэля Джонсона (XVIII век) переходный глагол *drink* имеет значения *to swallow* (глотать), *to suck up, to absorb* (всасывать, поглощать); а также *to act upon drinking* (делать что-либо, находясь в алкогольном опьянении, под влиянием алкоголя), *to make drunk / to drink oneself drunk* (напиваться допьяна); непереходный – *to swallow liquors, to quench thirst* (утолять жажду), *to feast*; *to be entertained with liquors* (праздновать, пировать, в том числе употребляя спиртное), *to drink to excess; to be an habitual drunkard* (сильно пить, напиваться).

В словарях современного английского языка толкование лексемы меняется незначительно. В словаре Merriam Webster Dictionary [Merriam Webster Dictionary] *drink* (переходный) представлен следующими лексико-семантическими вариантами: *swallow*, *absorb, join in a toast, to bring to a specified state by drinking alcoholic beverages; drink* (непереходный) имеет значения: *to take liquid into the mouth for swallowing, to partake of alcoholic beverages, to make or join in a toast*. В словарях Oxford Learner's Dictionary, Cambridge English Dictionary [Oxford Learner's Dictionary; Cambridge English Dictionary] глагол *drink* представлен двумя значениями: *to take liquid into your mouth and then down your throat into your stomach, to drink alcohol, especially when it is done regularly*. Словарная статья также включает ряд устойчивых выражений, которые подчеркивают интенсивность, регулярность, длительность употребления алкогольных напитков: *drink yourself + adjective, drink yourself to something, drink yourself into something, drink somebody under the table.*

Кроме того, отглагольное существительное *drink* имеет следующие значения: *a liquid for drinking, an amount of a liquid that you drink, а также alcohol or an alcoholic drink, something that you drink on a social occasion*. Существительное d*rinking* обозначает процесс приема спиртных напитков: *the act of drinking alcohol*, т.е. прием, «питие» спиртного. Также *drinking* используется как прила-

гательное в значении «пьющий, выпивающий» (*drinking friends*), «застольный» (*drinking song*). Лексема *drinker* (*hard drinker*) может обозначает пьющего человека: *a person who drinks alcohol regularly, especially somebody who drinks too much (to a notable degree)*. *Drinker* отличается от *drunkard* степенью привязки к спиртному: *drinker* – пьющий, выпивающий, т.е. человек, который любит выпить, однако употребление спиртного не обязательно является его страстью или болезнью (*heavy – moderate drinker*), к тому же данная лексема может обозначать человека, предпочитающего какой-либо конкретный напиток, не обязательно содержащий алкоголь (*a tea/ coffee drinker*). В отличие от *drinker, drunkard* всегда имеет отрицательную коннотацию: *a person who gets drunk very often, who is habitually drunk, who drinks large amounts of alcohol*, т.е. *drunkard* – это человек, который пьет много именно алкогольных напитков, для которого употребление спиртного вошло в привычку (пьяница).

Слова – синонимы лексемы *drunkard, toper* (устаревшее) и *tippler* (разговорное), обозначают человека, который употребляет спирные напитки в больших количествах, регулярно: *to tope – to drink liquor to excess, tippler-a person who drinks alcohol regularly*. *Toper* (известно с XIV века) – человек, который пьет много алкоголя, особенно пива [Etymology, Origin and Meaning]. *Tippler* – от среднеанглийского *tiplen – drink or sip frequently or excessively, for example ale* [там же].

Итак, анализ толковых словарей английского языка позволяет говорить о том, что содержание глагольной лексемы “drink” не претерпело существенных изменений. «Употребление спиртного, нередко регулярное и интенсивное, чрезмерное, длительное» представлено как второй лексико- семантический вариант в словарной статье *drink*. Слова – синонимы *drunkard, toper, tippler* обозначают человека, который пьет спиртные напитки регулярно, много.

Заключение

Проанализировав данные русских и английских лексикографических источников, можно сделать вывод об этимологическом и семантическом сходстве лексем «пьянство» и *hard drinking*. Обе лексемы образованы от глагола «пить» (*drink*), связаны с семантикой проглатывания, поглощения жидкости. В русском языке прослеживается этимологическое родство лексем «вода» и «водка». В обоих языках толковые словари выделяют два основных значения глаголов: 1) «поглощение жидкости для удаления жажды»;

2) «употребление спиртных напитков». Также можно говорить о сходстве концептуально значимых когнитивных признаках (характеристиках) исследуемого нами концепта: регулярность, длительность, интенсивность, чрезмерность (отклонение от нормы).

Список литературы

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимич. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Русский язык, 2001. – 568 с.

Антонова А.Б. Репрезентация концепта DRINKING в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук / Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2011. – 199 с.

Бойченко А.Г. Репрезентация концепта «Питие» в русской языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук / Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2009. – 231 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1535 с.

Глушкова Т.В. Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира: на материале паремий, анекдотов, тостов, текстов СМИ и рекламы: дис. … канд. филол. наук / Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2009. – 216 с.

Голембовская Н.Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях: дис. … канд. филол. наук / Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград, 2014. – 210 с.

Долгова Е.Ю. Лексика и фразеология, связанные со сферой употребления спиртных напитков, в русском языке: дис. … канд. филол. наук / Башкирский государственный университет. – Уфа, 2009. – 177 с.

Ермолович Д.И., Красавина Т.М. Новый большой русско-английский словарь. – 3-е изд. – Москва: Русский язык – Медиа, 2008. – 1099 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва: Русский язык, 2000. – URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-207-87.htm#zag-96702 (дата обращения: 24.03.2026).

Козько Н.А. Концептосфера «спиртные напитки» в национальной языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук / Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2006. – 240 с.

Лызов А.И. Об оценочной семантике концепта «вино» в английских и русских паремиях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2012. – Т. 75, № 11. – С. 95–98. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otsenochnoy-semantike-kontsepta-vino-v-angliyskih-i-russkih-paremiyah (дата обращения: 12.03.2026).

Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка: слово в зеркале человеческой культуры. – Москва: Диалог, 2000. – 416 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. –

4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1997. – URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=25434 (дата обращения: 24.03.2026).

Серкин С.П. О происхождении и значении слова «водка» в древности // Евразийский союз ученых (ЕСУ). Серия Филологические науки. – 2016. – Т. 24, № 3. – С. 141–143. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-proishozhdenii-i-znachenii-slova-vodka-v-drevnosti/viewer (дата обращения: 21.03.2026).

Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С.Г. Бархударова. – Москва: Наука, 1989. – Вып. 15. – 285 с.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Академический Проект, 2001. – С. 291–313.

Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / сост. Даль В.И. – Санкт-Петербург: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – URL: https://runivers.ru/bookreader/book10119/#page/1/mode/1up (дата обращения: 25.03.2026).

Уразаев М.Д. Исследования лексики употребления спиртного в лингвистике // Libri Magistri. – 2023. – № 2. – С. 41–49. – URL: https://lm.magtu.ru/doc/2023/2/41-49.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – Москва: Альта-Принт: Дом XXI век, 2008. – URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=62122 (дата обращения: 24.03.2026).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – Москва: Прогресс, 1986–1987.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: в 2 т. – 3-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 1999. – Т. 1: А – П. – 621 с.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1971. – 542 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – URL: https://runivers.ru/bookreader/book10181/#page/443/mode/1up (дата обращения: 14.03.2026).

Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А.К. Шапошников. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – Т. 2. – 578 с.

Cambridge English Dictionary. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/drink (accessed: 27.03.2026).

Etymology, Origin and Meaning. – URL: https://etymologyworld.com/item/tippler (accessed 24.03.2026).

Johnson S. A dictionary of the English language: in which the words are deduced from their originals, explained in their different meanings and authorized by the names of the writers in whose works they are found. – URL: https://archive.org/details/dictionaryofengl00joh/page/74/mode/2up (accessed: 26.03.2026).

Merriam Webster Dictionary. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/drink (accessed 24.04.2026).

Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by C.T. Onions, G.W.S. Friedrichsen, R.W. Burchfield. – Oxford: Oxford University Press, 1966. – URL: https://archive.org/details/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/page/290/mode/2up (accessed 27.03.2026).

Oxford Learner's Dictionary. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/drink_1?q=drink (accessed 27.03.2026).

References

Aleksandrova Z.E. *Dictionary of Russian Synonyms: A Practical Reference. Approx. 11,000 Synonym Sets*. 11 th ed., rev. and enl. Moscow: Russkiy yazyk, 2001. 568 p. (In Russian)

Antonova A.B. *The Representation of the Concept DRINKING in Modern English*: Diss. … Candidate of Philology / Irkutsk State Linguistic University. Irkutsk, 2011. 199 p. (In Russian)

Boychenko A.G. *Representation of the Concept "Drinking" in the Russian Linguistic Worldview*: Diss. … Candidate of Philology / Khakas State University named after N.F. Katanov. Abakan, 2009. 231 p. (In Russian)

Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1535 p. (In Russian)

Glushkova T.V. *Wine Drinking as a Fragment of the Russian Linguistic Worldview (Based on Proverbs, Anecdotes, Toasts, Media Texts and Advertising)*: Diss. … Candidate of Philology / Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Omsk, 2009. 216 p. (In Russian)

Golembovskaya N.G. *Linguocultural Antinomies in Russian and Lithuanian Proverbs:* Diss. … Candidate of Philology / Volgograd State Socio-Pedagogical University. Volgograd, 2014. 210 p. (In Russian)

Dolgova E.Yu. *Lexicon and Phraseology Related to the Sphere of Alcohol Consumption in the Russian Language:* Diss. … Candidate of Philology. Bashkir State University. Ufa, 2009. 177 p. (In Russian)

Ermolovich D.I., Krasavina T.M. *New Comprehensive Russian-English Dictionary.* 3 rd ed., stereotype. Moscow: Russkiy yazyk – Media, 2008. (In Russian)

Efremova T.F. *New Russian Language Dictionary. Explanatory and Word-Formative.* Moscow: Russkiy yazyk, 2000. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-207-87.htm#zag-96702 (accessed 24.03.2026). (In Russian)

Koz'ko N.A. *The Concept Sphere of "Alcoholic Beverages" in the National Linguistic Worldview*: Diss. … Candidate of Philology. Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, 2006. 240 p. (In Russian)

Lyzov A.I. *On the Evaluative Semantics of the Concept 'Wine' in English and Russian Proverbs.* In: *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*. *Series "Philological Sciences".* 2012. Vol. 75, N 11. Pp. 95–98. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otsenochnoy-semantike-kontsepta-vino-v-angliyskih-i-russkih-paremiyah (accessed 12.03.2026). (In Russian)

Makovskiy M.M. *Historical-Etymological Dictionary of Modern English: The Word in the Mirror of Human Culture.* Moscow: Dialog, 2000. 416 p. (In Russian)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions*. 4 th ed., enl. Moscow: Azbukovnik, 1997. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=25434 (accessed 24.03.2026). (In Russian)

Serkin S.P. *On the Origin and Meaning of the Word "Vodka" in Antiquity*. In: *Eurasian Union of Scientists. Series "Philological Sciences".* 2016. Vol. 24, N 3. Pp. 141–

143. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-proishozhdenii-i-znachenii-slova-vodka-v-drevnosti/viewer (accessed 21.03.2026). (In Russian)

Dictionary of the Russian Language of the 11 th–17 th Centuries / ed. by S.G. Barkhudarov. Iss. 15. Moscow: Nauka, 1989. 285 p. (In Russian)

Stepanov Yu.S. *Constants: Dictionary of Russian Culture.* 2 nd ed., rev. and enl. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2001. Pp. 291–313. (In Russian)

Dal' V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vol. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Volfa, 1882. URL: https://runivers.ru/bookreader/book10119/#page/1/mode/1up (accessed 25.03.2026). (In Russian)

Urazaev M.D. *Research on the Lexicon of Alcohol Consumption in Linguistics*. In: *Libri Magistri.* 2023. N 2. Pp. 41–49. URL: https://lm.magtu.ru/doc/2023/2/41-49.pdf (accessed: 14.03.2026). (In Russian)

Ushakov D.N. *Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language*. Moscow: Alta-Print: Dom XXI vek, 2008. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=62122 (accessed 24.03.2026). (In Russian)

Phasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vol.* / transl. from German and suppl. by O.N. Trubachev. 2 nd ed., stereotype. Moscow: Progress, 1986–1987. (In Russian)

Chernykh P.Ya. *Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language*: *13,560 Words*: in 2 vol. 3 rd ed., stereotype. Moscow: Russkiy yazyk, 1999. Vol. 1: A–P. 621 p. (In Russian)

Shansky N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. *Concise Etymological Dictionary of the Russian Language* / ed. by S.G. Barkhudarov. 2 nd ed., rev. and enl. Moscow: Prosveshchenie, 1971. 542 p. (In Russian)

Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. URL: https://runivers.ru/bookreader/book10181/#page/443/mode/1up (accessed 14.03.2026). (In Russian)

Etymological Dictionary of Modern Russian Language: in 2 vol. / comp. by Shaposhnikov A.K. Vol. 2. Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 578 p. (In Russian)

Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/drink (accessed: 27.03.2026).

Etymology, Origin and Meaning. URL: https://etymologyworld.com/item/tippler (accessed 24.03.2026).

Johnson S. *A Dictionary of the English Language*: *In Which the Words Are Deduced From Their Originals, Explained in Their Different Meanings and Authorized by the Names of the Writers in Whose Works They Are Found.* URL: https://archive.org/details/dictionaryofengl00joh/page/74/mode/2up (accessed 26.03.2026).

Merriam Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/drink (accessed 24.04.2026).

Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by C.T. Onions, G.W.S. Friedrichsen, R.W. Burchfield. Oxford: Oxford University Press, 1966. URL: https://archive.org/details/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/page/290/mode/2up (accessed 27.03.2026).

Oxford Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/drink_1?q=drink (accessed 27.03.2026).

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
APPLIED LINGUISTICS

УДК 373.167.1 DOI: 10.31249/ling/2026.03/07

Потапов В.В.[1]

НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АВТОМАТИЗИРОВАННОМУ ОБУЧЕНИЮ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)[2]

Аннотация. В статье представлен материал по актуальной теме прикладной и математической лингвистики на данном этапе ее инструментального развития, соотносящейся с задачами совершенствования методов обучения носителей русского языка немецкому языку с опорой на новые информационно-цифровые технологии. Все перечисленные в данной статье составляющие непосредственно связаны с задачей разработки систем автоматического распознавания разномасштабных единиц родного (L_1) (в нашем случае русского) и неродного (L_2) (немецкого) языков в целях их дальнейшего использования в качестве фонетических автоматизированных систем тренинга. Таким образом, подходы к решению данной проблемы связаны с выработкой соответствующего вектора поиска в области обнаружения и исправления произносительных ошибок в немецкой речи носителей русского языка.

[1] © Потапов В.В., 2026

Потапов Всеволод Викторович – заслуженный научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; volikpotapov @gmail.com

[2] Работа выполнена в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова № 1025091200066–4-6.2.2 «Разработка теоретических оснований и инновационных инструментов анализа интерференционных процессов в русской речи инофонов для повышения эффективности преподавания русского языка как иностранного».

Ключевые слова: артикуляционная, акустическая и просодическая организация речи; носители русского языка; иноязычный акцент; эталон немецкого произношения; овладение иностранным произношением; автоматизированная система тренинга.

Для цитирования: Потапов В.В. Некоторые концептуальные подходы к автоматизированному обучению иноязычному произношению (на примере немецкого языка) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 109–122. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/07

Поступила в редакцию: 30.03.2026.
Принята в печать: 02.06. 2026.

Potapov V.V.[1]

CONCEPTUAL APPROACHES TO AUTOMATED TEACHING OF FOREIGN LANGUAGE PRONUNCIATION (USING THE EXAMPLE OF THE GERMAN LANGUAGE)[2]

Abstract. This article presents material on an actual topic of applied and mathematical linguistics at the current stage of its instrumental development, related to the tasks of improving the methods of teaching native Russian speakers German using new information and digital technologies. All components listed in this article are directly related to the task of developing systems for automatic recognition of different-scale units of native (L1) (in our case, Russian) and non-native (L2) (German) languages for the purpose of their further use as phonetic automated training systems. Thus, approaches to solving this problem are associated with the development of an appropriate search vector in the area of detecting and correcting pronunciation errors in the German speech of native Russian speakers.

Keywords: speech articulation, acoustics, and prosody; native Russian speakers; foreign accent; German pronunciation standard; mastering foreign pronunciation; automated training system.

[1] Potapov Vsevolod Viktorovich – Honored Researcher at the Lomonosov Moscow State University; volikpotapov@gmail.com

[2] This work was completed as part of Lomonosov Moscow State University's State Assignment No. 1025091200066–4-6.2.2, “Development of Theoretical Foundations and Innovative Tools for Analyzing Interference Processes in the Russian Speech of Foreign Speakers to Improve the Effectiveness of Teaching Russian as a Foreign Language.”

For citation: Potapov V.V. Conceptual Approaches to Automated Teaching of Foreign Language Pronunciation (Using the Example of the German Language) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 3. – P. 109–122. DOI: 10.31249/ling/2026.03/07

Received: 30.03.2026.
Accepted: 02.06.2026.

За последнее время использование *дистанционного обучения* (о современных системах дистанционного обучения см.: [Кедрова, Муромцев, 2017]) иностранным языкам (о немецком языке см.: [Черепанова, 2019а]) существенно возросло. На развитие компьютерных CALL-систем[1] повлияла прежде всего динамика развития современных цифровых технологий, включая средства Интернета в ходе освоения особенностей произношения изучаемых иностранных языков.

Для современного этапа развития лингвистики характерно повышение интереса к проблематике артикуляционной, акустической и просодической организации речи, что обусловлено рядом теоретических и практических задач.

Практика работы в данной области знания повышает интерес к реализации *произносительных норм изучаемого языка*, которая базируется на образцах полного типа произнесения. Подобный процесс обращения к произносительным нормам изучаемого языка базируется на привлечении его орфоэпического корпуса, который должен содержать примеры образцов произносительной нормы данного языка, например записи профессиональных дикторов радио и телевидения, а также аудиоспектаклей мастеров художественного слова, т.е. носителей нормы сценической речи, и др. (о вопросах орфоэпических образцов см., например: [Русское сценическое произношение, 1986; Крылов, Меньшикова, 2019]). Так, например, согласно нормам русского сценического произношения

[1] CALL-системы – англ. computer-assisted language learning systems. Компьютерное обучение языку охватывает широкий спектр информационно-коммуникационных технологий «приложений и подходов к преподаванию и изучению иностранных языков, начиная от традиционных программ тренинга и практики до более современных проявлений CALL-систем, таких как использование виртуальной среды обучения и дистанционного обучения с помощью Интернета, что также распространяется и на использование корпусов и конкордансов, интерактивных досок и т.д.» [Higgins, 1983; Levy, 1997] и др.

особое внимание требуется обращать на реализацию ударения и редукции гласных, которые имеют решающее значение для корректного произношения. Ударение соотносится, как правило, с локализацией определенного слога в слове, который произносится с максимальной степенью выразительности, в то время как безударные гласные редуцируются или произносятся с меньшей степенью акустической выделенности, т.е. при помощи таких характеристик, как подчеркнутая артикуляция и изменение долготной реализации гласного (об этом также см.: [Russian pronunciation]).

Что касается эксплицитных *кодифицированных норм современного немецкого языка,* то в данном случае эти нормы должны соответствовать не всем вариантам имеющегося языкового стандарта, но тем из них, которые могли бы быть включены в речевой узус носителей языка в качестве «предпочтительных» и «оптимально подходящих для усвоения» в процессе полноценного речевого общения. Немецкая нормализованная речевая компетенция[1] по давно сложившейся традиции формируется под влиянием активного устно-речевого использования преимущественно тех произносительных образцов, которые приняты в средствах массовой информации [Потапова, 1999].

Принимая во внимание информативность проблемы соотношения минимизации русско-немецкой произносительной интерференции, целесообразно остановиться на следующих положениях [Черепанова, 2019а], необходимых для носителей русского языка в процессе освоения немецкой литературной произносительной нормы:

(а) наиболее часто встречающиеся у обучающихся отклонения от нормативного произнесения гласных немецкого языка, как правило, обнаруживаются при анализе таких акустических характеристик, как частотные значения первых двух формант (F_1 и F_2) и длительность (t);

(б) в автоматизированных системах тренинга фонетически-нормативного произнесения для обучающихся рекомендуется предварительно обращаться к заранее подготовленному перечню типовых произносительных ошибок, что имеет положительный эффект на процесс усвоения звучащего материала;

(в) знание правил локализации возможных фонетических ошибок безусловно оказывает позитивное влияние на рост кор-

[1] Нормализованная речевая компетенция – это уровень владения речью, соответствующий установленным нормам и стандартам.

ректного произносительного стандарта изучаемого иностранного языка;

(г) в CAPT-системах при решении задачи дальнейшей коррекции девиантных отклонений от произносительной нормы изучаемого языка, как правило, обычно считают целесообразным привлечение фонетического материала, включающего различные специальные широко известные *немецкоязычные поговорки*[1] и *скороговорки* (о скороговорках см.: [Черепанова, 2014]).

В связи с этим важно обратиться к такому *акустическому параметру речи*, как частота основного тона (ЧОТ) [Потапова, 2000]: средний показатель в Гц F_0; дисперсия SF_0; коэффициент вариативности данного параметра; максимальная и минимальная величины $F_{0\,max}$ и $F_{0\,min}$; динамический диапазон F_0.

Во второй половине XX в. в англоязычных странах появились первые компьютерные программы обучения произношению, которые получили название «CAPT-системы»[2]. Разрабатываются и начинают появляться междисциплинарные подходы к решению проблем способов обработки речевого сигнала в данной области знания. В этот же временной период для решения актуальных задач вводятся в процесс анализа речевого континуума следующие дисциплины: цифровые методы обработки речевого сигнала, лингвоинформатика, математико-статистические методы обработки речевой волны, информатика, использование программно-технических средств в процессе преподавания иностранных языков и др., и в более поздний период начинает активно внедряться освоение такого направления, как синтез звучащей речи (об истории развития данного междисциплинарного подхода см., например: [Amrate, Tsai, 2024; Coulange, 2023; Demenko, Wagner, Cylwik, 2010; Hincks, 2003; A scintometric study..., 2025; Qian, Meng, Soong, 2016] и др.).

Направление, связанное с компьютерными программами обучения произношению, характеризуется *тематическим многообразием*, как, например: (а) контрастивные исследования фонети-

[1] См., например: [Урок фонетики: 14 немецких поговорок, тренируем произношение].

[2] CAPT-системы – англ. computer-assisted pronunciation training. CAPT означает компьютерный тренинг произношения, т.е. систему, которая помогает обучающимся улучшить свои навыки говорения, предоставляя автоматизированную обратную связь по их произношению (об этом см.: [Revell-Rogerson, 2021] и др.).

ческих особенностей рассматриваемых языков; (б) имеющиеся данные о специфике *артикуляционной базы*[1] и типах артикуляции, интонировании и речевосприятии для L_1 (родного языка) и L_2 (иностранного языка); (в) использование имеющейся специальной акустической базы данных (акустические корреляты) для L_1 и L_2; (г) разработка специальных методов, предназначенных для усвоения и закрепления полученных нормативных знаний.

Вышеперечисленные положения играют существенную роль при разработке систем автоматического распознавания разноуровневых единиц L_1 и L_2 с целью совершенствования фонетических автоматизированных систем тренинга, включающих следующие алгоритмы: по способу анализа речевого сигнала, параметрические признаки, способы акустического и артикуляционного моделирования, поисковые модели [Потапова, 2004а; Потапова, 2004б].

При решении приведенных ранее задач (см., например: [Черепанова, 2019а; Черепанова, 2019б] и др.) целесообразно принимать во внимание, во-первых, акустические (в Гц) и, во-вторых, перцептивно-слуховые (в мелах) параметры речевого сигнала.

Дальнейшая разработка алгоритма устранения произносительных девиантных отклонений от нормативного произношения включает как артикуляционно-акустические, так и перцептивно-слуховые признаки речевого сигнала. Таким образом, для последующих этапов нейтрализации девиантных отклонений применительно к иноязычному акценту, образующемся в процессе контаминации L_1 и L_2, оптимальным является расширение базы данных акустических признаков, алгоритмы удаления ошибочных произносительных реализаций в L_2, а также выявление возможных региональных вариантов артикуляционной интерференции (в этом отношении следует особо обращать внимание на различающиеся в значительной степени региональные произносительные варианты современного немецкого языка).

В данном случае необходимо глубокое исследование особенностей современного эталона немецкого произношения с опорой на «Атлас» Венглера [Wängler, 1964][2] (в «Атласе» представлены различные типы звукосочетаний, иллюстрирующие разновидности динамических моделей немецкого слога. В рассматриваемом «Атласе» представлены параметры описания гласных, а именно: ха-

[1] Об артикуляционной базе см. работы: [Колосов, 1972; Kedrova, Borissoff, 2013; Потапов, 2016] и др.

[2] См. также и все последующие его многочисленные переиздания.

рактеристика размера челюстного угла, образуемого степенью удаленности между верхними и нижними зубами, характеристики и виды изгиба языка, что подразумевает изменение конфигурации тела языка, характеризующегося различной локализацией передней спинки языка, которая может лежать плоско, быть вогнутой или поднятой, а также степень удаленности верхней губы по отношению к резцам), работы Г. Линднера (см., например: [Lindner, 1984]), фонолого-фонетическую школу Э. Штока (см., например: [Meinhold, Stock, 1982]) и др. Перспективным представляется обращение к исследованию адаптационного механизма при овладении иностранным произношением. Использование автоматизированных систем, предназначенных для обучения иноязычному произношению, особенно характерно для начала XXI в. в связи с подключением Интернета к решению задачи дистанционного обучения. Эти системы содержали информацию об особенностях артикуляционной базы L_2, о правилах транскрибирования звукового ряда на L_2, распознавания речевого высказывания на L_2 (от слова – до синтагмы и фразы) на базе спектрального изображения, сопоставления произносительных особенностей L_1 и L_2 и т.д. (более подробно об особенностях немецкого произношения см.: [Потапова, Линднер, 1991]). Так, например, автоматизированная система обучения на базе акустической информации, разработанная в Мюнхенском университете, включает корпус текстов, нетекстового материала (упражнения), акустические корреляты различных фонетических единиц и т.д. Используются при этом графика и видеоклипы, что особенно важно для таких областей, как артикуляционная фонетика, невербальная коммуникация, бимодальная (L_1 и L_2) коммуникация и т.д. (более подробно о дистанционном образовании и развитии подобных систем фонетического профиля см.: [Потапова, 2012]).

Если принимать во внимание такие фонетико-фонематические особенности, как: акустические, артикуляционно-перцептивные, а также спектрально-временные характеристики немецких долгих и кратких гласных с учетом контраста по фонематической долготе, то данные показатели играют существенную роль при формировании речевого континуума в целом для процесса речепроизводства и речевосприятия немецкой звучащей речи.

Системным различиям на материале русско-немецкой произносительной интерференции посвящено большое число работ, связанных с решением практических задач (см., например: [Ганиев, 1971; Колосов, 1972; Potapova, Potapov, 2011] и др.). Однако в

вышеназванных работах фонематические «долгота-краткость» подробно не рассматриваются, тем более с позиции активного эксперимента.

Особую роль играет способ перевода акустических значений в Гц в соответствующие перцептивные значения в мелах, что отражает особенности результативного измерения акустических и перцептивно-слуховых характеристик. Полученные таким образом величины дают возможность формирования шкалы соотношения информации двух типов: акустического и перцептивно-слухового. Вышеприведенный метод преобразования акустического сигнала в перцептивно-слуховой сигнал приобретает особое значение для последующей разработки специальных программ, предназначенных для преобразования акустического сигнала в перцептивно-слуховой коррелят.

Автоматизация процесса распознавания акустического сигнала и последующее его преобразование в слуховой служит возможностью для получения дополнительной информации о степени корректности фонетической реализации оппозиции «долгота – краткость» в L_2.

Таким образом, определяется наличие конгруэнтности между устно-речевыми физическими параметрами преобразования «текст – речь» и воспринимаемыми перцептивно-слуховыми образами анализируемого речевого материала.

В ходе дальнейшей работы над фонетической автоматизированной системой тренинга в дистанционном режиме по удалению иноязычного акцента следует учесть некоторые важные с этих позиций научные источники, например Д. О'Шоннесси (см.: [O'Shaughnessy, 1987]), справочник «Акустика» (авторы: А.П. Ефимов, А.В. Никонов, М.А. Сапожков, В.И. Шоров) [Акустика, 1989], где в разделах 1 и 2 подробно изложены законы звуковых колебаний и основных свойств звука (автор: Михаил Андреевич Сапожков). В работах подобного рода лучше не использовать термин «акцентированная речь», так как термин «акцент» многозначен (см., например, книгу немецкого русиста В. Лефельдта в первом и втором изданиях [Лефельдт, 2006; Лефельдт, 2010], в которой используются два различающихся термина «акцент» и «ударение»). Корректнее говорить об интерферированном варианте L_2.

На основе вышесказанного нами предлагаются следующие рекомендации:

- объединить в дальнейшем конечный эффект артикуляции исследуемых гласных с позиционно-дистрибутивными факторами связной речи;
- провести более четкую границу между фонетической длительностью и фонематической долготой;
- заменить термины «записи», «аудиозаписи» и «звуковые записи» на термин «фонограммы»;
- для реализации твердого приступа (*Knacklaut*) в немецкой речи некорректна ссылка на корень слова, так как главным в данном случае является неприкрытая позиция начального гласного в слоге, слове. Следует подчеркнуть, что особое значение коартикуляции звуков в составе слога приобретает информация о специфике построения кратких и долгих слогов в немецкой речи [Потапова, 1986];
- в анкете для испытуемых следует добавлять пункт «место длительного проживания», а также «являются ли родители монолингвами или билингвами».

В целом решение некоторыми авторами данной проблематики производит положительное впечатление, так как затрагиваются и решаются актуальные проблемы обнаружения и исправления произносительных девиантных отклонений в интерферируемой немецкой речи носителей русского языка. При этом следует подчеркнуть, что в настоящее время на первый план выдвигается степень влияния различных факторов на *социально-личностную характеристику индивида* с учетом *интерферируемой парадигмы речепроизводства*. Речевые характеристики играют основополагающую роль в формировании первичного *социального портрета говорящего*, особенно в режиме онлайн, что влечет за собой эффект «складывающегося впечатления» от иноязычного акцента, который предстает в качестве одного из самых индикативных параметров социальной характеристики индивида в целом (см. об этом более подробно: [Попова, 2021]).

Список литературы

Акустика: справочник / А.П. Ефимов, А.В. Никонов, М.А. Сапожков, В.И. Шоров; под ред. М.А. Сапожкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Радио и связь, 1989. – 336 с.

Ганиев Ж.В. Немецкий акцент в русской речи // Русский язык для студентов-иностранцев. – Москва : Высшая школа, 1971. – С. 17–41.

Кедрова Г.Е., Муромцев В.В. Современное состояние и направления развития систем дистанционного обучения // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. – 2017. – № 4. – С. 88–101.

Колосов К.М. Антропофонический анализ звуковой системы языка (к вопросу об артикуляционной базе. На материале немецкого языка): дис. … канд. филол. наук / МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – Москва, 1972. – 175 с.

Крылов С.А., Меньшикова Ю.В. Об апостериорном подходе к построению теоретической, практической и прикладной орфоэпии // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. – 2019. – Vol. 1, N 1. – P. 4–11.

Лефельдт В. Акцент и ударение в современном русском языке. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 248 с.

Лефельдт В. Акцент и ударение в современном русском языке. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 288 с.

Попова М.В. Влияние иноязычного акцента на формирование социального портрета говорящего (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского и немецкого языков): дис. … канд. филол. наук / Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2021. – 172 с.

Потапов В.В. Концепт «артикуляционная база» как ключ к пониманию специфики звучащей речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. – 2016. – Вып. 1 (740). – С. 148–154.

Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 144 с.

Потапова Р.К. Речеведение в Германии: возникновение, развитие, вклад в фонетические науки // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 1999. – № 4. – С. 80–88.

Потапова Р.К. Некоторые штрихи к портрету говорящего // RES LINGUISTICA: сборник статей к 60-летию профессора В.П. Нерознака. – Москва : Academia, 2000. – С. 304–313.

Потапова Р.К. Приоритетные направления современной прикладной лингвистики // Конверсия в машиностроении. – 2004а. – № 3. – С. 92–100.

Потапова Р.К. Приоритетные направления современной прикладной лингвистики // Конверсия в машиностроении. – 2004б. – № 4. – С. 97–106.

Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. – 5-е изд. – Москва : Либроком, 2012. – 368 с.

Потапова Р.К., Линднер Г. Особенности немецкого произношения. – Москва : Высшая школа, 1991. – 319 с.

Русское сценическое произношение / отв. ред. С.М. Кузьмина. – Москва : Наука, 1986. – 237 с.

Урок фонетики: 14 немецких поговорок, тренируем произношение. – URL: https://dzen.ru/video/watch/5fc8b751eb95a537347de5e0 (дата обращения: 01.02.2025).

Черепанова О.Д. Фонетические особенности немецкого и русского языков через призму скороговорок // Речевые технологии. – 2014. – № 3/4. – С. 77–91.

Черепанова О.Д. Лингвистическое обеспечение фонетических тренажеров при обучении немецкому языку (на материале вокализма русского и немецкого языков): дис. … канд. филол. наук / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2019а. – 186 с.

Черепанова О.Д. Акустический контрастивный анализ как инструмент лингвистического обеспечения фонетических тренажеров (на материале гласных русского и немецкого языков) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2019б. – № 4. – С. 92–105.

A Scientometric Study of Computer-assisted Pronunciation Training in Second Language Acquisition: Technological Affordances and Research Trends / Mohsen M.A., Mahdi H.S., AlThebi S.H., Alkhammash R., Alsharani A. // Humanities and Social Sciences Communications. – 2025. – URL: https://www.nature.com/articles/s41599-025-04474-y (дата обращения: 01.10.2025).

Amrate M., Tsai Pi-hua. Computer-assisted Pronunciation Training: a Systematic Review. – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – URL: https://www.cambridge.org/core/journals/recall/article/computerassisted-pronunciation-training-a-systematic-review/71E786F7DFC99727837909FDED7A2320 (дата обращения: 30.06.2025).

Coulange S. Computer-aided Pronunciation Training in 2022: When Pedagogy Struggles to Catch up // Proceedings of the 7 th International Conference on English Pronunciation: Issues and Practices / ed. by A. Henderson, A. Kirkova-Naskova. – Université Grenoble-Alpes, 2023. – P. 11–22. – URL: https://hal.science/hal-04159763/document (дата обращения: 17.11.2025).

Demenko G., Wagner A., Cylwik N. The Use of Speech Technology in Foreign Language Pronunciation Training // Archives of Acoustics. – 2010. – Vol. 35, N 3. – P. 309–329.

Higgins J. Computer Assisted Language Learning // Language Teaching. – 1983. – Vol. 16, N 2. – P. 102–114.

Hincks R. Speech Technologies for Pronunciation Feedback and Evaluation // ReCALL. – 2003. – Vol. 15, N 1. – P. 3–20.

Kedrova G., Borissoff L. The Concept of 'Basis of Articulation' in Russia in the First Half of the 20 th Century // Historiographia Linguistica. – 2013. – Vol. 40, N 1/2. – P. 151–198.

Levy M. CALL: Context and Conceptualisation. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 298 p.

Lindner G. Entwicklung von Sprechfertigkeiten. – Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1984. – 156 S.

Meinhold G., Stock E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache.–2., durchgesehene Aufl. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. – 256 S.

O'Shaughnessy D. Speech Communication: Human and Machine. – New York: Addison-Wesley Publishing Company, 1987. – 568 p.

Potapova R.K., Potapov V.V. Kommunikative Sprechtätigkeit: Russland und Deutschland im Vergleich. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.

Russian pronunciation // Rocket Languages. – URL: https://www.rocketlanguages.com/russian/pronunciation (дата обращения: 18.11.2025).

Qian X., Meng H., Soong F. A two-pass framework of mispronunciation detection and diagnosis for computer-aided pronunciation training // ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. – 2016. – Vol. 24, N 6. – P. 1020–1028.

Revell-Rogerson P.M. Computer-assisted Pronunciation Training (CAPT): Current Issues and Future Directions // RELC Journal. – 2021. – Vol. 52, N 1. – P. 1–17.

Wängler H.-H. Atlas deutscher Sprachlaute.–3., durchgesehene und erweiterte Aufl. – Berlin: Akademie-Verlag, 1964. – 125 S.

References

Acoustics: Handbook / A.P. Efimov, A.V. Nikonov, M.A. Sapozhkov, V.I. Shorov; ed. by M.A. Sapozhkov. 2 nd ed., rev. and enl. Moscow: Radio i svyaz', 1989. 336 p. (In Russian)

Ganiev Zh.V. *German Accent in Russian Speech*. In: *Russian Language for Foreign Students*. Moscow: Vysshaya shkola, 1971. Pp. 17–41. (In Russian)

Kedrova G.E., Muromtsev V.V. *Current State and Directions of Development of Distance Learning Systems.* In: *Bulletin of RSUH. Series: Economics. Management. Law.* 2017. N 4. Pp. 88–101. (In Russian)

Kolosov K.M. *Anthropophonic Analysis of the Sound System of Language (On the Articulatory Base of the German Language)*: Diss. … Candidate of Philology / Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Maurice Thorez. Moscow, 1972. 175 p. (In Russian)

Krylov S.A., Men'shikova Yu.V. *On the Aposteriori Approach to Theoretical, Practical and Applied Orthoepy.* In: *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2019. Vol. 1, N 1. Pp. 4–11. (In Russian)

Lefeldt V. *Accent and Stress in Modern Russian*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2006. 248 p. (In Russian)

Lefeldt V. *Accent and Stress in Modern Russian.* 2 nd ed., rev. and enl. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 288 p. (In Russian)

Popova M.V. *The Influence of a Foreign Accent on the Formation of the Speaker's Social Portrait: (An Experimental Phonetic Study Based on Russian and German):* Diss. … Candidate of Philology / Moscow State Linguistic University. Moscow, 2021. 172 p. (In Russian)

Potapov V.V. *The Concept of "Articulatory Base" as a Key to Understanding the Specifics of Spoken Language*. In: *Bulletin of Moscow State Linguistic University*. Series: Linguistics. 2016. Iss. 1 (740). Pp. 148–154. (In Russian)

Potapova R.K. *Syllabic Phonetics of the Germanic Languages.* Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 144 p. (In Russian)

Potapova R.K. *Speech Studies in Germany: Emergence, Development, Contribution to Phonetic Sciences*. In: *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics.* 1999. N 4. Pp. 80–88. (In Russian)

Potapova R.K. *Some Details to the Speaker's Portrait*. In: *RES LINGUISTICA: Collection of Articles for the 60 th Anniversary of Professor V.P. Neroznak*. Moscow: Academia, 2000. Pp. 304–313. (In Russian)

Potapova R.K. *Priority Trends of Present-Day Applied Linguistics*. In: *Conversion in Mechanical Engineering*. 2004a. N 3. Pp. 92–100. (In Russian)

Potapova R.K. *Priority Trends of Present-Day Applied Linguistics*. In: *Conversion in Mechanical Engineering.* 2004b. N 4. Pp. 97–106. (In Russian)

Potapova R.K. *New Information Technologies and Linguistics*. 5 th ed. Moscow: Librokom, 2012. 368 p. (In Russian)

Potapova R.K., Lindner G. *Features of German Pronunciation*. Moscow: Vysshaya shkola, 1991. 319 p. (In Russian)

Russian Stage Pronunciation / ed. by S.M. Kuzmina. Moscow: Nauka, 1986. 237 p. (In Russian)

"Phonetics Lesson: 14 German Proverbs, Practicing Pronunciation". URL: https://dzen.ru/video/watch/5fc8b751eb95a537347de5e0 (accessed 01.02.2025). (In Russian)

Cherepanova O.D. *Phonetic Features of German and Russian through the Prism of Tongue Twisters*. In: *Speech Technologies.* 2014. N 3–4. Pp. 77–91. (In Russian)

Cherepanova O.D. *Linguistic Support of Phonetic Trainers in Teaching German (Based on the Vocalism of Russian and German):* Diss. … Candidate of Philology. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2019a. 186 p. (In Russian)

Cherepanova O.D. *Acoustic Contrastive Analysis as a Tool for Linguistic Support of Phonetic Trainers (Based on the Vowels of Russian and German).* In: *Bulletin of Moscow State University. Series 9: Philology.* 2019b. N 4. Pp. 92–105. (In Russian)

A Scientometric Study of Computer-Assisted Pronunciation Training in Second Language Acquisition: Technological Affordances and Research Trends / Mohsen M.A., Mahdi H.S., AlThebi S.H., Alkhammash R., Alsharani A. In: *Humanities and Social Sciences Communications.* 2025. URL: https://www.nature.com/articles/s41599-025-04474-y (accessed 01.10.2025).

Amrate M., Tsai Pi-hua. *Computer-Assisted Pronunciation Training: A Systematic Review.* Cambridge University Press, 2024. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/recall/article/computerassisted-pronunciation-training-a-systematic-review/71E786F7DFC99727837909FDED7A2320 (accessed 30.06.2025).

Coulange S. *Computer-Aided Pronunciation Training in 2022: When Pedagogy Struggles to Catch Up.* In: *Proceedings of the 7 th International Conference on English Pronunciation: Issues and Practices* / ed. by A. Henderson, A. Kirkova-Naskova. Université Grenoble-Alpes, 2023. Pp. 11–22. URL: https://hal.science/hal-04159763/document (accessed 17.11.2025).

Demenko G., Wagner A., Cylwik N. *The Use of Speech Technology in Foreign Language Pronunciation Training.* In: *Archives of Acoustics*. 2010. Vol. 35, N 3. Pp. 309–329.

Higgins J. *Computer Assisted Language Learning*. In: *Language Teaching*. 1983. Vol. 16, N 2. Pp. 102–114.

Hincks R. *Speech Technologies for Pronunciation Feedback and Evaluation.* In: *ReCALL*. 2003. Vol. 15, N 1. Pp. 3–20.

Kedrova G., Borissoff L. *The Concept of 'Basis of Articulation' in Russia in the First Half of the 20 th Century.* In: *Historiographia Linguistica*. 2013. Vol. 40, N 1/2. Pp. 151–198.

Levy M. *CALL: Context and Conceptualisation.* Oxford: Oxford University Press, 1997. 298 p.

Lindner G. *Entwicklung von Sprechfertigkeiten.* Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1984. 156 S.

Meinhold G., Stock E. *Phonologie der deutschen Gegenwartssprache*. 2., durchgesehene Aufl. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. 256 S.

O'Shaughnessy D. *Speech Communication: Human and Machine.* New York: Addison-Wesley Publishing Company, 1987. 568 p.

Potapova R.K., Potapov V.V. *Kommunikative Sprechtätigkeit: Russland und Deutschland im Vergleich.* Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2011. 312 S.

Russian Pronunciation. In: *Rocket Languages.* URL: https://www.rocketlanguages.com/russian/pronunciation (accessed 18.11.2025).

Qian X., Meng H., Soong F. *A Two-Pass Framework of Mispronunciation Detection and Diagnosis for Computer-Aided Pronunciation Training*. In: *ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing.* 2016. Vol. 24, N 6. Pp. 1020–1028.

Revell-Rogerson P.M. *Computer-Assisted Pronunciation Training (CAPT): Current Issues and Future Directions.* In: *RELC Journal*. 2021. Vol. 52, N 1. Pp. 1–17.

Wängler H.-H. *Atlas deutscher Sprachlaute.* 3., durchgesehene und erweiterte Aufl. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. 125 S.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

УДК 81.0 DOI: 10.31249/ling/2026.03/08

Гусейнова И.А.[1]

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: БОНДАРЧУК Г.Г., ГОРОЖАНОВ А.И., ГРАЧЕВ Г.В. АНГЛИЙСКАЯ ПРЕДМЕТНАЯ ЛЕКСИКА (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ): МОНОГРАФИЯ. – КАЗАНЬ: БУК, 2025. – 156 с.

Аннотация. В рецензируемой монографии рассматривается история развития английской предметно-бытовой лексики с опорой на различные языковедческие и лингвокогнитивные теории. Особое внимание уделяется механизмам номинации при образовании предметно-бытовой лексики в разные исторические периоды. Исследование проводится на материале английского языка. Анализу подвергаются такие концепты, как «хлеб» и «пища», а также категория «питание», наименование одежды, объекты природы и некоторые другие артефакты. При этом предметные имена рассматриваются в качестве носителей семиотической информации, служащей выражению нравов, обычаев и традиций англоязычной бытовой культуры.

В книге авторы не только проводят изыскания, затрагивающие структурно-семантические аспекты предметно-бытовой лексики на материале английского языка, но и предпринимают попытку теоретико-методологического описания становления

[1] © Гусейнова И.А., 2026

Гусейнова Иннара Алиевна – доктор филологических наук, доцент, проректор по молодежной политике и воспитательной работе Московского государственного лингвистического университета; ginnap@mail.ru

жизненно важных концептов. Приводятся также результаты корпусного исследования.

Монографическое издание включает введение и заключение, три раздела, каждый из которых вскрывает специфику возникновения, становления и функционирования англоязычной предметно-бытовой лексики. Приводимые авторами книги теоретические положения подкрепляются конкретными иллюстративными примерами.

Ключевые слова: предметно-бытовая лексика; предметные имена; номинация; концепт; лингвокультура; корпусное исследование.

Для цитирования: Гусейнова И.А. [рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 123–129. – Рецензия на монографию: Бондарчук Г.Г., Горожанов А.И., Грачев Г.В. Английская предметная лексика (лингвистический, лингвосемиотический и лингводидактический аспекты изучения): монография. – Казань: Бук, 2025. – 156 с. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/08

Поступила в редакцию: 30.04.2026.
Принята в печать: 02.06. 2026.

Guseynova I.A.[*]

BOOK REVIEW: BONDARCHUK G.G., GOROZHANOV A.I., GRACHEV G.V. ENGLISH SUBJECT-RELATED VOCABULARY (LINGUISTIC, SEMIOTIC, AND LINGUODIDACTIC ASPECTS OF STUDY): MONOGRAPH.– KAZAN': BUK, 2025. – 156 p.

Abstract. The monograph under review examines the history of the development of the English subject-specific vocabulary based on various linguistic and linguocognitive theories. Particular attention is paid to the mechanisms of nomination in the formation of subject-specific vocabulary in different historical periods. The study is conducted using English language materials. The concepts analyzed include "bread" and "food", as well as the category of "nutrition", clothing names, natural objects, and several other artifacts. Object names are

[*] Guseynova Innara Alievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Vice-Rector for Project Work and Youth Policy, Moscow State Linguistic University; ginnap@mail.ru

considered carriers of semiotic information that express the mores, customs, and traditions of English-language everyday culture.

In the study, the authors not only explore the structural and semantic aspects of everyday vocabulary in English but also provide a theoretical and methodological description of the development of vital concepts. The results of a corpus study are also presented.

The publication includes an introduction and conclusion, three sections, each of which reveals the specifics of the emergence, development, and functioning of English-language everyday vocabulary. The authors' theoretical propositions are supported by specific illustrative examples.

Keywords: everyday vocabulary; object names; nomination; concept; linguaculture; corpus study.

For citation: Guseynova I.A. Book Review: Bondarchuk G.G., Gorozhanov A.I., Grachev G.V. English Subject-Related Vocabulary (Linguistic, Semiotic, And Linguodidactic Aspects Of Study): Monograph. – Kazan': Buk, 2025. – 156 p. // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2026. N 3. Pp. 123–129. DOI: 10.31249/ling/2026.03/08

Received: 30.04.2026.
Accepted: 02.06.2026.

В предлагаемой монографии во введении рассматриваются пути возникновения предметных имен в английском языке с научным акцентом на предметно-бытовую лексику. Авторы классифицируют предметно-бытовую лексику по трем областям: «жилище», «питание», «одежда», в которых отражается лингвокультурологическая специфика наименований, формирующая научную картину исследуемой лексики.

Первый раздел «Из истории развития английской предметно-бытовой лексики» (Г.Г. Бондарчук) посвящен изучению предметных имен в английском языке. Проводится анализ терминов, служащих обозначению предметной лексики, в том числе термин «конкретная лексика» (с. 9). Отмечается, что развитие новых парадигм современного гуманитарного знания поставило вопрос об уточнении терминологического аппарата. Обобщая труды отечественных и зарубежных исследователей, Г.Г. Бондарчук предлагает следующее определение предметной лексики: «непредикатная, которая включает в себя имена существительные, называющая предметы внешнего мира (артефакты, живые существа, природные

объекты и прочие вещественные реалии)» (с. 11). По мнению автора, предметно-бытовая лексика английского языка имеет ряд специфических черт: она занимает обширное лингвокультурологическое и семиотическое пространство, поскольку строится на когнитивно-категориальной основе, присущей именно английскому языку; категории предметно-бытовой лексики строятся на общем концептуальном знании, разделяемом всеми членами данной лингвокультуры; суперконцептами в бытовой сфере выступают жилище, питание, одежда; аналогия является главным принципом моделирования в системе словообразования и служит основой для порождения новых единиц номинации. Важным представляется утверждение о том, что *каждая из трех категорий предметно-бытовой лексики является иерархическим образованием, состоящим из трех уровней – высшего / среднего и низшего* (с. 12–13).

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что предметно-бытовая лексика формировалась в указанных выше сферах на основе корневых слов, ср.: *sealt (salt)*, *canne (can), mete (meat)* и т.п. Продуктивным представляется в более поздний период словосложение, например *sideboard, bedhead, sugar-loaf*; заимствования, прежде всего из французского языка, ср.: *saucer, pigeon, biscuit*, а также деривация, реализуемая при помощи исконных суффиксов *–ing/-yng, –le/-el*. Со временем ведущим способом создания наименований жилища стала семантическая деривация, ср.: *nursery, roof, service, stuffing, breakfast* и другие. Упомянуты также и другие пути расширения словаря английского языка – конверсия, префиксация, апеллятивация, сокращение.

При анализе специфики семантической деривации уточняется, что появление новых лексических значений осуществляется посредством метонимии и метафоры.

Во втором разделе «Предметно-бытовая лексика английского языка как когнитивная категория» Г.Г. Бондарчук описывает фрейм категории английских наименований питания, выделяя: «материал, форму, отношение к другим предметам, оценку (вкусовых качеств и др.), возраст потребителя, время потребления, место потребления» (с. 38). Субкатегоризация также осуществляется с учетом вышеуказанных параметров, в том числе с упоминанием материала, формы и размера, ср.: *small, little, big, large* и т.п. Анализируя суперконцепт «хлеб», Г.В. Грачев отмечает, что этимология современной лексемы *bread* восходит к Евангелию из Линдисфарна (см. с. 44) и соответствует созвучным понятиям, используемым в древнефризском, древнесаксонском, древневерхненемецком,

среднеголландском, древнеисландском вариантах языка. Однако в древнеанглийский период предпочтение отдавалось другому лексическому обозначению хлеба, а именно *loaf*. Указанная лексема имела в древнеанглийском языке три распространенных значения, что и послужило ее внедрению в общеупотребительный язык. Принято считать, что лексическая единица *loaf* служит обозначению состава хлеба, способу его изготовления, а также его предназначения, в то время как *bread* использовался в двух значениях, причем второе значение не могло рассматриваться в качестве общеупотребительного. Примечательно, основными, зафиксированными в английских источниках продуктами питания, были *пиво, кусок хлеба, бульон, масло, сыр, курица, ветчина, хлеб, орех, мед, молоко, соль, вода, вино* (с. 48). Отмечается наличие и обобщающих понятий, таких как *пища / еда, пища / мясо, напиток* (с. 48). Данные языковые факты свидетельствуют о том, что лексическая категоризация играет существенную роль в формировании концептуальной и языковой картины мира (с. 48). Подчеркнуто, что «для древнеанглийского языка характерна ограниченная репрезентация лексических категорий субординатного уровня» (с. 50). Последнее означает, что для разного вида хлебобулочных изделий использовалось только категория базового уровня, ср.: hlāf (*loaf*). Подобные изыскания были проведены Г.В. Грачевым применительно к суперконцепту food (питание). Его распространению послужил потенциал лексемы, который позволил лексической единице выступать в качестве словообразовательного элемента, стимулирующего возникновение наименований блюд, продуктов и т.п., поскольку появилась необходимость в точной дифференциации продуктов питания по нескольким концептуальным признакам. Подчеркивается, что развитие языковых категорий «идет в первую очередь по пути расширения границ, увеличения числа категорий» (с. 56). Это означает, что категоризация выступает одним из наиболее важных способов, служащих упорядочиванию предметов и явлений окружающей действительности. Справедливо отмечается, что категория питания в широком смысле может рассматриваться как предметное имя, и одновременно в узком смысле в качестве одной из предметно-бытовых категорий. Приведенное выше утверждение релеванто также для категорий «жилище» и «одежда». Авторы данного раздела описывают также причины разделения категории на подкатегории. По мнению исследователей, этому обстоятельству способствует усложнение видов деятельности человека, возникновение новых знаний в той или иной

предметной области, а также усовершенствование коммуникационных каналов получения и распространения знаний. В разделе описана также методика корпусного исследования, предложенная А.И. Горожановым. Научный интерес представляет анализ контекстных значений наименований одежды, формирующих концептуальные признаки суперконцепта «одежда». В качестве иллюстративного примера приводится лексема «обувь» (shoes). Ниже приводится алгоритм или, скорее, методика работы с концептом. Итак, обувь рассматривается как родовое понятие и одновременно как разновидность одежды; уточняется бренд обуви; уточняются характеристики обуви, вытекающие из контекстного описания; описывается функциональное назначение обуви; учитывается ее принадлежность конкретному лицу; уточняется ее имиджевые характеристики и веяния моды. Вышеперечисленные шаги, приведенные в обобщенном виде, подкрепляются контекстами на английском языке.

Третий раздел «Функционирование английской предметно-бытовой лексики: лингвосемиотический и лингводидактический аспекты» посвящен рассмотрению предметных имен с учетом разных аспектов. Авторы раздела, Г.Г. Бондарчук и Г.В. Грачев, анализируют предметную и предметно-бытовую лексику на материале художественной литературы с опорой на семиотически маркированные ситуации, требующие инференции, т.е. «семантического вывода» (с. 78). Подчеркивается важность наличия фоновых знаний, которые поддерживают процедуру получения выводного знания. Ключевую роль играют при этом знание о семиотической роли предметной лексики, символизирующей специфику жизни того или иного социума. Так, например, в Англии, «начиная со Средневековья, издавались законы, строго регламентировавшие, какую одежду могли и должны были носить определенные социальные группы, включая и высшие слои английского общества» (с. 83). Также, например, соблюдались часы приема пищи. Предметом дискуссии служили вопросы моды. Одновременно все более разнообразным становилось питание. Принято считать, что в XVII в. была открыта первая *кофейня* в Оксфорде (*coffee house*), появился так называемый *культ кларета* (*the cult of claret*) и т.п. Далее в монографии приводятся многочисленные примеры из англоязычной художественной литературы, позволяющей сделать вывод о ее специфике на основе употребления предметной и предметно-бытовой лексики в маркированных ситуациях.

В заключение делается вывод о том, что предметная и предметно-бытовая лексика является когнитивной категорией. Существенную роль в англоязычной культуре играют суперконцепты. Субкатегоризация, в которую включены наименования из категорий «жилище», «питание», «одежда», строится по прототипическому принципу. Предметная и предметно-бытовая лексика нередко выступает источником получения дополнительной культурологической информации. Достигнутые результаты исследования могут быть внедрены в образовательный процесс и, несомненно, послужат повышению качества обучения английскому языку.

УДК 81.0 DOI: 10.31249/ling/2026.03/09

Раренко М.Б.[1]

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИНОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: МОНОГРАФИЯ / ПОД РЕД. И.В. ОБРАЗЦОВА; ФГБОУ ВО МГЛУ. – МОСКВА: ПРОМЕТЕЙ, 2025. – 766 с.

Аннотация. Монография состоит из введения, четырех разделов («Теоретико-методологические основы социологического анализа иноязычного образования», «Исторические, социально-стратификационные и экономические аспекты отечественного иноязычного образования», «Иноязычный компонент в общеобразовательной школе: состояние, тенденции и проблемы развития», «Иноязычный образовательный компонент в высшей школе: состояние, тенденции и проблемы развития»), заключения, библиографии, шести приложений. В рецензируемой части книги обсуждаются важнейшие для социолингвистики и социологии языка понятия «языковая личность», «вторичная языковая личность», «билингвизм», «межкультурная коммуникация», объем их содержания в социолингвистике, социологии языка и некоторых смежных науках. Авторы монографии одной из своих задач ставят разграничение проблем полей социолингвистики и социологии языка. Делаются попытки проследить становление социолингвистики и социологии языка. Определяются тематические рамки потенциального проблемного поля социологии языка (в противовес социо-

[1] Раренко М.Б., 2026

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; rarenco@rambler.ru

лингвистике), обусловленные изучением различных аспектов речевого поведения различных социальных общностей (групп).

Ключевые слова: социология языка; социолингвистика; язык; языковая личность; вторичная языковая личность; билингвизм; межкультурная коммуникация; проблемное поле социолингвистики; проблемное поле социологии языка.

Для цитирования: Раренко М.Б. [рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 3. – С. 130–145. – Рецензия на книгу: Иноязычное образование в условиях современных политических, экономических и культурных реалий развития России: социологический анализ: монография / под ред. И.В. Образцова; ФГБОУ ВО МГЛУ. – Москва: Прометей, 2025. – 766 с. – DOI: 10.31249/ling/2026.03/09

Поступила в редакцию: 30.04.2026.
Принята в печать: 02.06. 2026.

Rarenko M.B.[*]

BOOK REVIEW: FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN THE CONTEXT OF MODERN POLITICAL, ECONOMIC AND CULTURAL REALITIES OF RUSSIA'S DEVELOPMENT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS: A MONOGRAPH / EDITED BY I.V. OBRAZTSOV; MOSCOW: PROMETHEUS. 2025. 766 p.

Abstract. The monograph consists of an introduction, four sections (“Theoretical and methodological foundations of the sociological analysis of foreign language education”, “Historical, socio-stratification and economic aspects of Russian foreign language education”, “Foreign language component in secondary schools: state, trends and problems of development”, “Foreign language educational component in higher education: state, trends and problems of development”), Conclusion, Bibliography, six appendices. The reviewed part of the book discusses the concepts of “linguistic personality”, “secondary linguistic personality”, “bilingualism”, “intercultural communication”, which are important for sociolinguistics and the sociology of language, and the scope of their content in sociolinguistics, the sociology of language, and some related sciences. The authors of the monograph set one of their tasks to

[*] Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

distinguish the problems of the fields of sociolinguistics and sociology of language. Attempts are being made to trace the formation of sociolinguistics and the sociology of language. The thematic framework of the potential problem field of the sociology of language along with sociolinguistics is being determined, due to the study of various aspects of speech behavior of various social communities (groups).

Keywords: sociology of language; sociolinguistics; language; linguistic personality; secondary linguistic personality; bilingualism; intercultural communication; problem field of sociolinguistics; problem field of sociology of language.

For citation: Rarenko M.B. Book Review: Foreign Language Education in the Context of Modern Political, Economic and Cultural Realities of Russia's Development: A Sociological Analysis: A Monograph / Edited by I.V. Obraztsov; Moscow: Prometheus. 2025. 766 p. // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2026. N 3. Pp. 130–145. DOI: 10.31249/ling/2026.03/09

Received: 30.04.2026.
Accepted: 02.06.2026.

Рецензируемая монография, подготовленная коллективом социологов МГЛУ (Бессонова М.О., Дубограй Е.В., Левченко О.Ю., Образцов И.В., Передня Д.Г., Половнев А.В., Примаков В.Л., Саблуков А.В., Салихова И.С., Смирнова Ю.А., Станевич А.Ю.), представляет определенный интерес для языковедов, занимающихся в первую очередь вопросами социолингвистики. Монография состоит из введения, четырех разделов – повтор информации из аннотации («Теоретико-методологические основы социологического анализа иноязычного образования», «Исторические, социально-стратификационные и экономические аспекты отечественного иноязычного образования», «Иноязычный компонент в общеобразовательной школе: состояние, тенденции и проблемы развития», «Иноязычный образовательный компонент в высшей школе: состояние, тенденции и проблемы развития»), заключения, библиографии, шести приложений. В своей рецензии мы по понятным причинам сконцентрируемся на первом разделе монографии (с. 31 – 175).

Во введении авторы монографии справедливо отмечают, что «иноязычная подготовка, имманентно присущая отечественной системе образования с момента ее становления и сохранявшаяся на всех этапах развития, в настоящее время становится предметом

публичных дискуссий о ее месте и роли в процессе социализации подрастающего поколения», что во многом и послужило причиной написания данной работы. Вопрос о необходимости иноязычного образования[1], его объеме, программах и пр. в последние годы стал настолько актуальным, что в России только за последние годы были опубликованы десятки монографий, не говоря уже о сотнях статей, в которых обсуждаются различные аспекты иноязычного образования как в общеобразовательной, так и в высшей школе.

Отмечается, что иноязычное образование реализуется посредством знакомства с иной культурой, иным менталитетом, благодаря чему происходит культурное обогащение обучающихся, способствующее преобразованию знаний о культуре страны изучаемого языка в нравственно-эстетические убеждения, в нормы и принципы духовной жизни, в умения и навыки творческой деятельности, обретению опыта диалогического взаимодействия, способности и готовности к дальнейшему самообразованию с помощью иностранного языка в разных областях знания.

Поскольку в основу работы над монографией был положен социологический подход, то именно он определяет вектор исследования, что, на наш взгляд, расширяет представление об описываемом предмете, даже несмотря на то, что, как замечают авторы, в социологии «проблематика иноязычного образования разработана недостаточно» (с. 17). То, что социологи редко обращаются к вопросу иноязычного образования, авторы монографии объясняют, с одной стороны, «трудностями теоретико-методологического и методико-технологического характера, непосредственно относящихся к области социологии», а также «определенными языковыми трудностями *терминологического характера*» (с. 22). Более того, «социологический анализ проблем иноязычного образования предполагает использование возможностей и достижений отраслевых социологий...» (с. 23).

В связи с вышесказанным в монографии поднимается вопрос о таком особом направлении социологии, как социология языка. Попутно отмечается, что «по состоянию на сегодняшний день ни в одном из социологических журналов нет постоянно действующей

[1] Термин был введен в научный обиход советским и российским лингвистом Е.И. Пассовым. Следует отличать иноязычное образование от лингвистического, под последним понимается подготовка профессиональных лингвистов: преподавателей иностранного языка, переводчиков, исследователей в области фундаментальной и прикладной лингвистики.

рубрики по социологии языка», что закономерным образом «ставит перед авторами данного издания непростые задачи по изучению, обобщению и анализу проблем иноязычного образования» (с. 25).

В монографии ставятся многочисленные задачи, среди которых для языковедов интересны прежде всего следующие: каковы современные теоретико-методологические основания социологического анализа проблем иноязычного образования? Какую роль в социализации и развитии молодого поколения играет изучение и использование в практической деятельности иностранных языков? Какова их роль в осуществлении межкультурной коммуникации? В проблемное поле какой из отраслевых социологий входит проблематика иноязычного образования? И если в качестве таковой рассматривать социологию языка, то каким образом ее предметная область соотносится с предметными областями социолингвистики и переводоведения? Насколько правомерно говорить о формировании «переводческой социологии»?

В первый раздел монографии были включены три главы: «Язык и личность в социологическом измерении», «Иностранные языки в системе межкультурной коммуникации», «Социология языка: предметная область, межпредметные связи и проблематика исследований».

Обращаясь к вопросу языка и личности с позиций социологии, авторы монографии предлагают обсудить такие аспекты проблемы: языковая личность как социальный феномен, вторичная языковая личность, билингвизм как социальный феномен. Эти аспекты являются в то же время актуальными и для социолингвистики.

Пристальное внимание авторы монографии уделяют содержанию терминов «языковая личность» и «вторичная языковая личность» (*linguistic identity, language identity, linguistic personality* на английском; *identité linguistique, personnalité linguistique* – на французском; *Sprachidentität, sprachliche Identität* на немецком языках), которые пришли в социологию из филологии. Подробно рассматривается история возникновения терминов, их использование, начиная с середины XIX в., приводятся цитаты из работ ведущих зарубежных и отечественных исследователей, в трудах которых термины встречаются: немецкого филолога В. Гумбольдта, американского лингвиста Э. Сепира, немецкого языковеда и педагога, специалиста по немецкому языку Л. Вайсгербера, академика В.В. Виноградова, доктора филологических наук Г.И. Богина.

Приводится определение «языковой личности», данное Ю.Н. Карауловым: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью выражения действительности; в) определенной целевой направленностью». Также авторы монографии рассматривают типы языковых личностей с точки зрения различных наук и областей знания, представленных в работе В.И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс».

Авторы монографии, рассматривая человека в качестве участника социальной коммуникации, личность которого проявляется в общении с другими индивидами, предлагают классификацию языковой личности по признаку естественности общения: 1) человек, для которого общение на родном языке является естественным в его коммуникативной среде; 2) человек, для которого естественным является общение на чужом языке в его коммуникационной среде (например эмигранты или люди, использующие язык международного общения для естественной коммуникации, – выступление ученого на французском языке на научной конференции); 3) человек, говорящий на языке в учебных целях, не относящихся к характеристикам естественной среды общения. Отмечают, что наряду с термином «языковая личность» используются также понятия «речевая личность» и «коммуникативная личность». Отмечают, что в отечественной социологии «термин “языковая личность” напрямую встречается крайне редко» (с. 42), однако присутствует использование близкого по значению термина «коммуникативная личность» в работе В.П. Конецкой, под которым понимается «одно из проявлений личности, обусловленной совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственной коммуникативной компетенцией – умением выбрать коммуникативный код, обеспечивающий адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации.

Подчеркивается, что отечественные социологи признают важность обращения к языку как объекту, в том числе и социологического исследования. Более того, в монографии приводятся факты, свидетельствующие о том, что отдельные отечественные социологи (например социолог-марксист А.А. Богданов) еще в са-

мом начале становления социологии как науки не только обращали внимание на роли языка в жизни общества и индивида, но и рассматривали язык в качестве производного мышления, возникшего на основе собственного и коллективного опыта: «А.А. Богданов, не используя термин “языковая личность”, по сути, предполагает и призывает к массовому, всеобщему образованию у рабочих того, что сегодня мы называем “вторичной языковой личностью”» (с. 46).

Авторы монографии подчеркивают, что в зарубежной социологии исследование языковой личности часто (и справедливо) связывают с работами французского социолога П. Бурдье, который, несмотря на то, что он не использовал в своих работах непосредственно термин «языковая личность», считал язык ярчайшим маркером социального статуса личности в обществе, одной из форм культурного капитала. Следующий этап в социологических науках, позволяющий взглянуть на проблемы использования языка, связан с разработкой нового метода – метода дискурсивного анализа, автором которого принято считать французского философа и социолога М. Фуко, утверждавшего, что дискурс – это не только средство общения, но и способ установления полномочий и власти. Однако и он в своих исследованиях о взаимосвязи личности и языка (дискурса) не упоминал. Нидерландский лингвист Т. ван Дейк, отмечающий важность изучения социального контекста дискурса, также способствовал усилению интереса социологов к вопросам языка, как и Р. Водак, Н. Фэркло, З. Харрис и др. Позднее вопрос о языковой личности поднимался в работах американского социолога и исследователя повседневности Г. Гарфинкеля, который в 1954 г. вводит в научный оборот термин «этнометодология», благодаря которому он изучал этнометоды (обыденные методы), т.е. методы, которыми пользуются индивиды для осмысления и понимания своих действий и речи других. Его знаменитые эксперименты, получившие название «гарфинкелинги», и анализ языка звонящих в экстренные службы помощи выявили, что язык, помимо коммуникационной стороны, обладает еще и функцией создания социальной реальности в виде латентных ожиданий в повседневности. Приблизительно в это же время немецкий социолог Ю. Хабермас, один из представителей франкфуртской школы, в работе «Что такое универсальная прагматика?» описал свою теорию коммуникативного действия, в которой соединяет воедино дискурс и культурную политику.

Таким образом, одновременно с развитием социолингвистики развивается особое направление социологических исследований – социология языка. Авторы коллективной монографии справедливо отмечают, что «язык становится также предметом изучения социолингвистики (на Западе еще распространен термин "лингвосоциология"), основными представителями которой являются известные лингвисты и социологи: М. Барлоу и Ч. Фергюсон, М. Коэн, М. Силверстайн, Дж. Фишман и др.» (с. 50). К сожалению, попеременное использование понятий «социолингвистика» и «социология языка» (фактически их использование в качестве синонимов) в одном контексте затрудняет понимание того, что имеют в виду авторы монографии. Например, говоря об ученике известного французского лингвиста А. Мейе – М. Коэне, что он «считается основоположником современной социолингвистики» (с. 51), упоминают его труд – «Материалы по социолингвистике», приводя оригинальное название "Matériaux pour une sociologie du langage" (букв. «Материалы по социологии языка») (там же). А чуть ниже цитируется еще одна работа Коэна «К социологии языка», имеющая оригинальное название "Pour une sociologie du langage" (там же). Далее поясняется, что «в упомянутом труде лингвист рассуждает о роли языка в обществе, его взаимосвязи с социальным миром, а также намечает программу социолингвистических исследований, охватывающих огромное поле проблем современной социолингвистики» (с. 51), и делается вывод, что «Коэн одним из первых определяет проблемное поле и направления исследований социолингвистики и анализирует взаимосвязь цепочки "язык – общество", определяя прямую зависимость между ними» (с. 51–52).

У читателей тогда возникают вполне закономерные вопросы: сам М. Коэн считал понятия «социолингвистика» и «социология языка» синонимами? Задумывался ли он об их разграничении? Случайно ли авторы рецензируемой монографии используют в первом случае термин «социолингвистика», когда в оригинале une *sociologie du langage*, а во втором «социология языка» (в оригинале также *une sociologie du langage*)?

Обращаясь к работам французского философа Ж.-П. Фэя, авторы монографии отмечают, что он «использует термин "социология языка" (*sociologie du langage*) для описания тоталитарных обществ, в которых происходит злоупотребление языком» (с. 52). Современный бельгийский социолог К. Жаво связывает с социальным порядком социологию языка, которая, как он полагает, явля-

ется его неотъемлемой частью. Американский социолог и лингвист Дж. Фишман, наоборот, считает, что социология языка (*sociology of language*) исследует взаимодействие между языком и социальной организацией поведения человека (с. 52–53). В монографии подробно излагаются взгляды ряда социологов на проблему языка (и в этом состоит огромная заслуга авторов монографии, проделавших большую работу по сбору материала, что нашло отражение во внушительном списке библиографии). Авторы монографии не ограничиваются европейской, американской и отечественной «географией» социолингвистики и социологии языка и привлекают работы китайских исследователей, в частности, Л. Цзюаня.

Интерес авторов монографии к понятию «вторичная языковая личность», вошедшему в научный оборот в 1980-е годы и являющемуся производным от языковой личности, связан с социализацией индивида в процессе овладения им иностранным языком. Как известно, формирование вторичной языковой личности происходит в процессе расширения границ языковой личности, погружения в культуру страны и народа изучаемого языка, с изменяющейся собственной идентификацией. То есть, в структуре языковой личности происходит процесс приращения за счет формирования черт, присущих культуре представителей другого языка.

В иностранной литературе понятию «вторичная языковая личность» эквивалентны англоязычные термины: *secondary language personality, secondary linguistic personality, secondary linguistic persona, secondary linguistic identity, second language identity* или *L2 identity*. На французском встречаются: *identité de langue seconde, L2 identité* и *personnalité linguistique secondaire*. На немецком данный термин практически не встречается, но имеются следующие аналоги: *Sekundärpersönlichkeit, sekundäre sprachliche Identität, Identität der zweiten Sprache* и др. Отмечается, что в отечественной социологии очень мало исследований, объектом которых являлась бы «языковая личность», и справедливо указывается, что «данная проблематика для отечественной социологии представляется ВЯЛ [вторичная языковая личность. – *Прим. наше. М. Р.*] феноменом, обладающим значительным эвристическим потенциалом» (с. 64).

Еще одно понятие, подробным образом анализируемое в монографии, – «билингвизм», авторство которого приписывается американцу У. Вайнрайху и канадцу У. Маккею и понимается как способность человека попеременно использовать два языка. Мнения исследователей относительно того, в какой степени владение

двумя (и более) языками можно считать билингвизмом, различаются. В своей работе «Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования» У. Вайнрайх в качестве синонимов билингвизма также использует термины «двуязычие» и «интерференции». У. Маккей высказал мысль о том, что язык является собственностью группы, в то время как билингвизм – собственностью человека. Американский лингвист Л. Блумфилд считает, что билингвизм – это владение двумя языками на уровне родного языка. Дж. Макнамара придерживается иной точки зрения: билингвизмом обладает любой субъект, обладающий минимальными знаниями в одном из четырех аспектов языка – аудировании, чтении, письме и говорении. Похожую точку зрения демонстрирует Э. Хауген, полагающий, что билингвизм выражается в способности воспроизводить осмысленные фразы на неродном языке. М. Коэн в работе «К социологии языка» выделяет несколько подвидов билингвизма. Согласно Дж. Фишману, многоязычие представляет собой использование в повседневной практике двух и более языков. Таким образом, понятие «многоязычие» рассматривается в более широком значении, чем «билингвизм». Отечественные лингвисты А.Д. Швейцер и Л.Б. Никольский различают билингвизм и диглоссию: билингвизм – это набор языков, в то время как диглоссия – набор форм речи одного языка, однако как билингв, так и диглоссный индивид в зависимости от целей коммуникации и самой ситуации используют разные языки (с. 69).

Подытоживая рассуждения, авторы монографии подчеркивают, что в зависимости от подхода языковая личность интерпретируется по-разному: в рамках лингвистического подхода упор делается на языковые особенности личности (построение предложений, использование лексики и лингвистических оборотов), а в социологии язык рассматривается «как часть общества… Посредством языка индивид осуществляет коммуникацию с другими представителями рода, социальными группами, сообществами, а также воспринимает, обрабатывает и передает информацию» (с. 74). Психолингвистический подход акцентирует внимание на психологических особенностях личности и ее поведении. Термин «вторичная языковая личность» употребляется в контексте изучения иностранного языка (языков) и является расширением границ языковой личности. Вторичная языковая личность сегодня, зачастую, является целью обучения иностранному языку в педагогическом процессе, и поэтому в наибольшей степени изучается в педагогике, преподавании иностранных языков. Отмечается, что

довольно часто термин «вторичная языковая личность» используется наряду с понятием «билингвизм», под которым понимается владение двумя иностранными языками на уровне носителя, при этом один из двух языков может быть доминирующим. Также отмечается, что при билингвизме два языка используются на равных основаниях, в то время как при диглоссии есть явная иерархия языков: один из языков считается более престижным и предпочтительным для передачи сложных идей (наука, литература, религия), в то время как другой язык рассматривается как менее важный (бытовое или повседневное общение). Понятия «билингвизм» и «вторичная языковая личность» также различаются: билингв – человек, свободно владеющий двумя иностранными языками, в то время как вторичная языковая личность – личность, усваивающая в процессе социализации языковые и культурные паттерны, позволяющие ей владеть иностранным языком и осуществлять межкультурную коммуникацию на уровне носителей культуры страны изучаемого языка. Билингвизм способствует формированию у индивида вторичной языковой личности второго языка, потому что человек не только может говорить на двух языках, но и думать как полноценный носитель другой культуры (с. 74–77).

Описанные выше понятия имеют непосредственное отношение к проблемам так называемой межкультурной коммуникации, проблемы которой были подняты в своих исследованиях американскими антропологами Р. Линтоном, Р. Редфилдом и М. Херсковицем в начале XX в. при попытке объяснить феномен американского «плавильного котла», способствующего формированию единой американской нации из многочисленных этнических и языковых групп, а в дальнейшем, в 60–70-е годы XX в., когда миграционные процессы стали носить массовый характер, а проблемы адаптации к иной социокультурной среде вышли на первый план, были признаны еще более актуальными. В России исследования по межкультурной коммуникации были предприняты во второй половине XX в. (см. работы Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, И.Д. Пассова, С.Г. Тер-Минасовой, И.И. Халеевой и др.). В качестве синонимов понятия «межкульутрная коммуникация» в отечественной и значительно чаще в зарубежной литературе встречаются «кросс-культурная коммуникация», «кросс-расовая коммуникация», «интернациональная коммуникация», «панкультурная коммуникация», «транскультурная коммуникация» и др. Отмечается, что объем термина «межкультурная коммуникация», в зависимости от подхода – психологического, педагогического, лин-

гвистического и социологического, – может различаться у разных авторов. В самом общем виде, или, как пишут авторы монографии, «если же обратиться к теории межкультурной коммуникации (основоположником которой считают Э. Холла. – *Прим. наше. М. Р.*) как самостоятельному научному направлению, то она исходит из того, что процесс межкультурной коммуникации осложняется наличием целого ряда барьеров: собственно языковых, барьеров невербальной коммуникации, существующих у участников межкультурной коммуникации определенных стереотипов по отношению друг к другу и различий между ними в ценностных ориентациях» (с. 87).

Довольно подробно представлена в монографии теория культурной грамотности Э. Хирша, главной целью которой признается формирование необходимых навыков и знаний носителей языка для адекватной коммуникации с носителями других языков и культур, что также можно поставить в заслугу авторам монографии (с. 92).

В главе третьей «Социология языка: предметная область, межпредметные связи и проблематика исследований» рассматриваются теоретические предпосылки и процесс становления социологии языка как отдельного социологического направления. Авторы монографии отмечают, что языковая проблематика в той или иной мере присутствует в проблемном поле многих отраслей социологической науки: в социологии личности, социологии культуры (и искусства), социологии образования (и воспитания), социологии знания, этносоциологии, социологии коммуникаций, социологии управления, социологии СМИ, цифровой социологии, социологи международных отношений и др.: «все они сквозь призму своей предметной области рассматривают язык в качестве инструмента взаимодействия и / или фактора, влияющего на развитие личности, социальных общностей, социальных групп, социальных институтов и всего общества» (с. 109), при этом язык не является предметом непосредственного исследования ни одной из этих отраслей.

Язык (языковое или речевое поведение) относится к предметной области социологии языка, основы которой были заложены, как считается, одним из классиков социологической науки Э. Дюркгеймом на том основании, что введенный им в научный оборот ключевой термин «социальный факт» в дальнейшем был использован для рассмотрения его через призму языка. В статье «Социология и социальные науки» (1903), написанной совместно с П. Фоконне, Э. Дюркгейм, в частности, рассмотрел язык как «кол-

лективную реальность, внешнюю по отношению к индивидам, существующую сама по себе и навязываемую им» (с. 110), что создало предпосылки для изучения языка как «предмета», «вещи» (*des choses*), т.е. объективно, с помощью эмпирических методов для понимания его сущности и влияния на общество. При этом, отмечают авторы монографии, принято считать, что первая заявка с претензиями на существование социологии языка в контексте ее взаимосвязи с социолингвистикой была сделана в публикациях американцев Дж. Фишмана и У. Лабова, британцев Б. Бернштейна и Р. Хадсона, австралийца М. Халлидея и др. на рубеже 1960–1970-х годов.

Дальнейшему становлению социологии языка (и социолингвистики) способствовали работы американского социолога Дж. Герцлера и менее известного французского лингвиста М. Коэна. В связи со становлением социологии языка в монографии упомянута работа российского и советского лингвиста М.Н. Петерсона, который «по крайней мере за 30 лет до начала научной деятельности указанных выше ученых, в своей обзорной статье "Язык как социальное явление" (1927) связывал процесс формирования основ социологии языка с именами знаменитых лингвистов В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра» (с. 112) и представил этапы формирования основ социологии языка по схеме: «В. фон Гумбольдт – Ф. де Соссюр – А. Мейе». Авторы монографии обращают внимание на тот факт, что в начале XX в. появились «пионерские публикации, содержавшие термины "социология языка" и "лингвистическая социология"» (с. 113), авторами которых были польский лингвист К. Аппель, французский криминолог и лингвист Р. де ла Грассери, австрийский лингвист Й. Хубер и которые были логическим развитием идей Э. Дюркгейма о языке как социальном факте, трансформированных в понятия «язык как социальная система», «лингвистические факты», «лингвистическая социология». Становление социологии языка в России авторы монографии связывают с именами В.Н. Волошинова и профессора И.Н. Шпильрейна.

Представляют определенный интерес разделы «Современные представления о предметной области и направлениях исследований социологии языка» и «Социология языка и социолингвистика: взаимосвязь и разграничение предметных областей».

Согласно мнению американского социолога Р. Кьолсета, социология языка описывается как «интегрированный, междисциплинарный, основанный на множестве методов и многоуровневый

подход к изучению естественного, развивающегося в определенной последовательности и обусловленного социальной ситуацией языкового поведения» (с. 122). Согласно польским исследователям А. Пиотровскому и М. Циолковскому, социология языка предметом своих исследований имеет: 1) прежде всего – языковое поведение; 2) затем реакции людей на такое поведение; 3) то, что они думают как о самом языковом поведении, так и реакциях на него (с. 122). В частности, авторы рецензируемой монографии обращают внимание на то, что упоминание термина «социология языка» можно встретить преимущественно в статьях по социолингвистике, и в этом видят главную особенность англоязычной справочной литературы по социологии. А. Гримшоу, описывая предметную область социолингвистики, под «социологией языка» понимает «макроуровень социолингвистики» и отмечает тенденцию ее фокусировки «на исследованиях распределения языковых разновидностей по индивидуальным репертуарам и распределения репертуаров по социальным общностям, категориям и группам (нациям или классам, полам или возрастным группам и т.д., семьям или дружеским связям соответственно)» (с. 123–124), а С.-Ч. Чен в «Энциклопедии языка и образования» пишет: «Социология языка изучает сложные взаимоотношения между языком и обществом, уделяя особое внимание тому, как языковое поведение отражает и формирует социальные структуры (с. 124). Эта область охватывает различные аспекты, включая использование языка, отношение к нему, динамику многоязычия и языковых конфликтов. Она охватывает описательные и динамические аспекты, а также анализирует влияние более широких социальных и политических контекстов на использование языка на макроуровне».

Отмечается, что возрождение интереса к социологии языка в России фиксируется в 1960–1970-е годы «исключительно в недрах лингвистики» «в виде критико-интерпретационной версии подходов зарубежных авторов» «при игнорировании и / или критическом отношении к теоретическому и эмпирическому наследию советских исследователей периода 1920–1930-х гг.» (с. 125). Среди произведений современной социолингвистической литературы особое место, по мнению авторов монографии, занимают работы Н.Б. Вахтина и Е.В. Головко, в частности учебное пособие «Социолингвистика и социология языка» (2004).

Подводя итоги, авторы монографии приходят к следующим выводам. «*Социология языка – отрасль социологической науки, объектом которой является язык как социальное явление, а пред-*

метом – разновидность социального поведения: речевое поведение индивидов и социальных общностей (групп) как процесс и результат практического использования ими языковых (знаковых, кодовых) систем в конкретных жизненных ситуациях и условиях функционирования конкретного социума» (с. 145). Социологов интересуют субъекты речевого поведения – «социальные общности (группы) с их типичными социально-демографическими характеристиками, ценностями, мотивами и социальными установками, объясняющими особенности их речевого поведения» (с. 145). Таким образом, «главный фокус социологического анализа сосредоточен на социальных общностях (группах) – носителях речевого поведения, в их одновременном и двойственном проявлении, и в качестве "языковых общностей" (*linguistic community*), обладающих "инвентарем языковых единиц", и "речевых общностей" (*speech community*), отличающихся употреблением этих единиц в речи» (с. 145).

Примерные тематические рамки потенциального проблемного поля социологии языка, обусловленные изучением различных аспектов речевого поведения различных социальных общностей (групп), социологи МГЛУ предлагают определить так: 1) изучение роли и значения родного, государственного и иностранного языков на различных этапах процесса первичной и / или вторичной социализации личности (в рамках теоретико-методологических подходов к языковой личности, вторичной языковой личности, билингвизма, диглоссии и др.); 2) проблемы освоения родного и государственного языков, а также иноязычного обучения на разных ступенях образования, формальных и неформальных видов, форм и практик освоения языковых компетенций, их практической реализации в условиях повседневного общения и трудовой / учебной деятельности различных социальных общностей (групп); 3) функционирование и развитие национальных языков в поликультурном обществе, поддержание полилингвального многообразия этнокультурных территориальных сообществ, взаимодействие разнородных этноконфессиональных общностей и этнических групп. Поиск путей регулирования конфликтов, возникающих на языковой и культурной основе; 4) социологический мониторинг и социологическое сопровождение процессов языкового планирования и реализации мероприятий государственной языковой политики и др. (с. 149).

В заключение подчеркнем, что подготовленная социологами МГЛУ коллективная монография обобщает достижения отечест-

венных и зарубежных исследователей, изучающих язык с позиций социолингвистики и социологии языка и других смежных наук. Авторами также собрана богатейшая библиография по представленной тематике. Хочется надеяться, что социология языка в России в ближайшее время найдет достойных исследователей, в том числе и среди авторов представленной коллективной монографии.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026 № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 30.06.2026

Формат 60×84/16 Цена свободная
Усл. печ. л. 9,25 Уч.-изд. л. 7,9
Тираж 800 экз. Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: 8(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии

АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6